

788
16709

А.А.Макаров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ЯПОНИИ

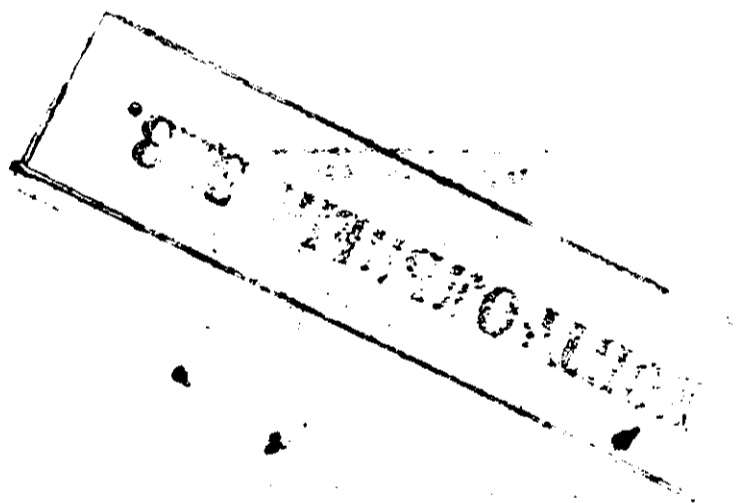
*Механизм
функционирования
на современном
этапе*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

А.А.Макаров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ЯПОНИИ

*Механизм
функционирования
на современном
этапе*

Москва «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1988

Светлой памяти моего отца,
А. М. Дубинского, посвящается

Ответственный редактор
Д. В. ПЕТРОВ

Рецензенты
В. Н. БУНИН, Е. К. СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО

ТЗ(5)

69044-88

ГНТБ СО АН СССР
Гос. Публ. Науч.-техн.
библиотека

В монографии анализируется механизм политической власти в современной Японии, рассматриваются структура правящих кругов страны и система взаимодействия входящих в них группировок, исследуются основные этапы принятия важнейших правительственных решений по внутриполитическим вопросам.

М 0804000000-171 185-88
(013)02-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение политического опыта правящей верхушки Японии как одного из трех центров мирового империализма, ведущей капиталистической страны Азии, имеет важное значение для понимания тех процессов, которые характерны для эволюции политической системы развития капиталистических стран на современном этапе. «В политической области для империализма характерна тенденция к усилению реакции по всем направлениям, — подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС. — Там, где трудящиеся в упорной борьбе добились определенных демократических прав, государственно-монополистический капитализм ведет настойчивое, подчас искусно маскируемое наступление на эти права. В опасных для себя ситуациях он, не колеблясь, прибегает к политическому шантажу, репрессиям, террору, карательным акциям...»¹.

Высокая степень слаженности механизма принятия политических решений на высшем уровне в Японии, сам факт бессменного нахождения у власти одной буржуазной партии в течение более, чем трех десятилетий нередко рассматривается во многих передовых странах Запада как достойный образец для подражания. Значительно активизировалась также внешнеполитическая активность японского государства, связанная с пропагандой якобы уникального «японского опыта».

Настоящая работа посвящена изучению комплекса способов и методов, при помощи которых в современной Японии осуществляется та форма классового господства, которую основоположники марксизма-ленинизма определяли как господство политическое. В монографии исследуется механизм политической власти, включающий в себя социальные группы и основные институты — формальные и неформальные, вырабатывающие политический курс, равно как и система связей между группировками в правящей верхушке Японии. Основное внимание при этом уделено анализу современного состояния политического механизма, который в своих основных чертах сложился на рубеже 50—60-х годов. Автор также ставит своей целью проследить новейшие тенденции и явления в политическом развитии Японии в последнее десятилетие, которые не нашли достаточного освещения в советской и зарубежной монографической литературе.

В работе содержатся анализ процесса принятия важнейших

внутриполитических решений и всесторонняя характеристика деятельности участвующих в нем группировок правящего класса Японии. Автор рассмотрел широкий круг проблем, таких, как видоизменение буржуазного парламентаризма на современном этапе, усиление влияния в реальном политическом механизме государственно-административного аппарата, воздействие финансово-монополистического капитала на политические органы страны. Значительное внимание уделялось выявлению общего специфического в политической структуре Японии, ее характерных особенностей, определяемых историческим ходом развития этой страны, равно как и особенностями политического сознания японской нации. В этой связи были проведены, насколько возможно, параллели и сравнения с политическими системами США и ведущих капиталистических стран Европы.

Автор счел целесообразным максимально насытить работу конкретным материалом, показать ход разработки и реализации важнейших правительственных программ последнего периода.

При исследовании политического механизма современной Японии особое внимание уделялось выявлению форм и методов при помощи которых социальная группа, господствующая в сфере экономики — финансово-монополистическая буржуазия, формально остающаяся вне официальной системы власти, добивается проведения отвечающей ее интересам политики через государственно-бюрократический аппарат.

Отмечая особенности политического господства монополий В. И. Ленин указывал, что «буржуазия... великолепно научилась лицемерить и тысячами приемов надувать народ, выдавая буржуазный парламентаризм за „демократию вообще“ или за „чистую демократию“ и тому подобное, искусно пряча миллионы связей парламента с биржей и капиталистами, используя подкупную, продажную прессу и всеми силами пуская в ход силу денег, власть капитала»².

Эта ленинская мысль служит исходным положением при анализе реально существующих и функционирующих механизмов политической власти в современных развитых капиталистических странах, которые в условиях буржуазной демократии далеко не всегда соответствуют описанным в нормах государственного права моделям, сплошь и рядом оставляя на бумаге торжественно декларируемые в буржуазных конституциях принципы, маскируя подлинное положение дел.

Особенностью изучения политических механизмов является то, что оно происходит на стыке целого ряда общественных дисциплин: всеобщей истории, истории государства и права, юриспруденции в целом, политической экономии и, до определенной степени, социальной психологии. Это предопределяет многоплановость и сложность настоящей работы, которая ни в коей мере не претендует на исчерпывающее исследование поставленной проблемы. Основываясь на новейших советских исследованиях, автор исходил из того, что власть в данном обществе осущест-

вляется в рамках его политической системы, которая обеспечивает интеграцию всех элементов общества как целостного, централизованно управляемого организма. Фокусом этого организма является буржуазное государство, в первую очередь выполняющее интересы экономически господствующего класса³.

Предметом особого внимания автора стала составная часть политической системы современной Японии, которую в советской науке принято именовать *политическая организация общества* — институционное понятие, которое включает в себя «взаимосвязь и соотношение всех учреждений, входящих в политическую надстройку: государства, партий, профсоюзов, иных организаций, преследующих политические цели»⁴. При этом в центре исследования оказались господствующие институты. Деятельность парламентской оппозиции и различных организаций социального сопротивления буржуазии, существующих в современной Японии, рассматривается в соотношении с политикой правящих кругов в том плане, насколько они препятствуют реализации их планов или насколько, в силу различных обстоятельств, так или иначе объективно содействуют ей. Значительное место в работе отводится исследованию системы коммуникаций внутри политического механизма Японии, равно как и характерному для этой страны типу политического сознания и политической культуры.

В монографии в основном рассматривается механизм политической власти, действующий на общенациональном уровне. Автор лишь вскользь коснулся деятельности периферийных органов власти, исходя из их сильной подчиненности центру, более значительной, чем во многих других развитых капиталистических странах⁵. В равной степени за пределами подробного исследования остались также такие элементы политической системы Японии, как судебная и военно-полицейская машина и аппарат идеологического господства правящих кругов страны.

Глава первая
**ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕХАНИЗМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ**

**Эволюция политической системы
после окончания второй мировой войны**

В послевоенном политическом развитии Японии отчетливо выделяются несколько этапов, различия между которыми определяются степенью «зрелости» механизма политической власти в целом, соотношением сил между правящим и оппозиционными лагерями, внешнеполитическим положением страны и рядом других факторов.

Важнейшей вехой в новейшей истории Японии стало поражение милитаристского режима, который господствовал в стране до и во время второй мировой войны, положившее начало новой эпохе в ее развитии.

В период послевоенных реформ 1945—1952 гг. американские оккупационные власти, заинтересованные на определенном этапе в ослаблении своего бывшего дальневосточного соперника, провели широкие преобразования в экономической, социальной, политической и культурной областях с тем, чтобы устранить тоталитаристские и милитаристские элементы, толкнувшие в прошлом страну на вооруженный конфликт с США.

Радикальные преобразования претерпел существующий в Японии политический режим. Абсолютная монархия трансформировалась в монархию конституционную с парламентарно-формой правления. Военщина, которая в милитаристской Японии пользовалась чрезвычайными правами, обладая прямым доступом к трону, лишилась своих былых привилегий и была изгнана из системы политической власти.

В стране была проведена аграрная реформа, ликвидировавшая класс помещиков — один из столпов прежнего монархического режима.

Важнейшие изменения произошли в области промышленности. Трансформация структуры национального хозяйства шла параллельно с видоизменением японских монополий. Роспуск гигантских концернов «дзайбацу» довоенного типа привел к пе-

рераспределению капиталов и образованию новых монополистических объединений и соответственно выдвижению нового слоя монополистических собственников. Возникли новые предпринимательские организации, ставшие главными координирующими центрами «делового сообщества» Японии. Значительные модификации претерпел политический стиль «большого бизнеса» Японии. Последний стал предпочитать не прямые, как в довоенный период, а в большинстве случаев косвенные, завуалированные методы воздействия на правящую партию и государственно-административный аппарат.

Ликвидация феодальных пережитков в лице абсолютистской монархии и помещичьего землевладения в ходе земельной реформы (1946—1949), появление возможности для легальной деятельности профсоюзов и оппозиционных политических партий, общая демократизация общественной жизни в Японии поставили ее правящие круги в новые, отличные от довоенных условия. Теперь эти круги уже потеряли возможность осуществлять власть, исходя лишь из собственных узкоклассовых интересов. Продолжая оставаться «орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами»¹, японское государство все в большей степени оказалось вынужденным прислушиваться к набирающему силу демократическому общественному мнению, учитывать укрепление позиций оппозиционных партий. Важнейшим аспектом его деятельности, таким образом, стало социальное маневрирование — проведение комплекса мероприятий, направленных на сохранение и укрепление социальной базы буржуазного режима.

Период 50-х годов стал своего рода промежуточным этапом в послевоенной истории Японии. В это время в основном завершились радикальные послевоенные реформы и началось складывание в основных чертах политической структуры, которая стала определять развитие страны в последующие десятилетия.

Интенсивно шло формирование новой партийной системы. Важнейшим событием в политической истории послевоенной Японии стало создание в 1955 г. на базе консолидации целого ряда партий и организаций консервативного толка² крупной партии монополистического капитала — Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии, с тех пор бессменно стоящей у власти³. Сразу же после своего образования ЛДП стала обладать стабильным большинством в парламенте. Объединенные консервативные силы стали контролировать 298 из 467 мест в нижней палате и 119 из 250 в верхней палате высшего законодательного органа страны⁴.

Консолидация консерваторов в рамках одной организации имела важные последствия для последующего политического развития Японии, так как она на многие годы определила особенности функционирования политического механизма этой страны. Прежде разрозненный, этот механизм был теперь унифици-

рован, что позволило монополистическим кругам наиболее эффективно осуществлять свое воздействие на надстроечные органы страны. ЛДП стала главным политическим рычагом японских монополий, призванным выполнять две основные функции — активную — формировать соответствующую интересам финансово-монополистической верхушки государственную политику, пассивную — оказывать сопротивление натиску демократических сил, обеспечивать сохранение в стране наиболее оптимальных условий для деятельности монополистического капитала политическим

Параллельно с консолидацией консервативных организаций начался процесс перестройки оппозиционных партий, который закончился формированием в первой половине 60-х годов структуры оппозиционного лагеря Японии. Сразу же после окончания второй мировой войны была восстановлена Коммунистическая партия Японии (КПЯ), которая к началу 60-х годов уже превратилась в массовую политическую организацию. В 1955 почти одновременно с созданием ЛДП, произошло объединение правой и левой социалистических партий в единую Социалистическую партию Японии (СПЯ), ставшую с тех пор главной политической парламентской оппозицией. В январе 1960 г., после выделения из СПЯ группы правых социал-демократов, возникла реформистская Партия демократического социализма (ПДС). Наконец, в 1964 г. последователями буддийского общества «Сика-гаккай» («Общество установления ценностей») была образована партия Комэйто — Партия чистой политики⁵.

В результате размежевания сил в оппозиционном лагере середины 60-х годов на политической арене Японии создало положение, при котором правящей ЛДП стали противостоять четыре различные по своей политической ориентации и реальному влиянию в стране партии: СПЯ, КПЯ, ПДС и Комэйто.

Однако рубеж 60—70-х годов ознаменовался резким ослаблением позиций правящей партии. Значительное недовольство курсом ЛДП, в частности политикой форсированных темпов экономического роста, в небывалой степени обострившей все социально-экономические проблемы, проявилось в массовом отходе от консерваторов их бывших сторонников. Это выразилось в резком сокращении уровня поддержки ЛДП на выборах, что к середине 70-х годов привело к установлению почти полного баланса сил в парламенте. Такое положение заставило руководство либерал-демократов искать новые формы и методы, позволявшие бы им удержать в своих руках контроль над деятельностью высшего законодательного органа, в частности путем блокирования с частью оппозиции.

С середины 70-х годов, в значительной степени в силу кризиса правящей партии, в Японии начался довольно интенсивный процесс образования новых политических организаций, что породило многочисленные теории о наступлении в стране так называемого «периода многопартийности»⁶. Наибольшую жизнь

норм происходило в Японии в период послевоенных реформ, когда вся система государственного управления претерпела серьезные изменения.

В качестве основополагающей концепции государственного управления была принята рецептированная концепция «правового государства». Был провозглашен один из фундаментальных принципов «классической» демократии — принцип разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Была ликвидирована довоенная система государственного управления с такими ее полуфеодальными институтами, как практически всеобъемлющая власть императора, наследственная палата пэров, институт старейшин («гэнро») и Тайный совет — особый совещательный орган при императоре.

Конституция 1947 г. радикально ограничила статус японского монарха, о котором говорится, что «император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть» (ст. 1)¹¹. Даже при наличии определенных сходств с государственным устройством Великобритании император Японии лишен даже так называемых «спящих полномочий». Давая оценку современной японской монархии, советский правовед В. В. Ботуренко определяет ее как «идеологическую монархию», имея в виду, что правящие круги Японии используют фигуру императора в качестве персонификации националистических идей, которые они в собственных целях стремятся сохранить и приумножить. Он отмечает, что по форме правления Япония представляет собой уникальное в капиталистическом мире «сочетание чрезвычайно слабой монархической оболочки и вполне реального республиканского содержания принципов формирования и функционирования государственных институтов и положения личности»¹².

Единственным прецедентом в практике современного буржуазного права стала ст. 9 конституции, которая провозглашает безоговорочный отказ «на вечные времена» от войны как от средства разрешения международных споров, равно как и от обладания какими-либо «средствами войны»¹³.

Конституция 1947 г. кардинально изменила систему взаимоотношений между государственным управлением и правом. В стране впервые была введена система государственного управления, формально основанная исключительно на парламентских законах. При этом парламент был провозглашен «высшим органом государственной власти» (ст. 41). Этим, в частности, японская конституция отличается от конституций большинства развитых капиталистических стран, в которых, как правило, отсутствует прямое признание этого представительного учреждения в качестве верховного органа государственной власти¹⁴.

Конституция 1947 г. формально наделяет высший представительный орган исключительными прерогативами в сфере законодательства. При этом в Японии, как и в большинстве раз-

витых капиталистических стран, за исключением тех, в которых, как, например, в США, глава исполнительной власти (президент) формально юридически лишен права законодательной инициативы, существует равноправие парламента и правительства в законодательной инициативе. Действующие в стране юридические постановления дают право как депутатам любой из палат парламента — палаты представителей и палаты советников, — так и кабинету министров выступать в роли инициаторов законопроектов. Исключение составляет проект бюджета, разработка которого является исключительной прерогативой кабинета.

Отличительной особенностью периода послевоенных реформ было широкое заимствование американских политико-государственных норм и институтов, в частности уже сложившейся тогда в США системы административных комитетов. Последняя предполагает создание при центральной администрации широкой сети консультативных органов, в которые наряду со служащими государственного аппарата включаются также и представители внеправительственных кругов: предпринимательских, академических, профсоюзных и др.

Американская система быстро прижилась на японской почве и с конца 40-х годов при административном аппарате страны стали во множестве появляться различные консультативные комитеты и советы, важнейшие из которых стали впоследствии ключевыми звеньями процесса принятия политических решений¹⁵.

Сложившаяся в послевоенный период система консультативных органов при правительстве Японии была юридически закреплена Законом об организации государственного управления (Кокка гэсэй сосикихо), принятым 10 июля 1947 г., а также в многочисленных юридических актах, регулирующих деятельность отдельных правительственных министерств и ведомств.

Согласно ст. 8 упомянутого выше закона, консультативные органы¹⁶ учреждаются при различных государственных административных учреждениях (как центральных, так и префектуральных) в качестве постоянно действующих органов. При этом центральные совещательные органы подразделяются на два типа: при канцелярии премьер-министра и при министерствах и других государственных ведомствах (подробно о правительственном консультативном аппарате см. ниже).

Примерами совещательных органов при канцелярии премьер-министра могут служить, в частности, Комиссия по системе местной администрации (Тихо сэйдо тэсакай), Комиссия по вопросам налоговой системы (Дзэйсэй тэсакай), Комитет по вопросам системы социального страхования (Сякай хосэ сэйдо сингикай). Всего при канцелярии премьер-министра существует свыше 50 консультативных органов, больше, чем при любом другом правительственном ведомстве¹⁷.

Ко второму типу центральных консультативных органов от-

носятся, например, Комитет по вопросам воздушного сообщения (Коку сингикай) при министерстве транспорта, Комитет по промышленной структуре (Сангё кодзо сингикай) при министерстве внешней торговли и промышленности, Комитет по статистике (Токэй сингикай) при Управлении административного контроля и др.

Кроме консультативных органов ведомственного подчинения в Японии существует также разветвленная сеть так называемых «персональных консультативных органов» («ситэки симон кикан»). Они подчинены непосредственно руководящим работникам государственных ведомств — министрам, а также начальникам департаментов и отделов. Юридическим отличием «персональных консультативных органов» от ведомственных является то, что они учреждаются не по решению парламента, а по постановлению кабинета министров.

На страницах японской печати можно лишь крайне редко встретить сведения о «персональных консультативных органах», тем не менее предполагается, что в настоящее время их насчитывается несколько сотен — примерно столько же, сколько совещательных советов ведомственного подчинения¹⁸.

Создавая в послевоенный период систему консультативных органов при государственном аппарате страны, правящие круги Японии пытались достичь такой важной пропагандистской цели, как создание видимости демократизации системы государственного управления. Именно их стремлением заставить общественность поверить в то, что правительственный бюрократический аппарат Японии потерял былую кастовую замкнутость, и объясняются многочисленные декларации о том, что правительственные совещательные органы включают в себя «представителей народа», служат рупором его интересов и т. п.¹⁹.

После окончания второй мировой войны претерпел значительные изменения статус государственной службы. В довоенной Японии каждый государственный чиновник именовался «служгой императора» и теоретически был подотчетен только ему. Ни о каком контроле парламента или прессы над государственным аппаратом не могло идти и речи. Влияние высшей бюрократии еще более увеличилось с усилением с начала 30-х годов тоталитарных тенденций и милитаризации страны. Высокопоставленные чиновники нередко назначались депутатами Палаты пэров и членами Тайного совета — органов, доминировавших в довоенной системе государственной власти в Японии. Как показывают подсчеты японского политолога М. Таканэ, в середине 30-х годов 54% представителей политической «элиты», начавших свою карьеру в системе государственного аппарата, закончили ее на высших бюрократических постах, 19% по императорскому указу получили мандаты депутатов Палаты пэров, 13% были назначены членами Тайного совета²⁰.

Согласно существовавшей тогда практике, японский бюрократ мог путем простого продвижения по служебной лестнице

достичь высшего поста в государственном ведомстве — поста министра. Как указывает известный японский политолог Ц. Ватанабэ, в период, начиная с появления первого партийного кабинета, сформированного в 1924 г. Т. Като, и до кабинета К. Судзуки (1945 г.) — последнего кабинета Японии военного времени, 48 высокопоставленных чиновников, в основном из влиятельных министерств (финансов, иностранных дел и внутренних дел), стали министрами²¹.

Послевоенная японская конституция провозгласила принцип «деполитизации» государственного чиновничества и определила его статус как «слуг всего общества, а не какой-либо одной его части»²². Были ликвидированы цитадели реакционной чиновничьей системы в довоенный период — министерство внутренних дел и военные ведомства.

Сложившаяся после окончания второй мировой войны правовая система Японии стала представлять собой, таким образом, в значительной степени уникальное сочетание норм континентального права, воспринятых в период преобразований после «реставрации Мэйдзи», и новейших заимствований из общего (англо-американского) права. Это наложило отпечаток на все отрасли современного права Японии, в том числе и на его разделы, регулирующие систему государственного управления. В то же время и в концепции административного права этой страны неустрашимым элементом осталась традиционная идея о верховенствующей, самодовлеющей роли государственной власти. В отличие, например, от американской концепции администрации, формально предполагающей взаимоотношения независимого индивидуума и государства, в Японии существует в значительной степени иной взгляд на государственное управление. Он весьма характерно выражен в авторитетном японском энциклопедическом словаре «Кодзэн», который трактует административное право как «свод юридических предписаний, определяющий в первую очередь отношения государства как субъекта административной власти... с подчиненным ему народом»²³.

Давая общую оценку существующей в стране системы административного права, буржуазная юридическая наука Японии настойчиво делает акцент на таких инспирируемых правящими кругами страны пропагандистских лозунгах, как «демократичность» государственного управления страны, построение его по принципу законности, «подчинения закону» («хо-ни ёру гёсэй»). Подчеркивается строгое разграничение компетенций центральной и местной администраций²⁴. При этом активно распространяются имеющие широкое хождение на Западе концепции «государства всеобщего благосостояния» («фукуси кокка»), «социального государства» и т. п.²⁵.

Характерной чертой правовой системы современной Японии является значительное, постоянно возрастающее число действующих законов. Так, к началу 80-х годов в стране действовало около 1500 законов, причем тысяча из них (около 2/3) относи-

лась к сфере административного права²⁶. Кроме того, как и в других капиталистических странах, в Японии широкое распространение получило так называемое делегированное законодательство — фактическое присвоение органами исполнительной власти себе законодательных функций. Речь идет о различных актах, издаваемых как кабинетом министров («сэйрэй»), так и отдельными министерствами и ведомствами («сёрэй»), не говоря уже о постановлениях органов местной власти. Согласно Основному закону страны, они принимаются в истолкование действующей конституции и законов и не могут содержать «статьи, предусматривающие уголовное наказание иначе как с разрешения соответствующего закона» (ст. 73). Подобного рода актов существует в Японии значительное количество (по приблизительным оценкам, не менее 6 тыс. к середине 70-х годов)²⁷.

При анализе системы нормативного регулирования, существующей в Японии, равно как и в любой другой капиталистической стране, необходимо исходить из двух критериев: количественного и качественного. Как показывает история права, само существование в стране чрезмерного количества юридических актов, которые вводятся в действие под предлогом усиления законности, может иметь совершенно обратный эффект. Так, оно, в частности, затрудняет понимание населением права в целом и его отдельных отраслей. Вместе с тем чрезмерная усложненность правовой системы позволяет правящим кругам на самых различных уровнях уклоняться от выполнения существующих законов.

Более того, реальностью современной Японии являются постоянные нарушения господствующей верхушкой существующего законодательства. Фактически неконституционным является существование в стране вооруженных сил, созданных в обход «мирной» статьи Основного закона Японии. Страницы японской периодики изобилуют сообщениями о многочисленных нарушениях законодательства, связанного с выборами и финансированием политических партий и организаций: Закона о выборе публичных должностных лиц и Закона о политических фондах. В ходе продолжающегося с 1976 г. расследования скандального «дела Локхид» выяснились вопиющие факты нарушения коррумпированной частью правящей верхушки страны, включая бывшего премьер-министра К. Танака, Закона о контроле над иностранной валютой и внешней торговлей. Реальностью современной Японии является также характерная для всех капиталистических стран практика постоянного уклонения корпораций и отдельных предпринимателей от соблюдения норм, регулирующих налогообложение.

Помимо обычной практики деликта (правонарушений) отличительной чертой политики правящих кругов Японии является максимальное использование в своих узких интересах существующего законодательства, нередко путем его фактического извращения и выхолащивания.

Так, сама Конституция 1947 г. предоставляет правительству весьма действенное орудие контроля над парламентом, ставя высший и единственный законодательный орган страны в определенную зависимость от исполнительной и судебной власти. Так, кабинет министров наделен правом решать вопрос о созыве и роспуске палаты представителей, играющей доминирующую роль в деятельности парламента (ст. 53 и 54 Конституции). К этому средству консервативный режим обычно прибегает либо в случае складывания неблагоприятной для него обстановки в высшем представительном органе страны, либо когда имеются перспективы увеличить представительство ЛДП в парламенте. В то же время в компетенцию судебной власти (Верховного суда) входит право решать вопрос о конституционности любого официального акта (ст. 81).

При этом, согласно ст. 79, право назначать состав Верховного суда, исключительной прерогативой которого является осуществление конституционного надзора, находится в руках правительства, ревностно следящего за тем, чтобы в суд высшей инстанции не попали «случайные» люди. Практика конституционного надзора в послевоенной Японии показывает, что когда население, ведя борьбу в защиту своих конституционных гарантий, возбуждает дела принципиальной важности (такие, например, как вопрос о неконституционности существования «сил самообороны», размещение на территории страны военных баз США), Верховный суд фактически бездействует.

Реальностью современной Японии является также существование целой системы так называемого правонарушающего законодательства, т. е. принятие таких, нарушающих положения конституции законодательных актов, как Закон о предотвращении подрывной деятельности 1952 г., Закон о силах самообороны 1954 г. и многих других²⁸, или проведение таких законодательно оформленных действий исполнительной власти, как массовая чистка «красных» в государственном аппарате, лишение государственных служащих вопреки ст. 28 Конституции права на забастовки и т. д.

Глубокое возмущение широких слоев населения Японии вызывает постоянная практика максимального использования правящей партией в собственных корыстных интересах несовершенства нынешней избирательной системы, в особенности существующей структуры избирательных округов. Последняя не подвергалась сколько-нибудь серьезному пересмотру более двух десятилетий, что в результате происшедших с тех пор значительных изменений в размещении населения привело к возникновению резких, порой вопиющих, диспропорций между численностью населения в отдельных округах и числом избираемых от них депутатов парламента. При этом показательно, что ЛДП, которая уже многие годы всемерно препятствует справедливому пересмотру системы избирательных округов, в то же время активно вынашивает планы учреждения так называемых «малых

округов», что позволило бы ей при сохранении того же уровня поддержки электората резко увеличить свое представительство в парламенте (см. главу третью).

На протяжении многих лет оппозиция вела борьбу за приведение избирательной системы в соответствие с реальным положением вещей, неоднократно апеллируя к Верховному суду. Последний, в свою очередь, неоднократно отклонял иски о признании недействительными результатов парламентских выборов, проведенных на основе существующей системы, как, например, в своем известном решении от 5 февраля 1964 г.²⁹ Однако в 1976 г. наконец правомерность требований оппозиции была официально признана. В вынесенном 7 ноября 1983 г. аналогичном решении Верховного суда Японии была зафиксирована переходящая все границы диспропорциональность: по результатам парламентских выборов 22 июня 1980 г., один голос избирателя в участке с наименьшим населением оказался равен 3,94 голосам в участке с наибольшим населением. Верховный суд был вынужден признать, что подобная диспропорция «настолько велика, что противоречит конституционному положению о равенстве всех людей перед законом»³⁰.

17 июля 1985 г. было принято очередное решение Верховного суда по вопросу об избирательной системе страны, согласно которому было признано неконституционным распределение существовавших тогда 511 мест в палате представителей между 130 избирательными округами. Возникла такая ситуация, при которой в случае проведения выборов в палату представителей при существующей системе (вопрос о ней обсуждался руководством ЛДП с конца 1985 г.) их результаты могут быть признаны недействительными. В подобных условиях ЛДП была вынуждена срочно внести некоторые коррективы в избирательную систему, с тем чтобы она более адекватно, чем прежде, отражала демографический баланс между урбанизированными и сельскими районами³¹.

Как неоднократно указывал В. И. Ленин, анализируя буржуазные правовые, в частности конституционные, системы, всегда необходимо помнить об их классовой природе. Он писал о значительной степени фиктивности буржуазных конституций³². Он предостерегал от того, что называл «конституционными иллюзиями», определяя последние как политическую ошибку, которая заключается в том, что «люди принимают за существующий... „конституционный“ порядок, хотя его в действительности не существует»³³. (Весьма демократичные по своей форме положения японской конституции и ряда законов, регулирующих систему государственного управления (Закона об организации государственного управления, Закона о парламенте, Закона о государственных служащих, Закона о местной автономии и др.), несут в значительной степени чисто формальный характер, камуфлируя реальный механизм власти, действующий в стране. Это показывает анализ так называемой «живой» конституции —

способность из «новых партий» проявили консервативный Новый либеральный клуб (НЛК), выделившийся в 1976 г. из ЛДП⁷, и отколовшаяся в том же году от СПЯ правореформистская группировка, которая впоследствии оформилась в Союз социал-демократов во главе с Хидэо Дэн. Помимо вышеуказанных семи партий к моменту выборов в палату советников 26 июня 1983 г. в Японии имелось 12 новых мелких политических организаций («мини-партий»), которые, однако, в своем большинстве не добились никакого представительства в парламенте⁸.

На рубеже 70—80-х годов наметилось начало нового этапа в развитии послевоенной политической системы Японии, в самом общем виде характеризующегося общим ростом консервативных настроений в стране, укреплением на его фоне позиций ЛДП, резкой активизацией деятельности правящих кругов страны, принявшей открыто наступательный характер. Стали раздаваться голоса о приходе на смену «системе 1955 года» новой политической структуры, характеризующейся формулой «один сильный, четверо слабых» («иккё ёндзяку»), означающей полное превосходство ЛДП над четырьмя основными политическими партиями⁹.

Трансформация политической структуры Японии происходила в неразрывной связи с действием самых разнообразных факторов, таких, как социальные сдвиги в японском обществе, состояние демократического движения, колебания экономической структуры, воздействие изменений международной ситуации. Все они определили изменения на каждом из этапов позиций правящих кругов страны, равно как и форм и методов, которые использовались ими для достижения своих целей.

Конституционно-правовая модель современной Японии

Согласно принятой в 1889 г. и действовавшей вплоть до окончания второй мировой войны «конституции Мэйдзи», в стране существовала форма правления, которую можно охарактеризовать как дуалистическую монархию¹⁰. Император обладал правом издавать указы, имеющие равную с принимаемыми парламентом законами силу. Отсутствовал институт парламентской ответственности, правительство было независимо от высшего представительного органа и подотчетно только императору.

Новая конституция, вступившая в силу в 1947 г., впервые в истории Японии провозгласила принцип национального суверенитета и основные демократические свободы. В стране было введено всеобщее избирательное право.

Отныне, в условиях буржуазно-демократического режима главным регулятором организации и функционирования государственного механизма, по крайней мере на внешнем уровне, стали выступать правовые нормы. Широкое насаждение таких

реально существующих в стране порядков и неписаных норм, которые закрепляют и регулируют такие социально-экономические и политические условия, которые обеспечивают монополию господствующей верхушки на государственную власть.

Еще одно обстоятельство, на наш взгляд, чрезвычайно важно для понимания правовой системы и правосознания в Японии. Это культура и обычаи японцев, отличные от обычаев развитых капиталистических стран Запада. Подобно многим восточным странам в Японии категоричность юридических норм как таковых вызывает латентный протест у населения. Как отмечают многие авторы, в том числе и советские, большое распространение имеют неписанные нормы морально-этических обязательств, выражаемых термином «гири»³⁴. С ним в значительной степени связано фактическое отсутствие в стране юрисконсультов и слабое развитие адвокатуры. Если в США практикует 600 тыс. адвокатов, т. е. один на каждые 400 жителей, в Японии — лишь 12 тыс., т. е. один на каждые 10 тыс. жителей.

В отличие от США, где юристы, состоящие на службе у правительства и корпораций, являются важной частью капиталистического истеблишмента, в социальной структуре японского общества адвокаты занимают явно периферийное место. Так, в середине 1983 г. лишь 51 из 763 депутатов японского парламента являлись адвокатами, при этом ни один из 17 послевоенных премьеров в прошлом не имел опыта адвокатуры³⁵.

В политическом механизме Японии, таким образом, особую роль играют неправовые нормы регулирования возникающих в процессе его функционирования отношений: традиции и обычаи политической жизни, не закрепленные в формальных юридических актах, специфическая мораль и этика и т. п. Их изучение дает очень многое для понимания реальной системы политической власти этой страны.

Структура правящих органов

Основными составными частями механизма политической власти, сформировавшегося в Японии на рубеже 50-х — 60-х годов, наряду с политическими институтами, представленными правительством, партийным (ЛДП) и государственно-административным аппаратом, являются также ведущие предпринимательские организации. Формально существуя вне официальной структуры власти, последние выступают как координирующие центры японских монополий, выражающие наиболее общие интересы крупного капитала страны.

Верхушка этих трех структурных элементов политической системы представляет собой правящую в стране государственно-монополистическую олигархию³⁶.

Привилегированная верхушка в Японии, как и в других ка-

питалистических странах, является крайне узкой, замкнутой группой. В нее входит, по подсчетам автора, примерно 3 человека: депутаты парламента от ЛДП, высокопоставленные правительственные чиновники в ранге не ниже начальника дела министерства или государственного ведомства и ведущие деятели финансово-монополистических кругов³⁷. В ней, в свою очередь, можно выделить еще более узкую группировку, в рамках которой находятся наиболее эффективные рычаги власти. Ее составляют три-четыре десятка партийных боссов ЛДП, формирующих кабинеты министров, высшие правительственные чиновники, занимающие ответственные посты в ключевых ведомствах центрального административного аппарата, и лидеры четырех ведущих предпринимательских организаций. Эта группировка, не превышающая по количеству несколько сот человек, распоряжается по своему усмотрению основной массой капиталов в стране и независимо от парламента принимает решения по важнейшим вопросам национальной политики.

Как и любую элитарную группу, государственно-монополистическую олигархию Японии отличает сословная замкнутость и стремление увековечить свое привилегированное положение. При этом особенностью правящей верхушки в целом и ее отдельных частей является то, что помимо общности классовых интересов, объединяющих ее членов, она также прочно с cementирована сложной системой специфических «личностных», неформальных связей.

Японский социолог Т. Мито, автор целого ряда работ по общественной психологии, бюрократической системе и социологии производственных отношений, считает, что любая организация в Японии (компания, учреждение, предприятие и т. д.) в отличие от стран Запада представляет собой дуалистическую структуру, сочетающую в себе формализованную организацию и неформальный союз, сходный по характеру с общиной³⁸. В Японии широкое хождение имеют концепции социально-политической организации общества на основе патерналистской системы «иэ» (семья, дом). Эта система, которая представляется в качестве уникальной особенности японского общества, в том числе и политической сферы, в наиболее полной мере нашла отражение в получившей известность объемистой монографии японских авторов Я. Мураками, С. Кумон и С. Сато «Общество „иэ“ как тип цивилизации»³⁹.

В своем исследовании «Теория японской демократии» известный американский специалист, профессор политической науки Стэнфордского университета Н. Икэ, придерживаясь общей, наиболее распространенной в западной и японской политической науке концепции преобладания в Японии вертикальных социальных связей (группа, фирма, учреждение и т. п.), проводит ставшую уже традиционной на Западе мысль о слабости классовых отношений в Японии. По его мнению, от «западных демократий» эту страну отличает высокая степень персонифициро-

ванности общественных отношений и характерная корпоративность, порождаемая специфическим «групповым характером» сознания японцев⁴⁰.

Совершенно очевидно, что правящие круги Японии используют подобные теории в собственных классовых интересах, которые выражаются в стремлении этих кругов установить прочную систему идеологического контроля над трудящимися, удерживать их в рамках несущих сильный оттенок феодальной системы «традиционных» ценностей. В то же время нельзя не признать значительную специфику японского общества, широкое применение неписаных норм политической жизни⁴¹.

Так, характернейшей чертой правящих кругов Японии являются сильные геронтократические традиции, прослеживаемые с глубокой древности. Своеобразный порядок возрастной очередности, который находит свое особенно яркое проявление в назначениях на посты в ЛДП, является постоянно действующим фактором японской политики. С ним связана сложная система межличностных отношений, строящихся по принципу «старший-младший» («оябун-кобун»), которая уходит корнями еще в феодальный период. Эта система находит свое наиболее яркое выражение в фракционности — неотъемлемой черте общественно-политической жизни Японии (подробно см. ниже).

Каждый видный деятель привилегированной верхушки Японии окружен группой или даже несколькими группами лично преданных ему последователей, со многими из которых он когда-то вместе учился в университете, работал в одном учреждении и т. д. Отличительной особенностью подобных групп, построенных по клубному принципу, равно как и большинства связей внутри правящей элиты Японии, является то, что они, как правило, функционируют на неформальном уровне. При этом большинство важнейших решений в деловых кругах, правительстве и политическом мире принимается в Японии не в официальной резиденции премьер-министра или здании парламента, а в многочисленных ресторанах или отелях, расположенных в определенных районах Токио: Акасака, Симбаси, Асакуса и некоторых других. Это во многом уникальное явление существует еще с 70-х годов прошлого столетия и даже получило особое название: «тясицу сэйдзи» или «матияй сэйдзи» («ресторанная политика»)⁴².

Наряду с подобными рода взаимоотношениями, которые можно уподобить имитации своеобразной системы «фиктивного родства», значительную роль в формировании правящей верхушки Японии играют реальные родственные связи. Они особенно часты в среде профессиональных консервативных политиков. Так, Н. Киси и Э. Сато, неоднократно возглавлявшие послевоенные японские кабинеты, были родными братьями, С. Абэ, представитель нового поколения лидеров ЛДП, является зятем Н. Киси. Также можно назвать видного деятеля ЛДП Итиро Коно и его сына Ёхэй Коно, возглавившего в 1976 г. Новый либераль-

ный клуб, братьев Дзэнтаро и Токусабура Косака, возглавляющих собственные группировки в консервативной партии и которых других⁴³. Летом 1986 г. привлек к себе внимание Така Хиракума, сын довоенного премьер-министра, который стал играть ключевую роль в деятельности новой внутрипартийной группировки в ЛДП⁴⁴.

Особую прочность взаимоотношениям внутри составных частей правящей элиты Японии и между ними придают брачные союзы между ее членами. Многие видные консервативные деятели прошлого и настоящего находились и находятся в родственных отношениях с кругами финансовой олигархии. Так, до Хаято Икэда, занимавшего в 1960—1964 гг. пост премьер-министра (умер в 1965 г.), была замужем за сыном миллиардера А. Кондо — Арантиро. Покойный Эйсаку Сато, возглавлявший с 1964 по 1972 г. японское правительство, находился в родственных отношениях с семьями Морэ-Андзай и Аюкава, равно как и другой видный деятель ЛДП — Такэо Мики (в 1974—1976 гг. — премьер-министр)⁴⁵.

Значительная часть высокопоставленной правительственной бюрократии послевоенной Японии также связана с господствующим классом родственными узами. По данным американского исследователя А. Кубота, в конце 50-х годов 11% чиновников высших рангов одного из важнейших государственных ведомств — министерства финансов, были выходцами из семей крупных собственников, а 19,5% состояли в браке с представителями крупного капитала⁴⁶.

Анализ структуры правящего лагеря Японии показывает практическое отсутствие в нем женщин, ни одна из которых в послевоенный период, не говоря уже о периоде до окончания второй мировой войны, не получила назначения на министерские посты или руководящие должности в правящей партии. В высшем эшелоне государственно-административного аппарата они составляют менее 1% (в то время как в США и Канаде около 5%)⁴⁷. Представляется, что в случае Японии это явление усиливается восточными традициями «маскулинности», в свое время полностью исключавшими для «слабого пола» участие в общественно-политической жизни, занятие бизнесом и резко ограничивавшими возможности профессиональной деятельности (женщины занимают несколько более заметное место в деятельности оппозиционных партий. При этом подлинной сенсацией стало выдвижение Такэко Дои на пост председателя СПЯ осенью 1986 г. Она стала первой женщиной — лидером политической партии в Японии)⁴⁸.

В условиях научно-технической революции, когда наука становится непосредственной производительной силой, неизмеримо возрастает значение сферы образования как специального общественного института, предоставляющего необходимую квалификацию всем общественным слоям и группам, которые принимают участие в функционировании современного социально-эко-

номического механизма. Не являющуюся в этом смысле исключением Японию при этом отличает определенная специфика значения фактора образования в формировании и функционировании ее государственно-монополистической олигархии.

Высокий уровень развития системы образования в Японии часто рассматривается как один из важнейших факторов экономических успехов этой страны в послевоенный период. Так, по подсчетам американского исследователя Е. Денисона, в конечном счете до 20% прироста ВВП Японии создается за счет инвестиций в сферу образования⁴⁹.

Правящая верхушка Японии, страны, где просвещение имеет глубокие традиции и издавна рассматривается как важное условие социального успеха, характеризуется исключительно высоким образовательным уровнем. Так, в конце 60-х годов 78% членов кабинета министров, депутатов парламента от ЛДП и высокопоставленных правительственных чиновников имели университетские дипломы⁵⁰.

Результаты проведенного известным американским японоведом Х. Фукуи исследования показывают, что 74% лиц, которые со времени образования ЛДП по конец 1983 г. представляли эту партию в нижней палате японского парламента, имели высшее образование⁵¹. Сравнение с развитыми капиталистическими странами Европы и Америки свидетельствует, что в этом отношении Япония отнюдь не уступает, а в ряде случаев и превосходит Запад. Так, по данным начала 70-х годов, 79% депутатов парламента в таких странах, как Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Голландия и США, посещали, но не обязательно закончили высшие учебные заведения⁵².

Правящую группировку Японии отличает резкое преобладание выпускников небольшого числа привилегированных учебных заведений, в первую очередь старейшего Токийского государственного университета. Так, из 17 послевоенных премьер-министров 9 закончили именно это высшее учебное заведение.

Особенно заметно выделяются выпускники Токийского университета в бюрократической элите, в которой во второй половине 70-х годов они составляли около 80%⁵³. Выпускники этого вуза занимают заметное место также и в деловых кругах. По результатам проведенного в 1977 г. журналом «Сюкан Санкэй» обследования, из 1434 членов советов директоров 50 ведущих компаний страны 533, или 37,7%, закончили Токийский университет. Они составляют самую крупную группировку в среде высших менеджеров японских монополий, превосходя по численности выпускников таких известных и престижных вузов, как Киотоский университет, университеты Хитоцубаси, Кэйо и Васэда⁵⁴.

Положение, при котором небольшое число престижных высших учебных заведений традиционно поставляет кадры для правящей верхушки, имеет место во многих странах капиталистического мира. Однако подавляющему приоритету Токийского

университета в формировании господствующей «элиты» Японии трудно найти параллель. Так, в США на производстве кадров высшего эшелона государственно-административного аппарата специализируется Гарвардский университет и университет Джорджтауне, в Великобритании — Оксфордский и Кембриджский университеты. Их выпускники тем не менее составляют значительно меньшую долю привилегированной правительственной бюрократии, чем в Японии: соответственно 11,2 и 6,9%, 26,5 и 20,8%⁵⁵.

Университетские связи являются в Японии очень прочными. Как правило, они сохраняются всю жизнь. При этом влияние так называемых «университетских кланов» («гакубацу»), в первую очередь наиболее влиятельной «Тодай-бацу» («клана Токийского университета»), трудно переоценить. Как справедливо указывает А. Кубота, очень часто «система назначения на должности и продвижения по службе (в особенности в чиновничьем аппарате. — А. М.) строится на фаворитизме, основанном... на принадлежности в прошлом к тому или иному учебному заведению... и ключевые позиции монополизированы членами нескольких университетских кланов...»⁵⁶.

Подобное явление породило имеющие широкое хождение как в самой стране, так и среди западных специалистов по Японии меритократические концепции, гипертрофированно оценивающие роль образовательного фактора как залога успешного продвижения по социальной лестнице. Активно распространяются всевозможные теории специфического «образовательного общества» («гакурэки сякай») как уникальной черты социальной организации в Японии. Оценивая значительную роль образовательного фактора в формировании правящей элиты современной Японии, следует отметить, что университетский диплом выступает в роли своеобразного фильтра, осуществляющего социальный отбор на самых первых стадиях карьеры индивидуума, претендующего на проникновение в правящую элиту страны. Само поступление в престижные университеты Японии весьма затруднено в силу как огромного конкурса, так и значительной, непрерывно возрастающей стоимости обучения. Оно в значительной степени является не предпосылкой перехода в «привилегированную элиту», а производным от принадлежности к ней. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют приводимые ниже данные об образовательном уровне депутатов политических партий, действующих в стране (на конец 1983 г.)⁵⁷:

Партия	Доля лиц с законченным высшим образованием, %
ЛДП	83
СПЯ	44
Комэйто	57
ПДС	73
КПЯ	69

Как видно из приведенных данных, правящая ЛДП превосходит по этому показателю все другие партии.

Следует учитывать еще одно очень важное обстоятельство. Образование как фактор социального успеха в Японии имеет ограниченное действие — на начальной ступени карьеры «кандидата в правящую элиту». Как указывает японский политолог М. Таканэ, конкуренция на индивидуальном уровне практически прекращается после окончания вступительных экзаменов в университет, результаты которых в существенной степени определяют потенциальные возможности продвижения по лестнице социальной иерархии⁵⁸. В дальнейшем индивидуум оказывается в несущей на себе сильный оттенок феодальных отношений специфической японской системе, обычно называемой «системой пожизненного найма». Эта система практически полностью исключает социальную мобильность и ставит индивидуума в положение, при котором его карьера находится в прямой зависимости от продолжительности непрерывного стажа в данном учреждении или предприятии, его лояльности и т. д.

Характер и формы функционирования реального политического механизма

Одной из тенденций развития государственно-монополистического капитализма является формирование параллельной структуры политической власти, существующей помимо ставшей во многих случаях в значительной степени формальной традиционной системы представительства буржуазной демократии: партии, выборы, парламент. Складывается новая, реально гораздо более эффективная система, основанная уже не на территориальном, а на «функциональном» представительстве, действующем в большинстве случаев вне рамок конституционных норм и традиционных выборных институтов⁵⁹.

Складывание параллельной системы политической власти деформирует юридическо-политические системы развития капиталистических стран, в значительной степени подрывая традиционный принцип демократии — «принцип разделения властей». При этом одной из важнейших тенденций развития их политических структур становится трансформация буржуазного парламентаризма в направлении общего ослабления законодательной власти за счет усиления исполнительной.

Это характерное для периода империализма явление находит в Японии свое особенно яркое проявление. Как справедливо отмечал Ю. Дж. Каплан, бывший ответственный сотрудник государственного департамента США, сравнивая политический механизм Японии с США, «в Японии... исполнительная... власть имеет более прочные позиции, нежели законодательная. Таким образом, исполнительная власть имеет тенденцию превосходить парламент как по реальной власти, так и по престижу... Обыч-

но инициаторами законопроектов становятся кабинет и отдельные министерства... они организуют поддержку законопроектов в парламенте, осуществляют законодательную программу, а затем контролируют исполнение своих проектов, ставших законами»⁶⁰.

Бессменное нахождение у власти с 1955 г. ЛДП не только способствовало упрочению связей между финансово-монополистическими кругами и политической верхушкой страны, но и привело к фактическому слиянию в единый функциональный механизм сменяемой (правительство ЛДП) и несменяемой (государственно-административный аппарат) частей государственной власти. Многолетнее единоличное правление консерваторов привело к тому, что они установили свой контроль не только над парламентом, но и аппаратом исполнительной и судебной власти.

Сильное влияние на современный механизм политической власти Японии оказывает специфика исторического развития страны: непродолжительность истории парламентаризма, не насчитывающей и 100 лет, и традиционно гипертрофированный престиж правительственного бюрократического аппарата. Анализ роли парламента, созданного в соответствии с Конституцией 1947 г., в осуществлении его важнейшей прерогативы — законодательной, показывает, что, хотя он и обладает несравненно более широкими полномочиями, чем «императорский парламент», действовавший в рамках конституции 1889 г., занимает явно второстепенное место в реальном политическом механизме Японии. Подобное положение в немалой степени вызвано сознательной активностью господствующей верхушки, обстоятельство, которое не могут не признать даже буржуазные ученые. Так, японский правовед Ё. Нода пишет в этой связи: «Политика правящего класса оказала свое воздействие на сознание народа и приучила его к слепому повиновению и политической индифферентности. До сих пор в Японии существуют настроения, не благоприятствующие надлежащему функционированию парламента»⁶¹.

В то же время, несмотря на отчетливую тенденцию к умалению роли «мешающих» им буржуазно-демократических институтов и норм, правящая верхушка Японии, несмотря на желание наиболее реакционной ее части, не может игнорировать такой важный элемент конституционной модели государства, как парламент. В осуществлении своей политики правящим кругам Японии приходится учитывать, что парламент наделен двумя важнейшими функциями — законодательной и контроля над правительством, который предполагает ответственность правительства перед палатой представителей (в случае проведения через нижнюю палату вотума недоверия кабинет должен в полном составе уйти в отставку). Активизация деятельности на политической арене страны оппозиционных партий, расширение масштабов демократического и рабочего движения, специфиче-

ские особенности функционирования самого парламента заставляли ЛДП даже при наличии большинства депутатских мест в высшем представительном органе страны прибегать к особым тактическим приемам при проведении своей парламентской политики, широко использовать методы политического маневрирования.

Значительное воздействие на деятельность высшего представительного органа Японии оказывают и его собственные организационно-структурные особенности, в частности та чрезвычайно важная роль, которую играют в его функционировании постоянные комиссии. Последнее обстоятельство связано с тем, что в результате значительного увеличения общего числа законопроектов и их возросшей специализации пленарные заседания каждой из палат уже не могут справиться со всей массой законопроектов. Хотя в большинстве случаев правящая партия добивается продления парламентских сессий, с тем чтобы успеть обсудить все представляемые от лица правительства законопроекты, тем не менее определенное их число, главным образом из-за обструкции со стороны оппозиции, неизменно остается нерассмотренным, что порождает дополнительные трудности для принятия выгодных правительству законов⁶².

В каждой из палат парламента имеется свыше полутора десятка постоянных комиссий (в палате представителей — 18, палате советников — 16), созданных наподобие постоянных комитетов палаты представителей и сената в конгрессе США. Состав постоянных комиссий формируется из представителей различных политических партий пропорционально их представительству в парламенте.

Первостепенную роль в деятельности парламента играют так называемые «постоянные комиссии первого разряда». Их 12 в каждой из палат: бюджетная, комиссия по делам кабинета министров; по делам местной администрации; по вопросам юстиции; внешней политики; государственных финансов; просвещения; по социальным и трудовым вопросам; по вопросам сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства; торговли и промышленности; транспорта, связи; строительства⁶³.

В настоящее время в Японии, как и в других развитых капиталистических странах, парламентские комиссии, на рассмотрение которых передается подавляющее большинство законопроектов, проектов резолюций и т. д., стали по существу подменять собой палаты парламента. Фактически последние в значительной мере перестали использовать свои законодательные полномочия и превратились в машину для утверждения решений, принимаемых парламентскими комиссиями. При этом особенностью деятельности этих комиссий является их теснейшая связь с соответствующими органами исполнительной власти. Очень часто состав постоянных комиссий комплектуется из депутатов, имеющих в прошлом опыт работы в министерствах и ведомствах, профиль которых соответствует профилю данной

комиссии, представители центральной администрации наряду со специалистами и представителями общественности приглашаются на заседания соответствующих парламентских комиссий, на которых в большинстве случаев рассматриваются законопроекты, составленные в том или ином ведомстве правительственного бюрократического аппарата.

Так, заседания важнейшей бюджетной комиссии парламента делятся на два типа: «рабочие заседания» («сокацу сицумон») и «общие заседания» («ниппан сицумон»). На заседаниях первого типа, на которых обсуждаются наиболее важные вопросы, обычно присутствуют премьер и министры кабинета, высокопоставленные правительственные чиновники в ранге начальников отделов и департаментов государственных ведомств. В «общих заседаниях», на которых рассматриваются более мелкие вопросы, участвуют министры, их парламентские заместители и бюрократы более низкого ранга — начальники департаментов. Характерной особенностью работы постоянных комиссий японского парламента является то, что все члены правительства, участвующие в их заседаниях, снабжены предварительно составленными в соответствующих ведомствах центрального административного аппарата текстами предполагаемых вопросов и ответов на них⁶⁴.

Сильное воздействие со стороны государственно-административного аппарата на парламент в целом и его отдельные структурные подразделения неизбежно сказывается и на самих его депутатах, в первую очередь от правящей партии, сковывая их парламентскую активность и заставляя координировать свою деятельность в высшем законодательном органе с деятельностью формально подчиненного парламенту бюрократического аппарата. Как отмечает японский публицист Итиро Кавасаки, связи с государственно-административным аппаратом рассматриваются консервативными политиками как залог прочности своих позиций в парламенте, причем на индивидуальном уровне парламентарии фактически стали играть роль лишь «посредников бюрократии и групп особых интересов»⁶⁵.

Таким образом, анализ особенностей законодательного процесса в современной Японии явственно показывает, что в подавляющем большинстве случаев высшему правительственному органу страны отводится в нем второстепенное место. Ведущую роль в законодательном процессе играет аппарат исполнительной власти. По подсчетам американского политолога Т. Пемпела, 85% всех законопроектов, представленных на рассмотрение японского парламента в период с 1945 по 1975 г. были разработаны в соответствующих подразделениях государственно-административного аппарата. При этом более 90% всех законопроектов, получивших одобрение парламента в тот же период, были представлены от лица правительства⁶⁶.

В подавляющем большинстве случаев местом рождения очередного законопроекта становится одно из ведомств централь-

ного административного аппарата. После завершения работы над составлением проекта закона он проходит тщательное рассмотрение в соответствующих подразделениях аппарата ЛДП и правительственных консультативных органах, в которых широко представлен большой бизнес. В этой стадии законодательного процесса, которая проходит за закрытыми дверями и весьма редко становится достоянием гласности, также участвует правительственная бюрократия. Затем законопроект утверждается кабинетом министров и выносится от его лица на рассмотрение парламента⁶⁷.

Многие японские буржуазные авторы, признавая фактическое слияние в процессе принятия политических решений аппарата ЛДП и государственно-административной машины в единое целое, нередко склонны умалчивать о той роли, которую в этом процессе играют различные внешние «группы давления», в первую очередь организации большого бизнеса. Так, И. Муракава, автор вышедшей в авторитетном токийском издательстве «Кёнкюся» несколькими изданиями книги «Процесс принятия политических решений», моделируя формирование законодательства в Японии, сводит свою схему только к следующим этапам:⁶⁸

I. Государственно-административный аппарат

1. Сектор министерства.
2. Департамент министерства.
3. Руководство министерства.

II. ЛДП

1. Совет по изучению политических вопросов.
2. Совет общих вопросов.
3. Комитет парламентской политики.

III. Парламент.

В то же время реальностью современной Японии является активная деятельность множества разнообразных «групп давления» («ацурёку дантай») ⁶⁹: предпринимательских организаций, торговых и промышленных ассоциаций, отдельных монополистических группировок, аграрных организаций, профсоюзов, а также всевозможных профессиональных объединений, таких, например, как Японская ассоциация врачей (Нихон иппкай), Ассоциация родителей и учителей (Пэтэа) и др. Они осуществляют свое воздействие на государственную машину с различной степенью интенсивности и на самых различных ее уровнях: на уровне правительства, парламента, отдельных политиков, центрального и местного административного аппарата. Каналы и методы деятельности «групп давления», каковая является характернейшей чертой функционирования политических механизмов всех развитых капиталистических стран, варьируются при этом не только в зависимости от характера самих «групп», их потенциальных возможностей и преследуемых ими целей, но и от исторически сложившихся особенностей политических механизмов отдельных стран.

Японский политолог М. Мурамацу выделяет следующие характерные особенности «групп давления» японского типа:

1. В отличие от существующей на Западе системы лоббизма «группы давления» в Японии в подавляющем большинстве случаев образуются по географическому или профессиональному принципам, а не по «свободному волеизъявлению» их участников, действующих, как правило, в различных сферах. Это рассматривается как «отсталость», «неразвитость» лоббистских организаций японского типа.

2. В связи с тем что партии в Японии часто не имеют собственных прочных источников финансирования, «группы давления» играют очень важную роль в системе финансирования политической деятельности в Японии (в первую очередь это относится к Либерально-демократической партии. Подробно об этом см. в главе третьей).

3. Депутаты японского парламента, подобно парламентариям западных стран, часто выполняют роль лоббистов на уровне высшего законодательного органа. В то же время, в связи с приниженной ролью, которую играет парламент в реальном политическом процессе, деятельность «групп давления» в основном ориентирована не на парламент, а на правительственный бюрократический аппарат⁷⁰.

Анализ конкретной деятельности наиболее мощных «групп давления» в современной Японии показывает характерную специализацию объектов лоббистского воздействия. Так, упоминавшиеся выше влиятельные Японская ассоциация врачей или Японская ассоциация юристов нередко предпочитают вступать в контакты непосредственно с высшим эшелоном ЛДП, профсоюзы различной ориентации — с такими оппозиционными партиями, как СПЯ и ПДС. Обладающие наибольшим влиянием «группы давления» — предпринимательские организации — оказывают массированное воздействие на аппарат исполнительной власти. В их лоббистской деятельности, в свою очередь, прослеживается определенная дифференциация. Японский политолог Х. Отацу пишет в этой связи: «По вопросам, касающимся развития японской экономики в целом, „дзайкай“ (финансово-монополистическая олигархия в целом. — А. М.) оказывает воздействие на... политическую власть через особые персональные отношения с представителями правительства и руководства ЛДП. В то же время „гёкай“ („промышленные круги“, отдельные корпорации или отраслевые предпринимательские организации. — А. М.) при решении конкретных вопросов, связанных с развитием отдельных отраслей или финансами... придают особое значение отношениям с соответствующими государственными ведомствами — министерством финансов, министерством внешней торговли и промышленности, министерством транспорта и соответствующими подразделениями Совета по изучению политических вопросов ЛДП»⁷¹.

Характерной чертой политической культуры Японии является-

ся традиционное стремление кругов, обладающих реальной властью, оставаться в тени, манипулируя формальными лидерами из-за кулис. Это явление отмечали многие исследователи. В частности, известный американский востоковед Чалмерс Джонсон, указывая на соотношение между традиционными категориями «омотэ» (эксплицитное) и «ура» (имплицитное) в японской политике, пишет, что имеется «заметное разграничение в ее (Японии) политической системе между царствованием и правлением»⁷². Это образное высказывание в значительной степени применимо для определения особенностей политического стиля существующих в Японии «групп давления».

Центральное место в системе деятельности «групп давления» занимают различные организации крупного капитала, в первую очередь ведущие предпринимательские организации. От других «групп давления» их отличает как степень эффективности воздействия на политические органы, так и то обстоятельство, что их взаимодействие с государственными органами страны носит не эпизодический, а постоянный характер и осуществляется на всех уровнях исполнительной и законодательной власти. При этом характерно, что репрезентативные органы монополий, как формализованные (некоммерческие предпринимательские союзы), так и всевозможные неформализованные организации бизнеса, нередко строящиеся по клубному принципу (см. главу вторую), имеют возможность оказывать воздействие на политические институты не только извне, но и как бы «изнутри». Речь идет о практике их непосредственного участия в деятельности центрального административного аппарата Японии, в первую очередь в упоминавшихся выше многочисленных правительственных консультативных комитетах и советах, которые фактически стали смешанными органами государства и монополий.

В настоящее время в системе центральной администрации Японии действует большое, причем все возрастающее, число таких консультативных органов. Сведения об их количестве в различных источниках достаточно противоречивы, что, в свою очередь, свидетельствует об их многочисленности. Так, по данным авторитетного журнала «Сэкай», в августе 1985 г. при правительстве Японии имелось 214 консультативных органов, не считая так называемых «персональных консультативных органов», речь о которых пойдет ниже⁷³. При этом некоторые государственные ведомства (помимо упоминавшейся выше канцелярии премьер-министра) окружены большим (доходящим до нескольких десятков) числом совещательных советов и комитетов. Так, в начале 80-х годов при влиятельном министерстве внешней торговли и промышленности их имелось 33⁷⁴. В настоящее время при правительстве Японии ежедневно одновременно открываются заседания в среднем шести консультативных органов⁷⁵.

Разветвленный правительственный консультативный аппарат, в котором наряду с представителями правительства и бю-

рократии широко представлена монополистическая элита, а в настоящее время является важнейшим звеном в процессе принятия наиболее кардинальных политических решений. Соглашения на этом «рабочем» уровне рекомендации монополистических кругов затем либо переводятся на язык правительственных решений, либо воплощаются в выдвигаемых в парламенте от имени правительства законопроектах.

Деятельность консультативного аппарата при правительстве Японии может быть проиллюстрирована на примере работы Совещательного комитета по изучению и утверждению учебных пособий (Кёка-ё тосё кэнтэй тёса сингаикай) при министерстве просвещения, интерес к которому японской общественности возник в связи с известной «дискуссией о школьных учебниках». Эта дискуссия, продолжающаяся уже многие годы, была оживлена в последнее время активизацией с начала 80-х годов правящих кругов Японии осуществить антидемократическую ревизию школьных программ (см. главу третью).

Как сообщает известный американский японоведческий журнал, процедура утверждения школьных учебников в современной Японии состоит из следующих четырех этапов:

предоставление рукописей учебников в министерство просвещения для одобрения;

передача рукописей на рецензирование в соответствующее подразделение министерства, равно как и в Совещательный комитет;

обобщение Совещательным комитетом результатов экспертизы рукописи, проведенной в министерстве, и представление своего заключения;

окончательное санкционирование рукописи на основе представленного Совещательным комитетом заключения.

Однако даже в случае одобрения рукописи учебника в целом, те ее части, которые Совещательный комитет по изучению и утверждению учебных пособий счел неудовлетворительными, возвращаются автору на доработку⁷⁶.

В сложной системе правительственного консультативного аппарата Японии первостепенную роль играют совещательные комитеты и комиссии, учрежденные при канцелярии премьер-министра и так называемых «экономических» министерствах: министерства финансов, внешней торговли и промышленности, сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, транспорта, связи, труда, строительства. Их значение определяется тем, что они принимают участие в формировании важнейших аспектов государственной политики: составлении бюджета, экономическом планировании, определении правительственной политики в области налогообложения и финансов и т. п.

Из общей массы совещательных органов при центральной администрации Японии можно выделить следующие 11 комитетов и комиссий, занимающих в этом смысле особое положение:

Название органа	Ведомство, при котором орган учрежден
Экономический совет (Кэйдзай сингаикай)	Управление экономического планирования при канцелярии премьер-министра
Комитет по промышленной структуре (Сангё кодзо сингаикай)	Министерство внешней торговли и промышленности
Комитет по экономическому сотрудничеству с зарубежными странами (Тайгай кэйдзай кёрёку сингаикай)	Канцелярия премьер-министра
Совет по внешней торговле (Бёэки кайги)	Канцелярия премьер-министра
Комитет по таможенным тарифам (Кандзэйрицу сингаикай)	Министерство финансов
Комитет по экспортно-импортным сделкам (Юсюцуню торихики сингаикай)	Министерство внешней торговли и промышленности
Комиссия по вопросам налоговой системы (Дзэйсэй тёсакай)	Канцелярия премьер-министра
Комитет по финансовой системе (Дзэйсэй сэйдо сингаикай)	Министерство финансов
Комиссия по вопросам денежной системы (Кингё сэйдо тёсакай)	»
Комитет по использованию капиталовложений (Сикин унъё сингаикай)	Канцелярия премьер-министра
Комитет по иностранным капиталовложениям (Гайси сингаикай)	Министерство финансов

Со времени создания в конце 40-х годов современного консультативного аппарата при правительстве Японии сложилась практика формирования совещательных комитетов и комиссий из трех категорий членов: бюрократии, депутатов парламента и представителей «общественности». Последние включают в себя деятелей из финансово-монополистических кругов, различных общественных организаций и специалистов. При этом консервативное правительство Японии, обладающее, согласно существующему законодательству, исключительным правом формирования консультативных органов, зорко следит за тем, чтобы неудобные ему личности в минимальном количестве попадали в важнейшие совещательные советы и комитеты⁷⁷.

Анализ социального состава ведущих консультативных органов показывает, что в них преобладают представители финансово-монополистической верхушки. Так, по данным на начало 1977 г., в 11 перечисленных выше центральных консультативных органах они составляли 56%, выходцы из правительственных и бюрократических кругов — 20,6%, на долю же представителей общественных организаций и специалистов (профессоров университетов, врачей, адвокатов, журналистов и др.) приходится лишь 23,4%. Что же касается председателей этих органов, то 54,5% лиц, занимающих эти посты, являются представителями

«большого бизнеса», 36,4% — правительственных и бюрократических кругов, все остальные составляют лишь 9,17%⁷⁸.

В конце 70-х годов трудящиеся Японии, в основном профсоюзные работники, были представлены лишь в 41 из 246 зареестрированных тогда постоянных правительственных комитетов. Как указывает советский исследователь А. Б. Орфёнов, в работе комитета, разрабатывавшего план экономического развития Японии на 1965—1975 гг., участвовал лишь один профсоюзный деятель, а в составлении перспективного плана на 80-е годы представители трудящихся не участвовали вообще⁷⁹. Эти факты убедительно разоблачают тезис о «демократичности» системы консультативных органов при правительстве Японии.

Составляя большинство в важнейших консультативных органах при центральной администрации, финансово-монополистическая олигархия имеет возможность эффективно использовать эти институты, выступающие как один из структурных элементов государственно-монополистической системы, в своих интересах.

Отличительной особенностью функционирования механизма политической власти является тесная слаженность аппаратов ЛДП, ведущих предпринимательских организаций и государственно-административной машины, многие звенья которых дублируют и взаимодополняют друг друга. Эта слаженность дополняется и разветвленной системой личных связей между лидерами большого бизнеса, руководством правящей партии и высокопоставленными правительственными чиновниками.

В то же время в современной Японии отсутствует характерное для ряда капиталистических стран, в первую очередь для США, прямое делегирование правительством ряда государственных функций большому бизнесу. О масштабах этого явления в США свидетельствует тот факт, что оплата услуг организаций, заключающих контракты с правительством, таких, как мозговые тресты, фирмы-консультанты и крупные корпорации (Институт Брукинса, «РЭНД», «Вестингауз» и др.), составляет самую большую статью расходов административного бюджета США⁸⁰.

В Японии, несмотря на теснейшее функциональное взаимодействие основных структурных элементов политического механизма, на формальном уровне они существуют независимо друг от друга, подчас сохраняя довольно значительную реальную самостоятельность. Сплоченные единым классовым интересом — стремлением сохранить способ производства, основанный на частной собственности, правящие круги современной Японии в конкретных вопросах формирования государственной политики тем не менее далеко не всегда выступают как единое целое. Это связано, в частности, с тем, что в процессе принятия политических решений участвуют многочисленные внепарламентские группы и организации, интересы которых нередко вступают в противоречие друг с другом. При этом разногласия внутри фи-

нансово-монополистической буржуазии, представленной рядом предпринимательских организаций, переносятся на государственно-административный аппарат, отдельные звенья которого обладают известной самостоятельностью и находятся в состоянии постоянных межведомственных трений, равно как и на отдельные группировки в правящей партии.

Следует учитывать также то обстоятельство, что исполнительная власть, которая имеет назначение осуществлять функцию защиты капиталистического строя на государственном уровне, подчас оказывается вынужденной намечать программы, идущие вразрез с интересами отдельных монополистических группировок, корпораций или каких-либо иных влиятельных «групп давления». Существующее в капиталистическом обществе определенное противоречие между государством и монополиями как частью общественно-экономической структуры находит свое особенно яркое проявление в вопросе о государственном вмешательстве в экономическую сферу. Порожденное объективным развитием капиталистической общественно-экономической формации, государственное регулирование экономики нередко встречает протест монополий, стремящихся к обеспечению максимальной независимости деятельности частных корпораций⁸¹.

Нельзя не учитывать также и то, что в условиях буржуазно-демократического режима государство выступает в качестве своеобразного арбитра между классами, равно как и определенную, подчас весьма значительную самостоятельность от воздействия базисных факторов таких элементов надстройки, как ЛДП и аппарат правительственной бюрократии. Последние обладают отчетливо выраженными собственными интересами, что оказывает определенное, порой существенное воздействие на функционирование всего механизма политической власти в стране. Так, консервативная партия, формируя свою политику, не может принимать в расчет исключительно интересы экономически господствующего класса — монополистической буржуазии, но и неизбежно исходит из собственных узкопартийных интересов, связанных с необходимостью обеспечить себе стабильный электорат. В равной степени собственными интересами, определяемыми спецификой бюрократической деятельности, обладают как вся верхушка чиновничества страны, так и ее отдельные группировки. В частности, характерные для бюрократического мира Японии межведомственные трения могут подчас оказывать значительное влияние на характер принимаемых правительством решений.

Многие исследователи политической структуры Японии отмечают в качестве одной из характернейших черт процесса принятия политических решений стремление примирить конфликтующие интересы различных сторон, достичь консенсуса. Американский политолог Э. Ф. Фогель, автор нашумевшей книги «Япония — первая в мире: уроки для Америки», в качестве кар-

динального отличия правил политической игры США от правил, которые действуют в Японии, называет то, что в первом случае фундаментальным принципом является «честная игра», во втором — получение «честной доли». Речь идет о якобы имманентно присущем политическому миру Японии чувстве компромисса — желании избежать открытого конфликта, «по справедливости» удовлетворить все заинтересованные стороны⁸².

Не вдаваясь подробно в рассуждения о справедливости подобной оценки, отметим, однако, что практика современной Японии действительно не знает, за исключением, пожалуй, межфракционных столкновений в ЛДП, резких конфронтальных столкновений внутри системы власти, подобных, например, столкновениям между исполнительной и законодательной властью (президентом и Конгрессом), отличающих политическую жизнь США. В то же время внутри правящего лагеря Японии подчас возникают самые острые разногласия по отдельным вопросам развития страны.

В этом отношении весьма характерным примером может служить пересмотр в 1975 г. Закона о политических фондах, исследование истории которого показывает переплетение самых различных мнений и интересов. Как указывает японский исследователь К. Сасаго, в ходе пересмотра этого Закона, хотя это и может показаться парадоксальным, сторонники тогдашнего премьер-министра Т. Мики внутри ЛДП, преследуя собственные, диктуемые логикой фракционной борьбы цели, фактически солидаризировались с требованиями оппозиции. Последняя выступала за введение строгих ограничений на размеры предоставляемых политическим партиям, в первую очередь консервативной, «пожертвований» большого бизнеса. Пересмотр закона встретили в штыки влиятельные силы в правящей партии, группировавшиеся вокруг бывшего премьера К. Танака, неформального лидера наиболее «плутократической» фракции в ЛДП, против которой и было направлено острое новое закона. Однако весьма примечательно при этом, что финансово-монополистические круги, неизменно являющиеся спонсором правящей партии, поддержали идею ограничения размеров «политических пожертвований», что было связано с неблагоприятной экономической конъюнктурой, заставившей монополии более экономно расходовать свои средства⁸³.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. К началу 60-х годов в Японии в основном закончилась послевоенная перестройка социально-политической и экономической структур, в результате которой в стране сложился новый механизм политической власти. Его основными компонентами стали ведущие предпринимательские организации, являющиеся главными координационными центрами монополистического капитала, высший эшелон консервативной Либерально-демократической партии, которая в условиях существования в стране мажоритарной системы на протяжении уже более чем трех десятилетий едино-

лично формирует правительство, и верхушка государственной бюрократии, контролирующая работу центрального административного аппарата. Эта узкая элитарная группировка сосредоточила в своих руках основные рычаги экономической и политической власти в стране. Характерными ее чертами в целом и ее отдельных структурных элементов является замкнутость, усиленная сложной системой неформальных, личностных связей, стремление упрочить свое господство.

В условиях государственно-монополистического капитализма правящая верхушка очень часто осуществляет свою деятельность в обход институтов и норм, предусматриваемых государственным правом. При этом в Японии, где исполнительная власть традиционно отличается особой активностью, чрезвычайно яркое проявление находит характерное для империализма явление ослабления законодательной власти за счет усиления исполнительной.

Наряду с падением роли парламента в механизме политической власти возрастает роль нового института, в котором нашло выражение слияние государственных органов и монополий, — правительственного консультативного аппарата.

Важным фактором внутривластного развития современной Японии является парламентская и внепарламентская деятельность оппозиции, широкий подъем рабочего и демократического движения, препятствующие безраздельному господству монополий и заставляющие правящие круги страны прибегать к социальному маневрированию и тщательно вуалировать реальный механизм политической власти. Тем не менее, несмотря на значительное усиление во второй половине 70-х годов оппозиционного лагеря в целом, существование внутри него, особенно между коммунистической и социалистической партиями, с одной стороны, и так называемыми «партиями среднего пути» (Партией демократического социализма и партией Комэйто) — с другой, серьезных разногласий по актуальным вопросам развития страны, по существу, облегчает консерваторам осуществление контроля над деятельностью высшего законодательного органа страны, в частности, путем блокирования по отдельным вопросам с Новым либеральным клубом, ПДС и Комэйто.

Важнейшим инструментом господства правящей верхушки современной Японии является теснейшая связь, или, как принято говорить в стране, «спайка» («ютяку») сменяемой и несменяемой частей аппарата исполнительной власти, позволяющая ЛДП и стоящей за ней верхушке монополистического капитала эффективно использовать в своих целях громадные возможности бюрократической системы. При этом правящие круги Японии, пользуясь раздробленностью оппозиции, неизменно выступали в послевоенный период инициаторами решений, связанных с кардинальными вопросами национального развития: внешней политикой, политикой в области социально-экономической структуры, образования и т. д.

Глава вторая

СИСТЕМА ВОЗДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ ЯПОНИИ

Формирование верхушки финансово-монополистического капитала

В эпоху государственно-монополистического капитализма наряду с другими сложными социально-экономическими процессами происходит формирование финансово-монополистической верхушки как особой олигархической группы, тесно связанной с аппаратом государственной власти. Она стремится максимально подчинить себе всю систему надстроечных органов (парламент, правительство, аппарат исполнительной власти), чтобы самым активным образом участвовать в процессе принятия решений по важнейшим вопросам национальной политики.

Сраживание финансово-монополистической верхушки с государством происходит на фоне острой борьбы внутри лагеря монополистической буржуазии между входящими в ее состав соперничающими группировками, каждая из которых стремится захватить командные посты в государственно-монополистическом механизме.

В послевоенной Японии в результате развития естественных для капитализма процессов концентрации производства и централизации капитала и проведенных в период американской оккупации (1945—1952) широких социально-экономических и политических преобразований в структуре финансовой олигархии произошли значительные изменения. Роспуск довоенных концернов — «дзайбацу» привел к тому, что старая финансовая олигархия утратила позиции, обеспечивавшие ее господствующее положение в социально-экономической структуре японского общества. Благодаря временной деконцентрации богатств в ходе осуществления мероприятий по так называемой «демократизации экономической системы Японии», возникновению и бурному развитию новых отраслей промышленности (электроники, автомобилестроения и т. д.) верхушка финансово-монополистической буржуазии стала формироваться на основе в значительной

степени отличных от довоенного периода факторов, среди которых главенствующее место занимало обладание личным богатством. Теперь гораздо большую роль, чем прежде, стали играть способности, образование, личный опыт и т. п. Резко усилившийся в послевоенный период процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции благодаря расширению масштабов капиталистического производства, усложнению всего механизма капиталистической эксплуатации привели к выдвиганию нового социального слоя — профессиональных организаторов производства, менеджеров.

Таким образом, под воздействием происшедшей в послевоенный период значительной децентрализации капитала монополистическая буржуазия как социальный слой стала гораздо менее однородной. По сравнению с периодом до второй мировой войны, когда в экономике страны безраздельно господствовали 200—250 финансовых и промышленных магнатов, структура монополистической буржуазии теперь значительно усложнилась¹.

В финансово-монополистических кругах современной Японии выделяется узкая группировка, отличающаяся как по своей экономической мощи, так и по интенсивности воздействия на правительство и государственный аппарат страны. Эту группировку, именуемую в Японии «дзайкай» (букв. «финансовые круги») ², составляют лидеры четырех ведущих предпринимательских организаций, активная политическая деятельность которых стала важнейшей отличительной чертой стратегии и тактики большого бизнеса Японии в послевоенный период. «Большая четверка» включает в себя: Федерацию экономических организаций (Кэйданрэн), Ассоциацию предпринимательских организаций Японии (Никкэйрэн), Торгово-промышленную палату Японии (Ниссё) и Общество экономического сотрудничества (Кэйдзай доюкай). В большинстве случаев это члены руководства шести гигантских финансово-промышленных групп — Мицубиси, Сумитомо, Мицуи, Фудзи, Дайити-Кангё и Санва, объединяющих подавляющее большинство крупнейших предприятий промышленности, торговли и банков страны и контролирующих не менее 1/3 активов японских корпораций и кредитно-финансовых институтов.

Отличительной особенностью «дзайкай» является то, что его деятели имеют возможность в значительной степени контролировать другие группировки финансово-монополистической буржуазии Японии. Так, лидеры ведущих финансово-промышленных групп, составляющие руководство общенациональных предпринимательских организаций, в то же время нередко возглавляют и отраслевые предпринимательские организации — промышленные и торговые ассоциации, которых в настоящее время насчитывается более сотни. Наиболее влиятельными из них являются: Ассоциация металлургической промышленности Японии (Нихон тэкко рэммэй), Ассоциация судостроительной промышленности Японии (Нихон дзосэн когёкай), Ассоциация ав-

томобильной промышленности (Дзидося когёкай), Японский совет по внешней торговле (Нихон бозэкикай) ³.

Основной задачей ведущих монополистических союзов Японии является согласование конфликтующих интересов различных группировок предпринимательских кругов Японии и доведение до сведения правительства страны «совокупной» воли капитала. Поэтому, участвуя в деятельности ведущих предпринимательских организаций, лидеры «дзайкай» выступают не от лиц отдельных отраслей экономики или финансово-промышленных групп, а от лица всей монополистической буржуазии как ведущего отряда капиталистического класса страны. Особенно усилилось воздействие монополистических объединений на политические органы страны с начала 70-х годов в связи с общим расширением внешнеэкономической экспансии японского капитала и обострением классовой конфронтации в самой Японии. Активизировалась и приняла более разносторонний характер деятельность не только общенациональных, но и местных предпринимательских организаций.

Финансово-монополистический капитал Японии отличается несколькими характерными чертами. Штаб-квартиры крупных компаний сосредоточены почти исключительно в столице — г. Токио, хотя в последние годы в связи с возрастанием в развитии экономики и внешнеторговых связей страны роли района Кансай значительно активизировалась политическая деятельность местных деловых кругов, в первую очередь в г. Осака ⁴.

Руководство ведущих предпринимательских организаций представлено преимущественно менеджерами, причем их влияние в политических кругах отнюдь не находится в прямой связи с положением, занимаемым ими в деловом мире, или размером личного состояния. Так, виднейший представитель «дзайкай» Когоро Уэмура, с 1951 по 1968 г. занимавший пост вице-президента, а с 1968 по 1974 г. президента Кэйданрэн (он умер в 1978 г.), не был связан ни с одной из ведущих монополистических групп и был выходцем из бюрократических кругов. С 1918 по 1940 г. К. Уэмура работал в системе центрального административного аппарата, сначала в министерстве сельского хозяйства и торговли, а затем в палате планирования при кабинете министров. После войны за свои связи с милитаристскими кругами он подвергся чистке и некоторое время был не у дел ⁵.

Отличительной особенностью нынешних лидеров четырех ведущих предпринимательских организаций является также то, что за исключением Бумпэй Оцуки из группы Мицубиси (генеральный директор Никкэйрэн) никто из них не был связан с довоенными «дзайбацу» ⁶.

Вплоть до последнего времени отчетливо прослеживалось преобладание в «дзайкай» представителей металлургической промышленности. Так, в мае 1980 г. Тосио Доко на посту президента Кэйданрэн сменил Ёсихиро Инаяма, президент крупнейшей компании «Син Нихон сэйтэцу», до этого долгие годы

являвшийся вице-президентом Кэйданрэн. Торгово-промышленную палату Японии многие годы возглавлял почетный президент «Син Нихон сэйтэцу» Сигэо Нагано, Экономическую федерацию района Кансай — президент «Сумитомо киндзоку когё» Хосай Хюга.

Преобладание представителей крупнейших металлургических компаний на ключевых постах в ведущих монополистических союзах Японии породило имеющее широкое хождение в стране выражение: «государство — это сталь» («кокка ва тэцу нари»). В то же время в руководстве общенациональных предпринимательских организаций широко представлены и другие лидирующие отрасли японской экономики: электротехническая промышленность, автомобилестроение, банки.

Структура и особенности деятельности ведущих предпринимательских организаций

Анализ деятельности ведущих предпринимательских организаций Японии показывает, что они в той или иной степени дублируют друг друга. Так, вопросами развития внешнеполитических связей занимается как Кэйданрэн, так и Торгово-промышленная палата. «Мнения» и «рекомендации» по важнейшим вопросам национальной политики, в первую очередь связанные с развитием экономики, публикуют не только Кэйданрэн и Кэйдзай доюкай, но и Торгово-промышленная палата. Все члены «большой четверки» регулярно организуют всякого рода семинары и симпозиумы в рамках системы повышения профессионального уровня японских предпринимателей.

Несмотря на значительное сходство функций ведущих предпринимательских организаций, между ними тем не менее существует четко различимая специализация. Так, Кэйданрэн занимается наиболее общими экономическими и политическими вопросами, Никкэйрэн разрабатывает преимущественно социальные проблемы, главным образом связанные с взаимоотношениями между трудом и капиталом. Торгово-промышленная палата Японии, осуществляя контроль крупного капитала над мелким и средним предпринимательством, интересуется в отличие от Кэйданрэн более конкретными экономическими проблемами. Кэйдзай доюкай считается «мозговым трестом» большого бизнеса страны, организацией, занимающейся исследованием наиболее перспективных направлений развития экономической и социальной структуры.

Неоспоримым лидером предпринимательских организаций Японии является Федерация экономических организаций Японии (Кэйдзай дантай рэнгокай, сокращенно Кэйданрэн); основанная 16 августа 1946 г. Федерация играет в послевоенной Японии примерно такую же роль, как Национальная ассоциация промышленников в США, Национальный совет французских предприни-

мателей («Патронат») во Франции или Конференция британской промышленности в Великобритании. Кэйданрэн является главным координирующим органом монополистического капитала страны, ее «генеральным штабом», или, как говорят японцы, «сохондзан» (букв. «главный храм религиозных сект»).

В уставе Кэйданрэн говорится, что целью Федерации является «установление связей между отдельными отраслями экономики, аккумуляция мнений представителей деловых кругов и претворение в жизнь этих мнений». Далее указывается, что Кэйданрэн «призвана давать рекомендации парламенту, правительству и другим государственным органам по вопросам экономической политики и управления экономикой, а также по вопросам координации и пересмотра законов и постановлений в области экономики»⁷.

В Кэйданрэн существует два типа членства: индивидуальное и коллективное. Индивидуальными членами Федерации являются несколько десятков наиболее влиятельных представителей деловых кругов. Коллективные члены Кэйданрэн бывают двух родов: отдельные корпорации и отраслевые предпринимательские объединения.

В 1980 г. в Кэйданрэн входили 979 членов, в том числе 796 крупных корпораций и банков⁸. В Кэйданрэн представлены только крупные предприятия и компании, причем не только частные, но также и государственные и полугосударственные корпорации. В деятельности Кэйданрэн участвовали до их реорганизации представители таких крупнейших из них, как Государственные железные дороги («Кокутэцу»), Корпорация государственной торговой монополии («Нихон сэмбай кося»), Корпорация телеграфно-телефонной связи («Дэн дэн»), Банк Японии, Японский экспортно-импортный банк, Японский банк развития и др. В число коллективных членов Федерации включается также 9 ее региональных организаций: р-на Кансай, г. Киото, г. Кобэ, о-ва Сикоку, р-на Токай, р-на Тюбу, р-на Хоккайдо, р-на Хюго и Ямагучи и о-ва Хоккайдо, которые представлены их президентами.

В системе региональных организаций Кэйданрэн особое место занимает Экономическая федерация р-на Кансай (Кансай кэйдзай рэнгокай), в которой сосредоточены такие крупные промышленно-торговые центры, как города Осака, Кобэ, Киото. Это — наиболее мощное местное объединение японских предпринимателей, обладающее значительной автономностью.

В Экономической федерации р-на Кансай особенно сильные позиции занимают представители группы Сумитомо. Федерацию возглавляет Хосай Хюга, президент крупной металлургической компании «Сумитомо киндзоку когэ»⁹.

Экономическая федерация р-на Кансай осуществляет свою деятельность как в рамках сотрудничества с головной предпринимательской организацией — Кэйданрэн, так и самостоятельно.

В последние годы проявляется тенденция к значительной активизации деятельности Федерации, которая все чаще устанавливает непосредственные контакты с правительством и высшим руководством ЛДП. Большим влиянием в деловых кругах Японии пользуется проводимый ежегодно с 1963 г. Кансайский семинар деловых кругов (Кансай дзайкай дзаминару), целью которого является выработка согласованной линии деятельности бизнеса р-на Кансай на текущий год¹⁰. Устроителями семинара наряду с Экономической федерацией р-на Кансай являются также кансайские отделения Кэйдзай доюкай и Никкэйрэн. На семинар приглашается в числе других почетных гостей президент Кэйданрэн.

Руководство Кэйданрэн в лице президента и девяти вице-президентов, составляющих наиболее влиятельный орган Федерации, ее президентский совет, избирается на созываемом раз в два года съезде. Президент одновременно является главой совета директоров и председателем пленумов Федерации. Ему также подчиняется особый совещательный орган — Комитет по рекомендациям, в который входят наиболее видные представители деловых кругов страны.

Существуют строгие, хотя и неписанные, правила избрания президента Кэйданрэн, связанные с традиционным правилом сохранения равновесия сил между участвующими в «игре» сторонами. За все годы существования Федерации ее лидером ни разу не стал руководитель одной из шести крупнейших финансово-монополистических групп. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что президентом Кэйданрэн никогда не становился представитель финансовых органов¹¹.

В то же время в последние годы наметились некоторые изменения в составе руководства Федерации, связанные с крупными структурными изменениями в японской экономике. Так, наметилась тенденция к ослаблению доминирования лидеров тяжелой промышленности и постепенному возрастанию представительства новых отраслей: сборочной промышленности, электроники, строительства, транспорта, равно как и финансов и кредита. Так, двое из девяти вице-президентов, избранных в мае 1986 г., являются представителями крупных банков¹².

Первым президентом Кэйданрэн («премьер-министром дзайкай») был Итиро Исикава, тесно связанный с монополистической верхушкой довоенного периода. В 1956 г. на этом посту его сменил виднейший представитель деловых кругов Тайдзо Исидзака, долгие годы возглавлявший электротехническую компанию «Токио Сибаура дэнки». Именно под его руководством, продолжавшемся до середины 1968 г., Кэйданрэн стала могущественным органом японских монополий, способным диктовать их волю правительству страны. Преемником уже упоминавшегося Когоро Уэмура, третьего президента Кэйданрэн, стал президент корпорации «Тосиба» Тосио Доко, который занимал пост президента Кэйданрэн с 1974 по 1980 г.

В 1980—1986 гг. Кэйданрэн возглавлял Ё. Инаяма, президент крупнейшей сталелитейной корпорации «Син Нихон сэ тэцу».

В мае 1986 г. шестым президентом Федерации стал Эйсай Сайто, сменивший Ё. Инаяма на высшем посту и в «Син Нихон сэ тэцу» (до этого Э. Сайто с 1980 г. являлся одним из девяти вице-президентов Кэйданрэн¹³).

Помимо президентского совета важнейшими органами Кэйданрэн является директорат в составе около 500 человек и совет постоянных директоров, насчитывающий более 100 членов¹⁴. На их заседаниях рассматриваются текущие вопросы деятельности Федерации.

В текущей деятельности Кэйданрэн очень важную роль играет его аппарат, состоящий из значительного числа постоянных и временных комитетов. Система постоянных комитетов которых в начале 80-х годов насчитывалось 28, в значительной степени дублирует структуру центрального административного аппарата страны. В число важнейших комитетов входят: комитет по общим вопросам, по экономическим исследованиям, по вопросам внешней политики, по промышленной политике, комитет оборонной промышленности. Постоянные комитеты Кэйданрэн возглавляются виднейшими представителями деловых кругов страны. Техническая работа выполняется штатными сотрудниками. В конце 70-х годов их было более 150 человек, не считая работающих в Кэйданрэн по совместительству¹⁵.

Именно в аппарате Кэйданрэн составляются документы, публикация которых является неотъемлемой частью деятельности Федерации: всевозможные предложения, «пожелания», «требования». Число подобных публикаций достигает нескольких десятков в год, их тематика рельефно отражает содержание деятельности Федерации. Как показывают результаты анализа содержания официальных документов Кэйданрэн, проведенного американским исследователем Дж. Л. Куртисом, большую долю составляют документы, касающиеся различных аспектов развития экономики: общей экономической структуры, налогообложения, финансов, внешней торговли, энергетики, транспорта и т. д.¹⁶. Кэйданрэн также постоянно издает документы, касающиеся вопросов внешней политики, предложения относительно изменения существующего законодательства, главным образом в области экономики, и т. д.

Анализ деятельности Кэйданрэн показывает, что наряду с осуществлением посреднической роли в системе связей между монополистическим капиталом Японии, с одной стороны, и государственными органами и органами правящей ЛДП — с другой, важнейшей функцией Федерации является в то же время координация конфликтующих интересов внутри самой финансово-монополистической буржуазии страны. При этом, исходя из долгосрочных перспектив экономического развития Японии в целом, Кэйданрэн подчас идет на то, чтобы пожертвовать вре-

менными интересами отдельных корпораций или даже целых отраслей, дабы содействовать оздоровлению общего состояния экономики страны. В этом отношении характерен следующий пример.

В 1971—1973 годы, годы международного валютного кризиса, внешнеторговый платежный баланс Японии достиг огромного активного сальдо. Несбалансированность торговли Японии с США, ее крупнейшим партнером на международной арене, как и во время «торговой войны» 1977—1978 гг., привела к резкому обострению отношений между двумя странами. США тогда решительно потребовали от Японии кроме либерализации ввоза капиталов и расширения закупок американских продовольственных товаров еще и либерализации импорта в Японию вычислительных машин из США. Это вызвало резкий протест у Японской ассоциации содействия развитию электронной промышленности, обеспокоенной перспективой усиления конкуренции со стороны высокотехнологичных американских ЭВМ. Тем не менее руководство Кэйданрэн, равно как и президент Японской торгово-промышленной палаты Сигэо Нагано, выступило в поддержку либерализации. Считая, что сохранение крупного превышения внешнеторгового баланса в пользу Японии может привести к значительным международным осложнениям и новым девальвациям иены, Кэйданрэн опубликовала свое мнение по этому вопросу, в котором говорилось, что для развития японской экономики в целом либерализация экспорта в страну американских ЭВМ желательна¹⁷.

При этом показательно, что Тосио Доко, который, будучи в начале 70-х годов президентом крупнейшей электротехнической компании «Тосиба» и одновременно президентом Японской ассоциации содействия развитию электротехнической промышленности, решительно выступал против расширения импорта вычислительных машин из США, после того как стал в 1974 г. главой Кэйданрэн, моментально перешел с позиций защиты узких интересов своей отрасли на позиции защиты интересов монополистического капитала Японии в целом¹⁸.

В деятельности Кэйданрэн, наиболее универсальной предпринимательской организации современной Японии, выделяется несколько главных направлений.

Основные усилия Федерации направлены на создание в стране наиболее благоприятной для деятельности монополий экономической структуры. Именно с этой целью связана разработка ею рекомендаций правительству по общей экономической структуре, финансовой системе, разработка политики оптимального экономического роста. После «нефтяного шока» 1973 г., за которым последовало резкое усиление в стране инфляции, особое значение стала приобретать разработка антиинфляционной политики.

Стараясь максимально приспособить к своим нуждам систему государственного регулирования, Кэйданрэн оказывает ак-

тивнейшее воздействие на законодательство, главным образом связанное с промышленной структурой, финансовой системой, налогообложением, внешней торговлей и т. д. Особенно выделяется роль Кэйданрэн в составлении законопроектов бюджета, этого важнейшего инструмента регулирования экономики в руках современного японского государства.

Одним из первостепенных направлений деятельности Кэйданрэн является также осуществление так называемой «экономической дипломатии». Внешнеэкономическая активность Кэйданрэн настолько велика, что ее часто называют в Японии «малым министерством иностранных дел»¹⁹.

Помимо составления рекомендаций правительству по вопросам международной торговли представители Федерации непосредственно участвуют в важнейших внешнеторговых переговорах, проводимых японским правительством. Так, во время напряженных японо-американских торговых переговоров, проводившихся осенью 1978 г. в Токио, в программу американских представителей обязательно входили переговоры с Кэйданрэн²⁰.

Федерация также активно осуществляет внешнеэкономическую деятельность, минуя правительственные органы. Она имеет долгосрочные соглашения о сотрудничестве с целым рядом стран, среди которых выделяются соглашения с СССР, США и КНР. Представители Кэйданрэн занимают наряду с представителями Торгово-промышленной палаты Японии ключевые позиции в системе комитетов, специально созданных для развития экономических отношений с этими странами.

После 1954 г., когда в Японии было воссоздано военное ведомство — Управление национальной обороны и в стране возникло военное производство, Кэйданрэн активно включилась в осуществление военных программ Японии. 13 апреля 1952 г., через два дня после того, как глава штаба оккупационных войск США генерал Д. Макартур передал правительству Японии директиву, разрешающую военное производство в стране, в системе аппарата Федерации был создан специальный орган, впоследствии получивший название Комитета оборонной промышленности²¹. Комитет сразу же приступил к разработке общей политики большого бизнеса в отношении перевооружения страны. Только в период с 1953 по 1971 г. он опубликовал 45 предложений и требований по развитию военного производства в стране²².

В отличие от других комитетов Кэйданрэн Комитет оборонной промышленности, который часто называют «министерством обороны» большого бизнеса, обладает значительной самостоятельностью и, в свою очередь, подразделяется на несколько подкомитетов: по производству вооружений, военных судов и самолетов, боеприпасов и т. д. В последние годы он возглавляется Фумихико Коно, советником корпорации «Мицубиси дзюкогё», являющейся крупнейшим производителем оружия в Японии.

Проводя в жизнь основную линию большого бизнеса страны в отношении национальных вооруженных сил («сил самообороны») — наращивание их мощи при достижении максимальной оснащенности отечественным оружием, Кэйданрэн действует в тесном контакте с высшим правительственным органом по определению военной политики — Советом национальной обороны. Федерация при этом добивается от правительства разрешения на создание в стране новейших видов вооружений, производство которых приносит монополиям огромные прибыли. Так, в начале 1980 г. Кэйданрэн предложил правительству заключить в ближайшее время соглашение с США о совместной разработке новых видов оружия, в том числе крылатых ракет и сверхточных управляемых снарядов²³.

В марте 1980 г. в деловых кругах Японии была создана специальная Военно-техническая ассоциация, в задачу которой входит разработка новых систем вооружений и проталкивание этих систем через правительственные органы для принятия их на вооружение. В качестве основателей новой организации выступили такие известные деятели «дзайкай», как почетный президент корпорации «Сони» М. Ибука, видный деятель Кэйданрэн Т. Сэнга и др.²⁴.

Первоначально в сферу деятельности Кэйданрэн входила также задача формирования социальной политики монополистического капитала Японии. Однако после возникновения Никкэйрэн эти функции были переданы ей.

В то же время Кэйданрэн продолжает не упускать из поля своего зрения важнейшие мероприятия в социальной области. Наглядной иллюстрацией этого может служить роль Федерации в принятии Закона о страховании престарелых, вокруг которого в начале 80-х годов в стране развернулась широкая дискуссия.

Этот законопроект вызвал активное сопротивление со стороны Ассоциации союзов по страхованию здоровья (влиятельная профессиональная организация), так как первоначально предполагал частичную компенсацию стоимости медицинского обслуживания престарелых за счет союзов по страхованию здоровья. Отрицательно отнеслись к законопроекту и капиталистические предприятия, так как усмотрели в его реализации косвенное повышение налогов на свои доходы (предприятия делают постоянные взносы в фонд союзов). В результате выступления в их защиту четверки крупнейших предпринимательских организаций во главе с Кэйданрэн парламент в конце концов принял в июле 1982 г. компромиссный вариант закона²⁵.

Ассоциация предпринимательских организаций Японии (Нихон кэйэйся дантай рэммэй, сокращенно Никкэйрэн) была создана в апреле 1948 г. Она является преемницей довоенной Национальной федерации промышленных организаций (Дзэнсанрэн), учрежденной в 1931 г. В организационном плане Никкэйрэн во многом схожа с Кэйданрэн. В нее входит значительное

число корпораций, промышленных и торговых ассоциаций, являющихся одновременно членами Кэйданрэн. Членами Никкэйрэн до последнего времени являлись многие государственные и полугосударственные предприятия, о которых шла речь выше.

В 1970 г. среди членов Никкэйрэн насчитывалось 51 промышленная и торговая ассоциация и 28 тыс. компаний. В системе Ассоциации действует Институт экономики труда, занимающийся исследованием проблем производительности труда и сравнительным анализом уровней заработной платы в различных странах. Институт периодически публикует статистику по труду²⁶. Начиная с 1960 г. Никкэйрэн ежегодно выпускает «Белую книгу по заработной плате»²⁷.

Никкэйрэн обладает в отличие от Кэйданрэн разветвленной сетью местных организаций. В 8 районах Японии (Канто, Кансай, Тюбу, Тохoku, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и Окинава) имеются районные отделения Ассоциации. Кроме того, в каждой из 47 префектур действуют префектуральные советы предпринимателей. В префектурах также имеются местные и городские советы предпринимателей, в которых наряду с крупными предприятиями монополистического типа, входящими в Никкэйрэн, представлено значительное число немонополизированных компаний²⁸.

Во главе Никкэйрэн стоит генеральный директор. В мае 1979 г. на этот пост был избран Бумпэй Оцуки из группы Мицубиси. До него долгое время Никкэйрэн возглавлял Такэси Сакурада, председатель правления компании «Ниссин босэки» и президент радиовещательной компании «Ниппон хосо».

Центральная организация Никкэйрэн подразделяется на две части: Совет глав отраслевых организаций и Совет глав районных организаций Ассоциации. Долгие годы первым возглавлялся Ёсихиро Инаяма, второй — Кэнъитиро Исии, президентом металлургической компании «Дайто токусюко»²⁹.

В аппарате Никкэйрэн работает полтора десятка постоянных комитетов, в том числе по общим вопросам, политический, финансовый, по трудовым проблемам, по вопросам образования, по мелким и средним предприятиям³⁰.

Важнейшей функцией Никкэйрэн, как указывалось выше, является выработка единой тактической линии японского капитала в отношении рабочего движения. В вопросах конкретной политики Никкэйрэн считается самой оперативной предпринимательской организацией Японии. Это связано с тем, что в деле противодействия натиску труда в монополистических кругах страны существует наибольшее единство³¹.

С первых дней своего существования Никкэйрэн начала активно вмешиваться в трудовые конфликты. Ассоциация известна своей ролью организатора сил капиталистического класса в крупных конфликтах с трудящимися в 40—50-х годах, таких, как забастовки в кинокомпаниях «Тохо», корпорациях «Тосиба», «Хитати» и «Ниссан». Пик «активности» Никкэйрэн пришелся

на 1960 год, когда во время знаменитой стачки на угольных шахтах Миникэ на о-ве Кюсю Ассоциация стала штабом монополистической буржуазии и получила прозвище «сражающаяся Никкэйрэн» («татакау Никкэйрэн») ³².

После того как с середины 50-х годов под руководством Генерального совета профсоюзов Японии (Сохё) в стране начали ежегодно проводиться общенациональные забастовочные кампании («весенние наступления»), Никкэйрэн стала выступать в качестве главного представителя капитала Японии на переговорах с забастовщиками. Этим переговорам, на которых Комитетом по проведению «весеннего наступления» выдвигаются требования о соответствующем повышении средней заработной платы по стране в данном году, предшествует серия консультаций Никкэйрэн с другими предпринимательскими организациями и отдельными корпорациями, равно как и с правительством. В ходе этих консультаций вырабатываются контрпредложения, неизменно содержащие значительно меньший процент повышения заработной платы, чем требования Комитета³³.

Вопросами выработки тактики в отношении «весенних наступлений» в системе аппарата Никкэйрэн занимается Комитет по изучению трудовых проблем. В его состав входили в начале 80-х годов виднейшие представители деловых кругов Японии, в частности Ёсихиро Инаяма, Кацудзи Кавамата (президент компании «Ниссан дзидося»), Рэндзо Тагути (советник «Исикавадзима-харима дзюкогё»), Хироки Имадзато (президент компании «Нихон сэйко») ³⁴.

В Никкэйрэн, так же как и в других предпринимательских организациях, существует система «обучения управлению», охватывающая менеджеров предприятий, входящих в Ассоциацию. В частности, ежегодно летом в городе Фудзисиды (преф. Яманаси) организуется семинар для высшего руководящего состава крупных корпораций, на котором обсуждаются важнейшие экономические вопросы³⁵.

Характерным аспектом деятельности Никкэйрэн является организация «связи с общественностью»: воздействие на общественное мнение страны в выгодном для монополистического капитала направлении путем использования средств массовой информации. Никкэйрэн финансирует крупную общенациональную газету «Санкэй симбун», телевизионную компанию «Фудзи» и радиотрансляционную компанию «Бунка хосо»³⁶. Так же как и Кэйданрэн, выпускающая ежемесячный журнал «Кэйданрэн гэнпо», Никкэйрэн имеет свой печатный орган — газету «Никкэйрэн таймз». Используя различные средства информации, Никкэйрэн активно пропагандирует лозунги «сотрудничества труда и капитала», «движения за повышение производительности труда» в рамках капиталистической системы и т. д.

Подобно Кэйданрэн, которая активно участвует в развитии внешнеэкономических связей Японии, Ассоциация в последние годы значительно усилила свою международную деятельность.

Это во многом связано с тем, что Никкэйрэн представляет предпринимателей Японии в Международной организации труда (МОТ). Никкэйрэн, в частности, ежегодно организует заграничные турне-семинары для специалистов по трудовым вопросам.

Старейшей предпринимательской организацией страны является Торгово-промышленная палата Японии (Нихон сёнкайгисё, сокр. Ниссё). Основанная в 1878 г., она возобновила свою деятельность в 1953 г.

Ниссё организована строго по географическому принципу, в нее входит 445 местных торгово-промышленных палат. Особенностью Ниссё, отличающей ее от других предпринимательских организаций Японии, является то, что она представляет собой объединение в основном мелких и средних компаний. Так, в конце 1978 г. в Ниссё входило около 1 млн. индивидуальных членов³⁷.

Деятельность Торгово-промышленной палаты, всегда бывшей наименее влиятельной из всех членов «большой четверки», заметно оживилась после вступления в 1970 г. на пост ее президента Сигэо Нагано, председателя правления крупнейшей металлургической компании «Син Нихон сэйтэцу» (он занимал этот пост в течение 14 лет)³⁸. Приход к руководству организации мелкого и среднего бизнеса одного из виднейших представителей промышленной верхушки страны свидетельствует о стремлении монополий упрочить свой контроль над монополизированным предпринимательством и, кроме того, уменьшить влияние другой его организации — Демократической ассоциации торговцев и промышленников, находящейся под сильным влиянием Коммунистической партии Японии.

Вступая на пост президента Ниссё, С. Нагано заявил об «ответственности» большого бизнеса перед мелким и средним предпринимательством. Он также выразил надежду на объединение под эгидой Ниссё подавляющего большинства мелких предпринимателей (в современной Японии их насчитывается около 11 млн.)³⁹.

После прихода С. Нагано в организационной структуре Ниссё были произведены существенные изменения, в результате которых в ее центральном руководстве значительно большее представительство получили местные предприниматели. Если до начала 70-х годов имелось 5 региональных отделений Ниссё (торгово-промышленные палаты городов Осака, Иокогама, Кобэ, Нагоя и Киото), не считая Токийской торгово-промышленной палаты, главы которых автоматически занимали посты соответственно вице-президентов и президента Ниссё, то теперь число региональных отделений возросло до 9. В Исполнительный совет Ниссё были введены президенты торгово-промышленных палат городов Саппоро, Фукуока, Хиросима, Сэндай, Ниигата и Такамацу (при этом президенты палат Токио, Осака и Нагоя представляют одновременно свой район и город)⁴⁰.

Деятельность Ниссё, за исключением тех ее аспектов, которые определяются спецификой организации с преимущественным представительством мелких и средних предприятий, во многом сходна с деятельностью остальных членов «большой четверки». Ниссё занимается вопросами развития местной экономики, проблемой увеличения спроса, проблемами цен. Она наделена полномочиями арбитра как в коммерческих спорах внутри Японии, так и в сотрудничестве с соответствующими зарубежными организациями в разрешении международных коммерческих споров⁴¹.

В функции Торгово-промышленной палаты Японии входит также организация всевозможных выставок и ярмарок. Кроме того, в рамках как центральной, так и местных торгово-промышленных палат широко организуются курсы повышения квалификации предпринимателей и менеджеров: на этих курсах изучаются бухгалтерский учет, машинопись, английский язык и т. д.⁴².

Ниссё также активно занимается внешнеэкономическими вопросами. Она наряду с Кэйданрэн участвует в работе двусторонних экономических комитетов (японо-американского, японо-советского, японо-австралийского и др.). По инициативе ее руководства в 1967 г. был создан первый многосторонний Комитет экономического сотрудничества в бассейне Тихого океана с участием Японии, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии⁴³.

Общество экономического сотрудничества (Кэйдзай доюкай), основанное 23 апреля 1946 г., в значительной степени отличается от остальных трех ведущих предпринимательских организаций Японии. Оно стало монополистическим союзом нового типа, подобия которого в довоенный период не существовало.

В отличие от Кэйданрэн и Никкэйрэн, руководство которых в первое послевоенное десятилетие было тесно связано с влиятельной группировкой покойного Сэйдзиро Миядзима, бывшего председателя правления «Ниссин босэки» — виднейшего представителя финансово-монополистической верхушки послевоенной Японии⁴⁴, Кэйдзай доюкай было организовано группой представителей младшего и среднего эшелонов деловых кругов Японии.

Членство в Обществе исключительно индивидуальное, в него входят многие лица, которые составляют руководство Кэйданрэн и Никкэйрэн. Так же как и в этих двух организациях, в Кэйдзай доюкай значительно представительство правительственных и полуправительственных предприятий. Тем не менее члены Кэйдзай доюкай, как неоднократно подчеркивало его руководство, не являются представителями какого-либо предприятия или организации, а составляют «общество единомышленников»⁴⁵.

Центральная организация Кэйдзай доюкай насчитывает око-

ло 1 тыс. человек, кроме того, имеются 4 региональных организации: о-ва Хоккайдо, преф. Фукуока, р-на Тюбу и р-на Кансай. С апреля 1975 г. генеральным директором Общества является Тадаси Сасаки, бывший президент Банка Японии. До него организацию долгие годы возглавлял ныне покойный Кадзутака Кикавада, президент компании «Токио дэнрёку».

Кэйдзай доюкай считается «мозговым трестом» финансово-монополистической верхушки. Ежегодно в январе Общество публикует свои «мнения» по важнейшим вопросам развития экономики. Материалы создаваемого каждый год в апреле пленума Кэйдзай доюкай считаются выражением новейших тенденций в предпринимательских кругах Японии⁴⁶.

За годы своего существования организация опубликовала большое число документов по наиболее актуальным вопросам развития японской экономики, в частности по проблемам накопления капитала, экономического планирования, форсирования экспорта, ускорения развития науки и техники. Так, в начале 60-х годов Кэйдзай доюкай опубликовало программу перехода от «закрытой» экономики к «открытой». Кэйдзай доюкай является активным пропагандистом теории «неокапитализма», выдвигая лозунги «полной занятости», «демократизации предприятий» и т. п.⁴⁷

В рамках Кэйдзай доюкай постоянно проводятся различного рода семинары и симпозиумы, в частности «круглые столы» для членов его региональных организаций. При этом Общество получает значительные дотации от американских фондов, на которые осуществляются различные образовательные программы для его членов (например, программа обучения английскому языку) и совместные японо-американские исследовательские проекты⁴⁸.

Вплоть до своей смерти в 1978 г. ведущую роль в Кэйдзай доюкай играл К. Кикавада, пользовавшийся большим влиянием в деловых и политических кругах страны. По его инициативе в 1966 г. было образовано Общество по изучению проблем промышленности (Сангё мондай кэнкюкай, сокращенно Санкэн), в которое вошли помимо членов Кэйдзай доюкай представители других предпринимательских организаций (Тосио Доко, Сигэо Нагано и др.). Это общество, которое впоследствии стало включать в себя лидеров всех крупнейших корпораций страны, сыграло значительную роль в создании в 1970 г. в результате слияния компаний «Фудзи» и «Явата» крупнейшего в мире металлургического предприятия «Син Нихон сэйтэцу» и в осуществлявшейся в первой половине 70-х годов «либерализации капитала»⁴⁹. Тем не менее после кончины К. Кикавада Кэйдзай доюкай заметно начало терять свои позиции в «дзайкай». Наиболее активными деятелями этой организации в 1980-х годах являются Т. Сасаки, бывший президент Банка Японии, и Т. Исихара, президент корпорации «Ниссан дзидося».

Кроме четырех общенациональных монополистических сою-

зов в Японии существует еще ряд второстепенных предпринимательских организаций. Среди них выделяется *Промышленный клуб Японии* (Нихон когё курабу). Он был организован еще в 1917 г. и вплоть до начала 30-х годов являлся влиятельным объединением японских финансово-промышленных магнатов. После убийства первого генерального секретаря клуба, лидера довоенного концерна «Мицуи» Такума Дан в 1932 г. это объединение быстро потеряло свое реальное влияние. В послевоенный период Промышленный клуб Японии стал «дружеским» объединением ведущих японских промышленников. В его здании в районе Токийского вокзала в японской столице находятся центральные организации Никкэйрэн и Кэйдзай доюкай⁵⁰.

Анализ функционирования и структуры ведущих предпринимательских организаций Японии показывает, что, несмотря на существование между ними определенного «разделения труда» и формальную независимость друг от друга, они тем не менее действуют в тесном контакте, в значительной степени дополняя друг друга. При этом роль главного координационного центра финансово-монополистической верхушки современной Японии отводится Кэйданрэн, наиболее мощному и представительному объединению большого бизнеса Японии. Остальные предпринимательские организации в значительной степени согласовывают с ней свою деятельность. В особенности это относится к Никкэйрэн, которую часто называют «отделом труда Кэйданрэн». В последние годы также отчетливо проявляется тенденция к сближению между Кэйдзай доюкай и Кэйданрэн.

Тесная координация деятельности ведущих предпринимательских организаций Японии обусловлена не только объективным совпадением их общих классовых интересов, стремлением сохранить и упрочить капиталистический способ производства и обеспечить наиболее оптимальные условия для деятельности монополистических объединений, но и организационной особенностью функционирования «большой четверки», для которой характерно одновременное членство руководящего состава в двух или более предпринимательских организациях.

Первенство в этом принадлежит опять же Кэйданрэн, многие видные деятели которой занимают руководящие посты в других организациях «большой четверки». Так, бывший президент и вице-президент Кэйданрэн Ёсихиро Инаяма и Норисигэ Хасэгава являлись одновременно членами руководства Никкэйрэн. Бывший глава Никкэйрэн Такэси Сакурада одновременно входил в состав руководства Кэйданрэн. В то же время один из основателей Кэйдзай доюкай, Канъити Морой (президент компании «Титибу сэмэнто»), является одновременно исполнительным директором Никкэйрэн и советником Торгово-промышленной палаты Японии.

В последние годы в связи с определенным ослаблением Кэйдзай доюкай отчетливо прослеживается тенденция все более и

более активного участия его лидеров в деятельности Кэйдзай рэн. Так, Ёсидзанэ Иваса (президент банка «Фудзи») и Тацузо Мидзуками (советник компании «Мицуи буссан»), в прошлом занимавшие посты генеральных директоров Кэйдзай доюкай, стали деятельными членами руководства Федерации экономических организаций⁵¹.

Политический стиль финансово-монополистической олигархии

Развитие государственно-монополистического капитализма привело к тому, что монополистический капитал стал оказывать постоянное и все возрастающее воздействие на формирование важнейших аспектов государственной политики в современных развитых капиталистических странах. При этом ведущие предпринимательские организации как главные координирующие центры монополистического капитала наряду с государственным аппаратом и буржуазными политическими партиями стали одним из важнейших структурных элементов политической системы современного буржуазного общества.

Эволюция системы государственно-монополистического капитализма привела к тому, что правительственный механизм стал функционировать в тесной координации с организациями, преследующими цель удержать максимально широкие слои населения в рамках буржуазных ценностей. При этом особую роль играют монополистические союзы, выражающие коллективные интересы различных группировок внутри монополистической буржуазии. Их внутренняя структура тесно скоординирована с аппаратами правящих буржуазных партий и системой центрального административного аппарата.

В то же время, хотя в современных буржуазных государствах вся полнота экономической власти сконцентрирована в руках крупнейших монополий, главным орудием политической власти тем не менее остается по-прежнему государство. Это связано с двумя обстоятельствами:

во-первых, с тем, что власть монополистического капитала как власть меньшинства над подавляющим большинством невозможна без принуждения, главным носителем которого является государственная машина;

во-вторых, с тем, что господствующий класс не является однородным, он разделен на целый ряд соперничающих группировок. В подобных условиях только государство способно до известного предела примирить интересы различных группировок внутри монополистической буржуазии, выступая в роли «свокупного капиталиста»⁵².

Кроме того, в условиях повсеместного распространения в послевоенный период в развитых капиталистических странах всеобщего избирательного права, успехов коммунистического и

рабочего движения, образования мировой системы социализма монополии не могут афишировать свое политическое господство или осуществлять его открыто и прямо. В отличие, например, от дворянства в феодальном государстве или промышленной буржуазии в цензовом буржуазном государстве политическая власть монополий носит не юридический, а фактический характер. Она в значительной степени анонимна и в большинстве случаев осуществляется, минуя традиционную систему представительства — выборы, парламент и т. д.

Существование и деятельность ведущих предпринимательских организаций в послевоенной Японии служит этому блестящим подтверждением. Эти объединения не могут быть названы не только государственными, но и полугосударственными, поскольку правительство и государственная бюрократия формально не участвуют в них. При этом монополистические союзы, обладающие бюджетами, исчисляемыми миллиардами иен, и солидными штатами, практически не получают никаких дотаций от государства. Исключением является Торгово-промышленная палата Японии, единственная предпринимательская организация современной Японии, действующая в рамках соответствующего законодательства, Закона о торгово-промышленных палатах⁵³. В частности, Палата получала значительные правительственные субсидии, когда направляла в страны Юго-Восточной Азии миссии с целью увеличения в них объема японских инвестиций⁵⁴. Тем не менее в формировании государственной политики ведущие предпринимательские организации зачастую играют гораздо большую роль, чем правительство или парламентская фракция ЛДП.

Политическую систему послевоенной Японии отличает невысокая по сравнению со многими развитыми капиталистическими странами степень непосредственного участия финансово-монополистической верхушки в деятельности высших политических и государственных органов. Так, по данным на конец 1983 г., бизнесмены составляли около 15% общего числа депутатов от правящей партии, являясь в ней третьей по численности группой после выходцев из правительственной бюрократии и местных политических деятелей⁵⁵. В то же время в Соединенных Штатах Америки, например, около 1/3 всех депутатов в Конгрессе являются выходцами из деловых кругов⁵⁶. При этом следует учитывать, что японская статистика в эту категорию («кэйэйся») включает не только представителей крупных монополистических объединений, но и мелких и средних предпринимателей.

Систематически публикуемые в японской прессе сведения о доходах депутатов парламента показывают их относительно невысокий уровень. Так, по данным на конец марта 1984 г., невысокий уровень парламентариев лишь 69 подпадали под категорию «лиц с высокими доходами». При этом эти лица распределялись по партийному признаку следующим образом: ЛДП —

56 человек, СПЯ — 4, Комэйто — 1, КПЯ — 1, НЛК — 1, СДС — 1 человек.

Из членов правительства наибольшим годовым доходом обладал тогдашний премьер-министр Я. Накасонэ (20,9 млн. иен). При этом следует учитывать, что доходы депутатов парламента, входящих в первую «двадчатку», таких, как депутаты от ЛДП Э. Итояма и К. Фудзино, составляли гораздо меньшую сумму, чем, например, преуспевающего писателя Дз. Акагава, не говоря уже о ведущих промышленниках⁵⁷.

В современной Японии практически не наблюдается характерное для многих развитых капиталистических стран явление, когда представители финансово-монополистической верхушки получают назначения на высшие государственные посты. Из 17 послевоенных премьеров Японии нет ни одного лица, входившего в список наиболее состоятельных людей страны или участвовавшего в руководстве одной из ведущих предпринимательских организаций. Наибольшим личным состоянием из них обладал К. Танака (премьер-министр в 1972—1974 гг.), ставший центральной фигурой скандального «дела Локхид», связанного с разоблачением в начале 1976 г. фактов подкупа американской авиастроительной корпорацией «Локхид» группы высших государственных деятелей Японии. В ходе продолжавшегося уже несколько лет судебного расследования было выяснено, что в 1958—1975 гг. они получили от «Локхид», добивавшейся выгодного размещения своих заказов в Японии, взятки на общую сумму 3,7 млрд. иен (12 млн. долл. по курсу 1976 г.). Тем не менее К. Танака составил свое основное состояние в местной строительной промышленности и, кроме того, провел около 30 лет в парламенте, поэтому по японской классификации он может быть скорее отнесен к разряду местных политиков.

Среди лидеров фракционных группировок ЛДП в равной степени нет ни одного представителя высшего эшелона деловых кругов Японии. Исключением является Токусабуро Косака, который до своего перехода к чисто политической деятельности в 1969 г. возглавлял химическую компанию «Синъэцу кагаку когё» и был активным членом Никкэйрэн и Кэйданрэн. Однако возглавляемое им «Общество по изучению новых веяний в политике» («Симпу сэйдзи кэнкюкай») включает в себя политиков среднего эшелона и играет второстепенную роль в правящей партии Японии⁵⁸.

Характерно, что сами лидеры «дзайкай» в подавляющем большинстве случаев не проявляют стремления занять руководящие посты в государстве. Единственным представителем финансово-монополистической верхушки, который сделал серьезную, но безуспешную попытку стать лидером ЛДП, был Айитиро Фудзияма, в 50-х годах возглавлявший Торгово-промышленную палату Японии.

Анализ социального происхождения членов послевоенных

японских кабинетов показывает, что среди них, как и в парламентской фракции ЛДП, преобладают бывшие правительственные чиновники и профессиональные политики. Примеры назначения на министерские посты представителей деловых кругов крайне малочисленны. Так, уже упоминавшийся А. Фудзияма в июле 1957 г. получил пост министра иностранных дел в кабинете Н. Киси, а уже потом был избран в парламент (на этом посту А. Фудзияма находился в течение трех лет — до июля 1960 г.). Крупный промышленник, владелец судоходной компании «Санко кисэн» Тосио Комото занимал пост министра внешней торговли и промышленности в первом кабинете Т. Мики (декабрь 1974 — сентябрь 1976 г.). Малочисленность в правительстве выходцев из деловых кругов отличает Японию от многих развитых капиталистических стран, в частности от США, где миллионеры-политики — обычное явление. Так, по подсчетам, из 90 лиц, занимавших с 1940 по 1967 г. престижные посты (государственного секретаря и министра обороны, их заместителей, министров трех родов войск, директора ЦРУ), 70 вышли из руководства крупных компаний и банков⁵⁹.

Помимо прочих причин, в первую очередь стремления самой финансово-монополистической верхушки держаться за кулисами, скрывая свою истинную роль в политическом механизме страны, широкому назначению на министерские посты представителей внепарламентских кругов в современной Японии препятствуют два следующих обстоятельства. Во-первых, согласно формальному юридическому положению (ст. 68 Конституции Японии), большинство министров кабинета должно быть депутатами парламента. Во-вторых, в соответствии со сложившейся в послевоенной Японии практикой, порожденной фракционной раздробленностью правящей ЛДП, кабинеты министров формируются в соответствии с так называемым «принципом равновесия фракций». Этот принцип предполагает распределение министерских портфелей между соперничающими фракционными группировками пропорционально их численности и практически исключает для аутсайдеров возможность занять место в правительстве.

В результате складывается положение, при котором из двух с небольшим десятков членов японского правительства обычно не более одного-двух не являются депутатами парламента. Подчас это выходцы из академических кругов, как, например, известный экономист Сабуро Окита, до 1963 г. служивший в Управлении экономического планирования при канцелярии премьер-министра, который получил портфель министра иностранных дел во втором кабинете М. Охиро, сформированном 8 ноября 1979 г.

Представители деловых кругов практически отсутствуют и в высшем эшелоне бюрократического аппарата современной Японии. Например, в дипломатической службе на посты послов в последние годы назначаются исключительно кадровые работ-

ники министерства иностранных дел. Это не исключает, однако, назначения крупных бизнесменов послами или главами специальных миссий, которые направлялись главным образом в страны Юго-Восточной Азии для переговоров о репарационных платежах в счет возмещения ущерба, нанесенного им Японией во время второй мировой войны, а в последние годы в США. Эти послы Японии резко отличаются от США, где нередко назначаются послами представители большого бизнеса, сделавших крупные финансовые пожертвования одной из двух ведущих буржуазных партий, находящейся в данный момент у власти⁶⁰.

В качестве видного представителя «дзайкай», получившего важное государственное назначение, можно назвать Макото Усами, бывшего президента крупнейшего частного банка «Мицубиси гинко», который в 1964—1969 гг. занимал пост президента Банка Японии. Однако его назначение скорее является исключением: его преемником в соответствии с обычной практикой стал ответственный работник банка Тадаси Сасаки (с 1975 г. — генеральный директор Кэйдзай доюкай)⁶¹.

Несмотря на формально независимое друг от друга существование политических институтов и финансово-монополистического капитала и внешне незначительное непосредственное представительство последнего в политических органах и государственном аппарате, анализ внутреннего механизма политической власти в Японии показывает, что финансово-монополистическая верхушка, используя различные каналы и методы, принимает самое активное непосредственное участие в формировании важнейших аспектов государственной политики. При этом не будет преувеличением сказать, что ни одно сколько-нибудь значительное решение парламента или правительства страны в послевоенный период не обошлось без пристального внимания со стороны большого бизнеса Японии, который неоднократно сам выступал инициатором важных преобразований в различных областях экономики, законодательства, социальной политики.

Весьма характерно, что система взаимоотношений между монополиями и правительством в Японии неоднократно приводилась в качестве образца для подражания лидерами большого бизнеса США. Так, еще в начале 70-х годов президент Национальной ассоциации промышленников, одной из ведущих предпринимательских организаций Америки, Д. Кенна призвал ради сохранения конкурентоспособности американского бизнеса на мировой арене добиться такой же высокой степени взаимосогласованности между частным капиталом и государством, какая имеется в Японии и ряде стран Западной Европы⁶².

Воздействуя на систему политической власти, финансово-монополистическая верхушка стремится к реализации целого комплекса целей и задач. Главной из них, бесспорно, является классовая заинтересованность монополий в укреплении в стране политических условий, обеспечивающих сохранение социаль-

но-экономической системы, основанной на принципах частной собственности и эксплуатации наемного труда. При этом, как отмечает известный японский политолог Юкио Судзуки, руководство «дзайкай» видит свою основную задачу в осуществлении своего рода «контроля над средой, окружающей... капитал», и защитой, таким образом, его основных интересов⁶³.

С реализацией этой задачи тесно связана глубокая заинтересованность финансово-монополистической верхушки в обеспечении политической стабильности в стране, укреплении консервативного режима. Во второй половине 70-х годов, когда в парламенте Японии установилось почти абсолютное равновесие сил между ЛДП и оппозиционными партиями, особенно резко зазвучали призывы лидеров «дзайкай», обращенные к руководству либералов-демократов, покончить с фракционными распрями и направить все усилия на противодействие натиску оппозиции. В этом отношении весьма характерна статья, опубликованная вскоре после особенно неудачного выступления ЛДП на выборах в нижнюю палату парламента 9 декабря 1976 г. (на этих выборах ЛДП с трудом сумела обеспечить себе минимальное большинство) в популярном общественно-политическом журнале «Тюо корон». Автор статьи, президент Торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано, подверг резкой критике фракционную раздробленность ЛДП⁶⁴.

Наряду с задачами, связанными с обеспечением соответствующих политических условий деятельности большого бизнеса, монополии также непрерывно воздействуют на государственную машину как ведущее звено политической системы, с тем чтобы содействовать созданию оптимальных экономических условий для своей деятельности. Используя механизм государственного регулирования, финансово-монополистическая верхушка страны оказывает решающее влияние на формирование таких важнейших направлений политики японского государства в области экономики, как общая экономическая структура, экономическое планирование, финансовая система и т. д. При этом в условиях Японии, страны, в высшей степени зависимой от внешней торговли, для монополий особо важное значение приобретает расширение внешнеэкономической экспансии. Именно реализация указанных выше целей и составляет основное содержание повседневной деятельности финансово-монополистической верхушки в ее отношениях с государственно-монополистическим механизмом.

Важной стороной деятельности финансово-монополистического капитала является воздействие на надстроечные органы с целью создания в стране наиболее оптимальной для монополий социальной структуры. Она включает в себя несколько аспектов: выработка общей тактики в отношении рабочего и демократического движения, политика в области образования, политика в области социального обеспечения и т. п.

Основные каналы взаимодействия финансово-монополистического капитала с государственными и политическими органами

Взаимодействуя с государственными и политическими организациями, деловые круги Японии используют совокупность каналов и методов, конкретный выбор которых зависит как от характера и масштабов преследуемых целей, так и от того, какая группировка предпринимательских кругов страны вступает в данном случае в это взаимодействие. Используя государственно-монополистический механизм, последние оказывают воздействие на государственные и политические органы на всех уровнях, включая:

- правительство и руководство ЛДП,
- центральный партийный аппарат и фракционные группировки в ЛДП,
- центральный аппарат исполнительной власти,
- парламент.

Взаимодействие финансово-монополистической верхушки с правительством и руководством ЛДП. Отношения между финансово-монополистической верхушкой и руководством ЛДП традиционно отличаются тесным взаимодействием, основанное на совпадении основных классовых интересов и целей. Это, однако, не исключает временных трений в системе монополистические круги — правящая партия. Эти трения, как правило, связаны с недовольством «дзайкай» отдельными персональными назначениями в высших политических сферах, которые рассматриваются как наименее желательные с точки зрения реализации планов монополий. Так, в 1956 г. значительная часть руководства ведущих предпринимательских организаций выступала с требованием отставки премьер-министра Итиро Хатояма, будучи недовольной его курсом на нормализацию советско-японских отношений; в конце 1974 г. взаимоотношения между ЛДП и финансово-монополистической верхушкой резко обострились в связи с отставкой тогдашнего премьера К. Танака после разоблачения нечестных источников обогащения последнего, которые бросали тень на всю систему капиталистического «истэблишмента» в Японии.

Кэйданрэн, возглавляемая тогда Т. Доко, будучи крайне недовольной отставкой кабинета К. Танака и приходом к руководству Т. Мики (он возглавлял кабинет в 1974—1976 гг. и санкционировал расследование «дела Локхид»), известного как «политик левее центра», прибегла к применению своеобразных экономических санкций в отношении ЛДП: на семь месяцев были приостановлены взносы в Народную политическую ассоциацию (Кокумин сэйдзи кёкай). Это поставило консерваторов в весьма затруднительное положение⁶⁵. В результате временного прекращения финансирования со стороны ряда корпораций ЛДП оказалась в крайне тяжелом финансовом положении

(ее долг достиг к осени 1975 г. 10 млрд. иен)⁶⁶. Весьма прохладные отношения сохранялись между «дзайкай» и руководством либерал-демократов в течение всего времени нахождения у власти Т. Мики.

Тем не менее финансово-монополистическая верхушка Японии неизменно находила взаимопонимание по всем важнейшим вопросам с наиболее консервативным крылом либерал-демократов, так называемым «главным течением» ЛДП. Его виднейшими представителями в прошлом являлись такие политики, как С. Ёсида, Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато, Т. Фукуда, М. Охира. В 80-х годах к «главному течению» фактически примкнул Я. Накасонэ, до своего назначения на пост премьер-министра в конце 1982 г. в течение многих лет считавшийся сподвижником Т. Мики.

В ходе контактов лидеров финансово-монополистических кругов с правительством и руководством ЛДП согласовывается самый широкий круг вопросов: темпы экономического роста, основные направления внешнеэкономической политики, различные внутриполитические проблемы, важнейшие законопроекты, выдвигаемые от лица правительства, и т. д. Кроме общих проблем объектом обсуждения становятся также вопросы конкретной политики, в частности размеры бюджетных ассигнований в данном году, развитие отдельных отраслей экономики. Так, с конца 70-х годов важнейшей темой переговоров между лидерами «дзайкай» и правительством стал проект перестройки государственной финансовой и административной системы Японии.

На этом уровне японские монополии представлены обычно руководством одной из предпринимательских организаций, в большинстве случаев Кэйданрэн, или всей «большой четверкой», а правящая партия — ее председателем, занимающим пост премьер-министра, а также нередко генеральным секретарем и председателем Совета по изучению политических вопросов ЛДП. По конкретным вопросам переговоры ведутся с министрами, возглавляющими соответствующие ведомства центрального административного аппарата⁶⁷.

На уровне премьер-министра контакты с финансово-монополистической верхушкой имеют очень интенсивный характер. Так, по опубликованным газетой «Акахата» данным, с 10 июля по середину сентября 1977 г., в течение двух месяцев после выборов в палату советников, премьер-министр Т. Фукуда 43 раза встречался с ведущими деятелями финансово-монополистического капитала⁶⁸.

Личные контакты между главой правительства и лидерами «дзайкай» осуществляются как в официальной, так и в неофициальной форме. К официальной относятся приглашения главы кабинета на съезды ведущих предпринимательских организаций или посещения представителями «большой четверки» официальной резиденции премьер-министра. Нередки совмест-

ные встречи глав всех ведущих предпринимательских организаций с главой кабинета ⁶⁹.

Специфическим каналом взаимодействия между правительством и деловыми кругами является весьма разветвленная сеть неформальных контактов. В послевоенные годы при каждом японском премьер-министре существовало по нескольку (иногда свыше десятка) строящихся по клубному принципу обществ, через которые осуществлялись личные связи с различными группировками предпринимательских кругов. Членство в подобных обществах часто связано с совместным обучением или одновременным окончанием того или иного университета, происхождением его участников из одного и того же района Японии и т. д. Они также иногда строятся по возрастному принципу. Собрания таких обществ неизменно проводятся в неофициальной обстановке: в известных отелях, ресторанах, в большинстве случаев в токийских районах увеселений (Асакуса или Роппонги), а также в гольф-клубах.

Так, при премьер-министре Японии М. Охире (1978—1980), как сообщал журнал «Дзайкай», имелось свыше 15 подобных обществ. Наиболее влиятельными из них являлись Общество весеннего благоухания (Сюмбокай) и Общество хорошего предзнаменования (Китёкай). В них состояли такие виднейшие представители финансово-монополистической верхушки, как Т. Сакурада, Б. Оцуки, С. Нагано, А. Кобаяси, Н. Хасэгава, Е. Инаяма. Кроме этих обществ в системе неформальных связей М. Охире с деловыми кругами имелось также объединение относительно молодых предпринимателей (45—50 лет) и предпринимателей, связанных с Молодежной палатой Японии (Общество густо-синей листвы — Сэйранкай и Общество великого героизма — Тайюкай), включавшее в себя бизнесменов из городов Осака и Киото, а также объединение выходцев из бюрократических кругов, перешедших после отставки с государственной службы в руководство частных компаний ⁷⁰. Цели всех этих обществ, как и цели, преследуемые во время официальных контактов финансово-монополистической верхушки с главой японского правительства, сводились к доведению до сведения главы правительства мнений деловых кругов по самому широкому кругу вопросов, а также согласование на наиболее высоком уровне вопросов конкретной политики.

Контакты на уровне центрального партийного аппарата и фракционных группировок ЛДП. Свое воздействие на политические органы финансово-монополистическая верхушка Японии осуществляет также через центральный аппарат («штаб») ЛДП. Между лидерами «дзайкай» и высшими функционерами правящей партии, включая ее генерального секретаря и председателей двух наиболее важных подразделений партии — Совета общих вопросов (Сомукай) и Совета по изучению политических вопросов (Сэйму тэсакай), — существует постоянное взаимодействие.

Контакты этого уровня, в ходе которых обсуждаются в основном те же вопросы, что и во время встреч с премьер-министром, имеют специфические особенности. На этих встречах решаются вопросы финансирования ЛДП. Они имеют особое значение для ЛДП Японии, не обладающей в отличие от большинства буржуазных партий в капиталистических странах собственной финансовой базой и полностью зависящей от субсидий деловых кругов. «Деловое сообщество» Японии тратит на так называемые представительские расходы, которые включают организацию всевозможных угощений и увеселений, преподнесение подарков для «нужных» людей в политических кругах и правительственном бюрократическом аппарате, огромные суммы. Так, в 1979 г. они составили почти 3 трлн. иен, причем около 550 млрд. иен пришлось на крупные монополии, которые составляли тогда лишь 0,16% общего числа зарегистрированных компаний страны ⁷¹.

Особенностью сложившейся в послевоенный период системы финансирования правящей партии Японии является то, что в качестве ее спонсоров выступает значительное число юридических и частных лиц: национальные и региональные предпринимательские организации, монополистические объединения, отдельные корпорации, а также многочисленные индивидуальные пожертвователи. При этом роль координирующего центра по сбору средств для ЛДП играет Кэйданрэн. По подсчетам японских специалистов, в настоящее время эта организация контролирует около 5 млрд. иен, что составляет примерно 50% «политических пожертвований», ежегодно централизованно получаемых консервативной партией ⁷².

Роль Кэйданрэн в формировании партийного бюджета ЛДП отчетливо видна на примере ее посредничества в контактах между руководством ЛДП и влиятельной Токийской банковской ассоциацией, головной организацией Федерации банковских ассоциаций Японии, известной особенно крупными взносами в кассу либерал-демократов.

Получив очередной запрос о субсидиях от руководства ЛДП, Кэйданрэн в соответствии со сложившейся практикой передает его в директорат Токийской банковской ассоциации (ее высший орган, формирующийся из директоров и вице-директоров банков, входящих в Ассоциацию). После принципиального решения вопроса о субсидиях в директорате Совет общих вопросов Ассоциации распределяет предполагаемое «пожертвование» между отдельными банками. Затем собранная сумма централизованно поступает в распоряжение Кэйданрэн и передается, в виде ее взноса в Народную политическую ассоциацию, в посредническую организацию для сбора средств правящей партии, ЛДП ⁷³.

Кроме банков и других частных финансовых учреждений (холдинговых компаний, страховых компаний и т. п.) в формировании партийного бюджета ЛДП большую роль играют так-

же крупные металлургические и электротехнические компании. В последние годы в связи с активизацией курса правящей партии на дальнейшее развитие «сил самообороны» усилилась политическая деятельность корпораций, связанных с производством оружия. Стремясь добиться от правительства решений о отечественном производстве всех важнейших видов вооружений, эти корпорации, объединенные в Японскую ассоциацию производителей оружия (Нихон хэйки когё кай), передают ЛДП значительные денежные суммы. Как сообщала газета японских коммунистов «Акахата», в 1978 г. они составили около 1,1 млрд. иен, примерно 10% всего сбора ЛДП за год⁷⁴.

Кэйданрэн играет важнейшую роль и в формировании предвыборных фондов ЛДП. Размеры субсидий, предоставляемых консерваторам «большим бизнесом» страны для проведения кампаний, традиционно согласовываются на встречах лидеров Кэйданрэн с руководством ЛДП в лице ее генерального секретаря, отвечающего за формирование партийного бюджета, а также нередко председателя партии и председателя Совета общих вопросов ЛДП. После окончания переговоров деловые круги, используя механизм сбора «политических пожертвований», подобный описанному выше, передают необходимые суммы в Народную политическую ассоциацию или непосредственно в кассу ЛДП.

Предоставление консерваторам огромных субсидий на проведение предвыборных кампаний стало обычной практикой в политической жизни послевоенной Японии. Их размеры увеличиваются от выборов к выборам. Так, перед выборами в палату представителей 5 декабря 1976 г. штаб-квартира ЛДП получила 3,3 млрд. иен, перед выборами в ту же палату 7 октября 1979 г. — уже около 8 млрд. иен⁷⁵. На проведение «двойных» парламентских выборов (одновременно в палату представителей и палату советников), состоявшихся 22 июня 1980 г., ЛДП была передана рекордная сумма в 15 млрд. иен. Согласно достигнутой между руководством партии и лидерами финансово-монополистических кругов договоренности, 5 млрд. иен из них предназначалось для организации централизованных кампаний по выборам в нижнюю палату, 7 млрд. иен — в верхнюю палату японского парламента, а 3 млрд. иен — для фракционных группировок ЛДП⁷⁶. Как писала непосредственно перед выборами газета «Майнити», «сейчас, когда остались считанные дни до проведения двойных выборов, в кассу ЛДП, в Народную политическую ассоциацию продолжает литься денежный поток, исчисляемый суммами, достигающими 100 млн. иен в день»⁷⁷. Необычно щедрая материальная поддержка со стороны финансово-монополистических кругов явилась одним из важнейших факторов, позволившим консерваторам значительно увеличить свое представительство в парламенте после знаменательных выборов летом 1980 г., равно как и выборов последующих лет.

Контакты между деловыми кругами и ЛДП поддерживаются также на уровне ее фракций и отдельных либерал-демократов. Отличительной особенностью этих контактов является то, что в них участвует большое количество группировок буржуазии Японии: ведущие промышленно-финансовые группы (Мицубиси, Фудзита, Сумитомо и др.), отдельные корпорации и компании, промышленные и торговые ассоциации, исключая Кэйданрэн, которая делает взносы только в центральную кассу ЛДП. Так, отличительной чертой фракции, многие годы возглавлявшейся Т. Фукуда (с середины 80-х годов ее возглавил С. Абэ), являются особенно тесные связи с группой Мицубиси. В число наиболее значительных спонсоров Т. Фукуда входят такие известные компании, как «Мицубиси сёдзи», «Мицубиси дзюкогё», «Тоё сёдзи», «Мицубиси дэнки». Крупные субсидии фракция получает также и от других компаний, в частности от «Мацусита дэнки», «Сумитомо кагаку когё» (группа Сумитомо), «Тайсэй кэнсэцу» (группа Фудзита)⁷⁸.

В числе покровителей лидера фракции Т. Фукуда называли таких виднейших представителей финансово-монополистических кругов, как Тосио Доко, Сигэо Нагано, Ёсихиро Инама и др.⁷⁹.

Занимая высшие посты в министерстве финансов, являющемся одним из важнейших регуляторов финансово-кредитной системы Японии, Т. Фукуда сумел завязать обширные связи в банковских кругах. В частности, в 1971 г., находясь на посту министра финансов, Т. Фукуда активно содействовал слиянию двух частных банков, «Дайити гинко» и «Кангё гинко», в крупнейший «Дайити кангё гинко», что в еще большей степени укрепило его позиции в финансовых кругах страны⁸⁰.

В отличие от фракции Т. Фукуда группировка К. Танака (ныне ее лидер Н. Такэсита), пользующаяся репутацией наиболее коррумпированной фракции в ЛДП, опирается преимущественно на строительные компании, с которыми К. Танака завязал тесные связи еще до начала своей политической карьеры. Эти связи особенно укрепились после опубликования им в 1972 г. известного «Плана реконструкции Японских островов», который вызвал строительный бум и параллельно безудержную спекуляцию землей⁸¹.

Фракция скончавшегося в июне 1980 г. М. Охира (его преемником стал Дз. Судзуки, а затем К. Миядзава), который, так же как Т. Фукуда, являлся выходцем из высшей бюрократии министерства финансов, поддерживает тесные контакты с крупными корпорациями и банками. Значительные вклады в кассу фракции вносили также солепромышленники с о-ва Сикоку, родины М. Охира⁸².

Группировку Т. Мики (Т. Комото), не связанного с так называемым «главным течением» консервативной партии, отличает отсутствие крупных поступлений со стороны ведущих монополистических объединений. Наиболее значительным спонсором Т. Мики считается упоминавшийся выше член его фракции

Т. Комото, крупный промышленник. Как отмечают японские комментаторы, назначение Т. Комото на престижный пост министра внешней торговли и промышленности в первом кабинете Т. Мики (декабрь 1974 — сентябрь 1976 г.) было актом благодарности со стороны премьера за обильную финансовую поддержку⁸³. В последние годы вместо Т. Мики эту фракционную группировку стал возглавлять Т. Комото.

Фракция Я. Накасонэ, с ноября 1982 по октябрь 1987 г. занимавшего пост премьер-министра, многие годы занимала последнее место среди пяти крупнейших группировок ЛДП по размерам финансовых поступлений. Однако, как указывает прогрессивная японская печать, реальные доходы фракции Я. Накасонэ значительно превышают относительно скромные цифры в официальных декларациях⁸⁴. Было установлено, что Я. Накасонэ поддерживает тесные закулисные связи с рядом японских предпринимателей, от которых получает значительные «пожертвования», скрываемые от официальных органов. Так, известны его незаконные контакты с неким Тамиясу Того, президентом компании «Сёкусан дзютаку», привлеченным к судебной ответственности за уклонение от уплаты налогов⁸⁵.

Весьма характерно, что в начале 80-х годов, когда резко возросли шансы Я. Накасонэ стать лидером партии и главой правительства, значительно увеличились размеры «пожертвований» его фракции, которая по своим декларируемым доходам стала занимать первое место в ЛДП⁸⁶. Это показывает весьма характерное для деловых кругов Японии стремление делать ставку на самую «верную лошадь».

В 1984—1985 гг. в японском парламенте слушалось дело о превышении «политических пожертвований», получаемых Я. Накасонэ, уровня, допускаемого законом, в результате чего японскому премьеру пришлось даже вернуть часть полученных от компании «Токио кодзан» субсидий⁸⁷.

Контакты на уровне центрального административного аппарата. Важнейшее место в системе участия финансово-монополистической верхушки Японии в государственно-монополистическом механизме занимает деятельность, связанная с воздействием на государственно-административный аппарат. Ее значение определяется не только объективным явлением усиления исполнительной власти за счет ослабления законодательной, характерным для буржуазного государства в период углубления общего кризиса капитализма, но и специфическими особенностями Японии. Традиционно чрезвычайно активная роль исполнительной власти, отсутствие до конца XIX в. системы выборных органов, сохранение вплоть до конца второй мировой войны многочисленных феодальных пережитков в структуре государственной власти в значительной степени определили особую роль центрального административного аппарата в политической системе послевоенной Японии и то повышенное внимание, которое оказывают ему монополии страны. Последние стремятся

установить прочные контакты в первую очередь с так называемыми «экономическими» ведомствами: министерствами финансов; внешней торговли и промышленности; сельского и лесного хозяйства и рыболовства; транспорта; строительства; связи; труда, а также с управлением экономического планирования.

Наиболее интенсивное воздействие на весь аппарат исполнительной власти оказывают центральные координирующие органы монополий, в первую очередь Кэйданрэн. При этом особенностью Японии является то, что финансово-монополистическая олигархия имеет возможность оказывать влияние на деятельность центрального административного аппарата не только опосредованно, через правительство и парламентскую фракцию правящей Либерально-демократической партии, но и путем непосредственного участия в работе его органов и личных связей с правительственной бюрократией.

Это проникновение в аппарат исполнительной власти страны осуществляется в двух формах. Во-первых, виднейшие представители финансово-монополистической верхушки назначаются консультантами и советниками центральных государственных ведомств, во-вторых, они широко участвуют в деятельности неоднократно упоминавшихся выше многочисленных правительственных консультативных комитетов и советов, являющихся одним из важнейших элементов государственно-монополистического механизма современной Японии. Последняя форма представляет «дзайкай» особенно эффективный канал воздействия на надстроечные органы страны. Заседая в важнейших правительственных консультативных органах, представители финансово-монополистической верхушки получают возможность непосредственно участвовать в работе министерств и ведомств государственно-административного аппарата. Последнее обстоятельство имеет также весьма важное пропагандистское значение, так как позволяет деловым кругам, воздействуя на деятельность аппарата исполнительной власти завуалированно, изнутри, как бы оставаться в стороне от ответственности за решения, принимаемые правительством. Такая политика, имеющая целью скрыть действительную роль финансово-монополистического капитала в системе власти современной Японии, получила даже особое название — «плащ-невидимка» («какурэ-мино») ⁸⁸.

Особенно много консультантов и советников из числа высших представителей монополистического капитала имеется в министерстве иностранных дел, министерстве по делам местной автономии, министерстве юстиции, а также в ряде ведомств при канцелярии премьер-министра. В середине 70-х годов среди них были, в частности, такие известные личности, как Кадзутака Кикавада (президент Комитета по вопросам экономического развития), Атару Кобаяси (президент нефтяной компании «Арабиа сэкино»), Тюдзиро Фудзиро (президент крупнейшей торговой компании «Мицубиси сёдзи»), Сёдзо Хотта (президент банка «Сумитомо гинко») ⁸⁹.

Система участия в правительственном консультативном аппарате, являющемся смешанным органом государства и монополий, широко используется последними для воздействия на важнейшие «экономические» министерства страны. В совещательных комитетах и советах при центральных административных ведомствах Японии заседали в 70—80-х годах такие виднейшие представители финансовой олигархии, как бывший президент Тогово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано, Тосио Доко до мая 1980 г. возглавлявший Кэйданрэн, Такэси Сакурада, в 1979 г. президент Никкэйрэн, президент крупнейшей металлургической компании «Син Нихон сэйтэцу» Ёсихиро Инаяма, в 1986 г. председатель Кэйданрэн. Достаточно сказать, что в конце 70-х годов Сигэо Нагано являлся одновременно председателем пяти и членом трех правительственных консультативных органов, Тосио Доко — председателем двух, в их числе такого важнейшего, как Комитет по промышленной структуре, и членом одного совещательного комитета⁹⁰.

Составляя влиятельную часть основных правительственных консультативных органов, которые в ряде случаев становятся одним из важнейших звеньев процесса принятия политических решений в современной Японии, представители монополистической буржуазии оказывают самое активное воздействие на центральный административный аппарат и в конечном счете на правительство, большинство членов которого также входит в состав совещательных комитетов и комиссий. Согласованные на уровне консультативного аппарата рекомендации монополистических кругов затем либо переводятся на язык правительственных решений, либо воплощаются в выдвигаемых от имени правительства законопроектах. При этом наиболее существенным является участие совещательных органов при центральной администрации в осуществлении одной из важнейших прерогатив японского правительства — составлении бюджета, этого важнейшего регулятора экономической жизни в стране.

Составление бюджета в Японии, как и в других странах, представляет собой сложный, многоступенчатый процесс. Каждый год в августе кабинет министров специальным решением определяет максимальные границы ассигнований на следующий финансовый год (который начинается в Японии с 1 апреля), затем различные министерства и ведомства представляют в министерство финансов свои бюджетные заявки, неофициальные ответы на которые получают обычно в ноябре. Примерно до февраля включительно идет сложный процесс координирования и сбалансирования бюджетного законопроекта, который затем выносится на обсуждение парламента.

Такие консультативные органы, как Экономический совет, Комитет по промышленной структуре, Комитет по использованию капиталовложений и некоторые другие, оказывают существеннейшее воздействие на формирование бюджета. При этом особенно важна их роль на первоначальном этапе, когда опре-

деляется общая структура бюджета: перспективный уровень экономического роста, основные направления налоговой политики государства, курс в области финансов, внешней торговли и т. д. Характерно, что предварительный проект бюджета не может быть принят кабинетом, если он не прошел соответствующего обсуждения в вышеуказанных комитетах⁹¹. Таким образом, складывается положение, когда представители промышленно-финансовых кругов, заседающие в этих консультативных органах и действующие в тесном контакте с чиновниками из департамента бюджетных расходов, на которых возложена ответственность за составление предварительного проекта бюджета, имеют возможность непосредственно участвовать в формировании бюджета.

Система участия финансово-монополистической верхушки Японии в правительственном консультативном аппарате позволяет ей также оказывать активное воздействие на экономическое планирование, ставшее в условиях государственно-монополистического капитализма одной из важнейших сторон деятельности японского государства. При этом весьма характерно, что само экономическое планирование в Японии было начато в 50-х годах по настоянию предпринимательских организаций: Кэйданрэн, Ниссё и некоторых других⁹².

Ключевую роль в организации планирования экономики в Японии играет Экономический совет, консультативный орган, учрежденный в 1952 г. при Управлении экономического планирования. Как пишет известный американский специалист по Японии Харухиро Фукуи, на протяжении уже более чем двух десятилетий Экономический совет является «постоянным органом, созданным правительством специально для того, чтобы знать мнение делового сообщества (т. е. финансово-промышленной олигархии. — А. М.) относительно экономического планирования и сотрудничать с ним в деле пересмотра существующих экономических планов и составлении новых»⁹³.

Костяк Экономического совета неизменно составляют представители финансово-промышленной верхушки Японии. Так, в период разработки «Базового плана экономического и социального развития» на 1973—1974—1977—1978 гг. 20 из его 30 постоянных членов были президентами и ведущими менеджерами крупнейших монополистических объединений, 8 являлись представителями науки и высшего образования и лишь 2 — профсоюзом Японии⁹⁴.

С 1966 г. и до своей смерти в 1978 г. Экономический совет возглавлял виднейший деятель «дзайкай» Кадзутака Кикавада, президент корпорации «Токио дэнки», в свое время президент Комитета по вопросам экономического развития (Кэйдзай до-юкай)⁹⁵.

По своему юридическому статусу Экономический совет призван осуществлять лишь вспомогательные функции при Управлении экономического планирования (УЭП), однако реальное

положение таково, что основные направления экономического планирования разрабатываются именно Советом, а УЭП фактически превратилось в его своеобразный секретариат, выполняющий повседневную работу и ведающий технической стороной разработки государственного планирования⁹⁶. Рекомендации Экономического совета неизменно ложились в основу всех перспективных планов японского правительства, начиная от первого Пятилетнего плана достижения экономической самостоятельности, опубликованного в декабре 1955 г., и кончая Планом экономического и социального развития Японии на 1979—1985 гг.

Основные «экономические» консультативные органы при правительстве Японии осуществляют свою деятельность в тесном контакте с ведущими предпринимательскими организациями Японии, в первую очередь с Кэйданрэн. Можно с полной уверенностью говорить о существующей уже многие годы практике, при которой рекомендации правительству совещательных комитетов и комиссий по важнейшим вопросам обязательно проходят предварительное рассмотрение в Кэйданрэн, как о сложившейся процедуре. Примером может служить история принятия кабинетом Э. Сато 1 сентября 1970 г. решения по мероприятиям, связанным с третьим раундом либерализации иностранных капиталовложений. Как сообщала японская пресса, в основу этого решения лег доклад Комитета по иностранным капиталовложениям, составленный по рекомендациям Кэйданрэн⁹⁷.

Важнейшую роль в системе связей Кэйданрэн — центральный консультативный аппарат — правительство Японии играет Комитет по промышленной структуре при министерстве внешней торговли и промышленности. Со времени образования Комитета в 1964 г. он неизменно возглавляется президентами Кэйданрэн. В 70-х годах 55,8% членов Комитета являлись представителями монополий, 7,8% — правительства и бюрократической элиты. Особенно велика доля представителей «большого бизнеса» в отделе стали Комитета, где она составляет свыше 90%. Этот отдел даже называют «теневым министерством внешней торговли и промышленности»⁹⁸.

Ярким примером активного воздействия ведущих предпринимательских организаций на процесс принятия важнейших решений в области национального развития является история формирования в послевоенный период «антимонополистического законодательства» в Японии, вопрос о целях и эффективности которого стал одним из важнейших вопросов социально-политической жизни послевоенной Японии.

Первый вариант «антимонополистического законодательства», Акт о запрещении частной монополизации и поддержании справедливой торговли 1947 г., был принят под давлением американских оккупационных властей, в его основу были заложены основные положения антитрестовского законодательства США (антитрестовский акт Шермана, акт Клейтона и др.).

Закон 1947 г. был принят сразу же после роспуска довоенных «дзайбацу» и окончания кампании по «декартелизации». Как и другие мероприятия оккупационных властей США в тот период, он был направлен на реализацию основной цели американской политики в отношении Японии — всестороннего ослабления своего бывшего главного соперника на Дальнем Востоке.

«Антимонополистическое законодательство», которое в то время рассматривалось как «экономическая конституция страны», не могло оказаться вне поля зрения Кэйданрэн. В июне 1948 г. была произведена полная реорганизация системы его комитетов с целью приспособления внутренней структуры Федерации к новой экономической ситуации. В числе прочих тогда был создан Комитет по антимонополистической политике, который возглавил Атару Кобаяси, один из виднейших представителей финансово-монополистических кругов Японии⁹⁹.

Основной задачей Комитета стало изучение вопроса о пересмотре Закона 1947 г., как в целом не соответствующего интересам монополистического капитала. Уже к началу сентября 1948 г. появился первый проект пересмотра, с которым было неофициально ознакомлено правительство.

В апреле 1949 г. Кэйданрэн представил правительству «Памятную записку относительно проекта пересмотра антимонополистического закона»; 28 апреля кабинет Ёсида выдвинул на рассмотрение парламента законопроект, в основу которого и легла эта «Памятная записка», а 20 мая того же года парламент принял первые поправки к Закону 1947 г.

К началу 50-х годов США в силу ряда обстоятельств, в первую очередь под влиянием неблагоприятного для американской политики изменения соотношения сил на Дальнем Востоке после образования Китайской Народной Республики, перешли от своего прежнего курса на ослабление Японии как своего соперника в этом регионе к курсу на превращение ее в опору своей азиатской политики.

Началом «обратного курса» США по отношению к Японии не замедлили воспользоваться финансово-промышленные круги страны, увидевшие в нем новые возможности для смягчения «антимонополистического законодательства».

Предпринимательские организации резко усилили свое давление на японское правительство, которое после вступления в действие 28 апреля 1952 г. Сан-Францисского мирного договора получило возможность предпринимать более самостоятельные шаги в своей экономической деятельности. Так, Японская металлургическая федерация выступила за полную отмену Закона 1947 г., Японское общество внешней торговли — за отмену имеющих антимонополистическую направленность Закона об экспортно-импортных сделках и Закона о стабилизации мелкого бизнеса.

С августа по декабрь 1952 г. Кэйданрэн провела серию кон-

сультаций со своими членами по вопросу о пересмотре «анти-монополистического законодательства». Пожелания 35 корпораций и 9 торговых ассоциаций были затем переданы в соответствующие комитеты Кэйданрэн, которые, обобщив их, подготовили документ под названием «Мнения и запросы относительно пересмотра антимонополистического законодательства», опубликованный 23 декабря 1952 г.¹⁰⁰

Японское правительство и на этот раз пошло навстречу требованиям большого бизнеса и в 1952—1954 гг. был осуществлен второй пересмотр Закона 1947 г. Впервые было допущено картеллирование промышленных и коммерческих ассоциаций, равно как и создание экспортно-импортных картелей. Также было разрешено создание антидепресссионных картелей, одобрялось ценовое картеллирование и т. д.¹⁰¹

Очередной, третий по счету, пересмотр «антимонополистического законодательства» был осуществлен в 70-х годах. Его предыстория и направленность значительно отличаются от первых двух пересмотров Закона 1947 г.

Первоначальный проект пересмотра был подготовлен по инициативе правительства в конце 1974 г. Комиссией по честным и справедливым сделкам при канцелярии премьер-министра. Впервые за всю историю «антимонополистического законодательства» была предпринята попытка не только вернуться к нормам 1947 г., но и усилить их. Она была вызвана озабоченностью части государственных деятелей Японии во главе с тогдашним премьер-министром Т. Мики усилившейся к началу 70-х годов монополизацией, чреватой пагубным воздействием на механизм государственного регулирования экономики.

Вокруг этого проекта сразу же возникла острая дискуссия в правительственных, парламентских и деловых кругах. Особую активность в данном вопросе проявила парламентская оппозиция, которая в 1975 г., во время обсуждения проекта в палате представителей, выдвинула встречный проект пересмотра «антимонополистического закона», предполагавший более строгий контроль над деятельностью корпораций, чем правительственный проект. Однако отсутствие единства в рядах оппозиции привело к тому, что в конце концов нижняя палата парламента одобрила проект кабинета.

Проект вызвал особенно ожесточенное сопротивление японских монополий, которые стремились не допустить невыгодного для их интересов пересмотра Закона 1947 г. Против проекта выступили крупнейшие компании, финансовые учреждения и торговые фирмы. Их поддержала Кэйданрэн, которая в своем заявлении правительству подвергла критике все без исключения пункты проекта.¹⁰²

Позицию крупного капитала, как и во время предыдущих пересмотров «антимонополистического закона», поддержало министерство внешней торговли и промышленности. Известное как своего рода «ведомство услуг» большого бизнеса, министерство

в очередной раз вступило в конфликт с Комиссией по честным и справедливым сделкам, органом, специально созданным для проведения в жизнь «антимонополистического законодательства».¹⁰³

Противоречия в отношении пересмотра Закона 1947 г. выявились не только в системе центральных правительственных органов, но и в финансово-монополистических кругах. Кэйдзай доюкай не поддержала позиции Кэйданрэн в данном вопросе. Исходя из соображений долгосрочной стратегии японского монополистического капитала Кэйдзай доюкай сочла необходимым некоторое усиление «антимонополистического законодательства» с целью «нормализации» конкурентной борьбы.¹⁰⁴

Резкой критике со стороны финансово-монополистических кругов в ходе дискуссии подвергся инициатор этого пересмотра Закона 1947 г. Т. Мики. Его обвиняли в том, что вопрос о пересмотре законодательства был поднят им исключительно по политическим соображениям, дабы показать, что его кабинет способен бороться против «социальной несправедливости и неравенства». Нападками на Т. Мики со стороны финансово-промышленных кругов воспользовались соперничающие с ним фракции в ЛДП, которые попытались создать такую ситуацию в трактовке проблемы, которая привела бы премьера к политическому провалу.

В подобной сложной обстановке правительство было вынуждено приступить к переработке проекта в плане смягчения его антимонополистической направленности. Весной 1977 г., после более чем двухлетних дебатов, компромиссный вариант законопроекта был одобрен верхней палатой японского парламента.

Монополистический капитал Японии, однако, не был удовлетворен лишь частичной «победой». В середине 1983 г. в штаб-квартиру ЛДП был представлен новый документ Кэйданрэн, в котором содержится настоятельное «предложение» пересмотреть закон 1977 г.¹⁰⁵

Весьма красноречивые свидетельства об усилении политической деятельности «большого бизнеса» Японии в последние годы дает анализ участия Кэйданрэн в разработке планов так называемой «административной реформы». С начала 80-х годов последняя неизменно остается в центре правительственных программ кабинета Дз. Судзуки и пришедшего ему на смену в конце 1982 г. кабинета Я. Накасонэ и уже несколько лет является важнейшей темой во внутривнутриполитических дебатах в Японии.¹⁰⁶

Ключевую роль в разработке программы «административной реформы» сыграл специально созданный для этого правительственный консультативный орган — Вторая чрезвычайная комиссия по изучению административной реформы¹⁰⁷, которая начала свою работу с марта 1981 г.

С самого начала состав Комиссии носил ярко выраженный классовый характер. Ее председателем был назначен Т. Доко,

почетный президент Кэйданрэн, при этом представители «дзайкай» составили в ней группу большинства, заняв четыре из девяти мест в руководстве Комиссии (исключая Т. Доко). Остальные четыре места были поделены следующим образом: Дз. Эндэйдзи — представитель прессы, консультант газетного издательства «Нихон кэйдзай симбун», К. Цудзи, профессор Международного христианского университета, известный специалист по государственно-административной системе Японии, и два представителя профсоюзного движения: один от профобъединения Домэй и один от Сохё. Таким образом, в деятельности «Комиссии Доко» (так пресса окрестила Вторую чрезвычайную комиссию) принял участие лишь один представитель левых сил Японии — К. Маруяма, заместитель председателя Генерального совета профсоюзов Японии (Сохё)¹⁰⁸, что не могло не сказаться на ее деятельности.

В отличие от действовавших до нее правительственных консультативных органов, рассматривавших проблему перестройки государственно-административной системы Японии¹⁰⁹, Вторая чрезвычайная комиссия предприняла попытку рассмотреть всю систему государственно-монополистического регулирования экономики страны. Основой ее деятельности стали получившие в последнее время широкое хождение на Западе идеи неоконсерватизма. Последние в отличие от господствовавшего ранее кейнсианства предполагают ориентацию на «саморегулирующуюся экономику» (так называемый «монетаризм»).

Отчетливо прозвучавшие в документах Второй комиссии призывы к сворачиванию системы социального страхования, сокращению расходов на образование, замораживанию заработной платы государственных служащих одновременно с увеличением военных расходов в значительной степени сближают программу «административной реформы» в Японии с политикой администрации президента Р. Рейгана в США.

Планы предусматриваемой «реформой» перестройки управленческого аппарата и системы государственных финансов, затрагивающие жизненные интересы «делового сообщества» страны, немедленно оказались в фокусе внимания финансово-монополистического капитала Японии.

Не удовлетвовавшись введением целого ряда своих представителей в состав Второй чрезвычайной комиссии, «дзайкай» создал в начале 1981 г. так называемый «Комитет пяти за быстрое проведение административной реформы», в который вошли лидеры «большой четверки» предпринимательских организаций и Федерации экономических организаций района Кансай¹¹⁰. Комитет неоднократно «подстегивал» японское правительство, призывая его к форсированию проведения реорганизации государственного аппарата.

В мае 1981 г. Кэйданрэн опубликовала резолюцию из трех пунктов по экономическим вопросам, в которой выразила поддержку идеи проведения «административной реформы» и ука-

зала наиболее желательные для финансово-монополистической верхушки пути ее реализации¹¹¹.

В документах Кэйданрэн этого периода отчетливо ощущается озабоченность «большого бизнеса» Японии характерным для современного этапа развития государственно-монополистического капитализма чрезмерным разбуханием государственного аппарата. В этой связи, обобщив пожелания различных монополистических группировок, Федерация выразила правительству целый ряд пожеланий, основной смысл которых сводился к следующему:

1. Создание так называемого «малого правительства» («тин-сана сэйфу»), сокращение штатов государственных служащих.
2. Упорядочение правительственного бюджета, ликвидация дефицита государственных финансов.

3. Предоставление большей свободы действия частному предпринимательству, передача частному сектору ряда отраслей национального хозяйства¹¹².

10 июля 1981 г. был опубликован первый доклад Второй чрезвычайной комиссии, основные положения которого с соответствующими корректировками вошли и в ее последующие документы. Он состоит из трех частей¹¹³. В первой излагаются основные идеи и задачи реформы, во второй — перечисляются неотложные меры, которые необходимо осуществить уже в 1982/83 фин. г., в третьей — намечаются перспективы на будущее.

В первой части говорится, что рост бюджетного дефицита, увеличение государственного долга Японии и изменения в международной обстановке настоятельно диктуют необходимость упростить аппарат государственного управления страны и добиться роста его эффективности. В качестве основного средства упорядочения государственных расходов называется при этом сокращение ассигнований на социальное обеспечение, образование и общественные работы.

Во второй части доклада указываются следующие основные мероприятия по реализации административной реформы, которые необходимо предпринять в ближайшее время:

- а) сохранить бюджет 1982 г. на уровне 1981 г.; добиваться общего сокращения государственных расходов на 10%;

- б) в период 1982—1986 гг. сократить штаты органов центральной администрации на 5%;

- в) провести «рационализацию» органов местной администрации; взять курс на предотвращение увеличения численности муниципальных работников и роста их заработной платы; упорядочить систему государственных дотаций органам местной администрации;

- г) заморозить все крупные строительные проекты, финансируемые правительством, за исключением строительства моста, соединяющего о-ва Хонсю и Сикоку;

- д) в целях «более эффективного разделения ролей между го-

государственным и частным секторами» упорядочить систему «особых юридических лиц» (токусю ходзин)¹¹⁴. При этом предполагалась передача частному сектору трех крупнейших корпораций, входивших в эту категорию: Государственных железных дорог (Кокутацу), Корпорации телеграфно-телефонной связи (Дэндэн кося) и Корпорации государственной торговой монополии (Нихон самбай кося), в ведении которой находится производство и продажа табака;

е) тщательно изучить систему распределения помощи, оказываемой Японией иностранным государствам; «приложить усилия к эффективному и рациональному использованию... средств, выделяемых на оборону»;

ж) «рационализировать» национальную систему страхования и медицинского обслуживания путем «справедливого распределения расходов по страхованию»;

з) упразднить бесплатное распространение учебников в системе обязательного образования (9-летний курс обучения в начальной и средней школе); сократить государственные субсидии частным учебным заведениям.

В третьей, заключительной части доклада Второй комиссии говорится о том, что долгосрочные цели «административной реформы» направлены на выполнение главной задачи — «укрепление основы национального развития в преддверии XXI века». Для стабильного роста экономики Японии, усиления ее позиций на международной арене указывается на необходимость «подвергнуть комплексному анализу внешнюю политику, оборону, международное сотрудничество, энергетическую политику, курс в области науки и техники, а также продовольственную политику Японии и создать административную систему, которая могла бы обеспечить стране безопасность и процветание».

Подготовленные Второй чрезвычайной комиссией в тесной координации с Кэйданрэн пять докладов легли в основу целого ряда правительственных законопроектов, касающихся «административной реформы». Весной 1983 г. Комиссия, представившая до того свой заключительный документ, получивший название «основного доклада», была преобразована в Административную наблюдательную комиссию. Новый правительственный консультативный орган также возглавил Т. Доко, кроме него в состав комиссии вошли президент Никкэйрэн Б. Оцуки и целый ряд представителей деловых и правительственных кругов. Основной целью Административной наблюдательной комиссии стала конкретная подготовка к приватизации государственных железных дорог, Корпорации телеграфно-телефонной связи и Корпорации государственной торговой монополии¹¹⁵.

Отдельные положения программы «административной реформы» к середине 80-х годов уже нашли свое воплощение в конкретных мероприятиях японского правительства. Так, в законе о бюджете на 1982/83 фин. г. содержался один из ее основных пунктов — о замораживании уровня заработной платы в госу-

дарственном секторе¹¹⁶. В правительственный законопроект о бюджете на 1983/84 фин. г. была заложена содержащаяся в докладах «Комиссии Доко» концепция о необходимости сокращения государственных субсидий системе народного образования¹¹⁷.

В 1985—1987 гг. была произведена приватизация упомянутых выше трех крупнейших предприятий государственного сектора, а также осуществлен ряд реорганизаций в системе центральных правительственных учреждений. Не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что подобные шаги японских правящих кругов, помимо всего прочего, преследуют цель нанести открытый удар по концентрировавшимся на полугосударственных предприятиях мощным отрядам японского рабочего класса. В связи с этим уместно напомнить, что, например, Профсоюз работников государственных железных дорог (Кокуро) в начале 80-х годов объединял в своих рядах свыше 235 тыс. человек, около 70% всех организованных работников железных дорог страны¹¹⁸, и неизменно выступал застрельщиком традиционных «весенних» и «осенних» наступлений трудящихся Японии. Реализация предусмотренной программой административно-финансовой реформы разукрупнения государственных железных дорог ставит профсоюз в крайне затруднительное положение.

Воздействие финансово-монополистической верхушки Японии на парламент страны. Традиционная слабость законодательной власти в Японии по сравнению с исполнительной, относительная непродолжительность истории парламентаризма в этой стране определили то место, которое занимает высший представительный орган в сложившейся системе государственно-монополистического капитализма. В отличие от США, где лоббистская деятельность многочисленных «групп давления» в Конгрессе является важнейшим функциональным элементом политической системы страны¹¹⁹, в Японии финансово-монополистическая верхушка предпочитает воздействовать на процесс принятия политических решений на уровне аппарата исполнительной власти. В то же время, взаимодействуя с правительством, руководством правящей партии и высшим эшелоном государственной бюрократии, «дзайкай» в конечном счете оказывает воздействие и на парламент.

Политическая практика современной Японии не исключает при этом прямого воздействия деловых кругов на парламент. Лоббистская деятельность японских монополий наиболее рельефно видна на примере закулисного механизма принятия высшим законодательным органом страны решений о повышении цен на различные виды товаров и услуг. Подобные законопроекты, выносимые на рассмотрение парламента от лица кабинета министров, являются одним из основных элементов законодательной программы правящей партии Японии. Часто они находятся в прямой связи с предоставляемыми ей монополиями «политическими пожертвованиями».

Воспользовавшись так называемым «нефтяным шоком» конца 1973 г. и вызванным им повышением цен на нефть, японское правительство в последние годы провело через парламент целый ряд законопроектов о повышении цен за пользование газом, электроэнергией, железнодорожных тарифов и т. д. Это принесло монополистическим объединениям, действующим в соответствующих отраслях экономики, огромные барыши.

Как указывают японские специалисты, в парламентской группе ЛДП сложилась четкая специализация, связанная с проведением в жизнь лоббистских интересов. Внутри группы имеется неформальное деление на так называемые «кланы» («дзоку»), связанные с определенными «группами интересов». Так, существует «клан сухопутных перевозок», «нефтяной клан», «рисовый клан» и т. д., т. е. группировки, которые выходят за рамки отдельных фракций в ЛДП и имеют выход на соответствующие ведомства центрального административного аппарата¹²⁰. В частности, мощный «клан национальной обороны» включает в себя около 140 депутатов-консерваторов, группирующихся вокруг трех органов Совета по изучению политических вопросов ЛДП: секции национальной обороны, совета по обеспечению безопасности и специального комитета по политике в отношении военных баз (кити тайсаку токубэцу нинкай). Этот «клан» тесно связан с Управлением национальной обороны и корпорациями, производящими вооружение, и непосредственным образом оказывает воздействие на распределение военных заказов.

Крупные предприниматели, представляющие различные отрасли японской экономики, имеют многолетние контакты с видными деятелями «кланов» в ЛДП. Так, строительные фирмы и компании связаны с С. Канэмару и Э. Ватанабэ, транспортные фирмы — с М. Като, нефтяные компании — с С. Эдзак и Ё. Сакураути, корпорации, производящие компьютеры, — с С. Кура, производители вооружения — с М. Хориэ. Весьма характерно, что очень часто подобные связи были установлены еще во время нахождения этих политиков на государственной службе.

Осуществляя постоянное лоббистское воздействие на парламентариев от ЛДП, большой бизнес в обмен на обещания «политических пожертвований» выдвигает требования выгодных ему изменений в области законодательства. В большинстве случаев эти усилия «групп давления» приводят к желаемым результатам. Так, как указывала газета «Акахата», два повышения тарифов за пользование электроэнергией, предпринятые правительством К. Танака в сентябре 1973 г. и июне 1974 г., находились в непосредственной связи с крупными взносами электрических компаний (6,6 млн. иен в 1972 г. и 407 млн. иен в 1973 г.). Решению правительства поднять тарифы на частных железных дорогах (июль 1974 г.) предшествовал взнос 14 крупных железнодорожных компаний, составивший в 1972 г. 106,5 млн. иен¹²¹.

Таким образом, ведущие предпринимательские организации Японии, являющиеся главными координирующими органами мо-

нополий, стали важнейшим структурным элементом политического механизма страны. Формально существуя вне предусмотренных нормами государственного права политических институтов и действуя в большинстве случаев в обход традиционной системы представительства (выборов, парламента и т. д.), руководя четыре ведущих монополистических союзов Японии, составляющее финансово-монополистическую верхушку современной Японии, тем не менее является узкой элитарной группой, играющей доминирующую роль в процессе принятия решений по важнейшим вопросам национальной политики. При этом наиболее интенсивное и всестороннее воздействие на государственные и политические органы современной Японии оказывает наиболее универсальная предпринимательская организация — Федерация экономических организаций (Кэйданрэн).

Характерной особенностью политического стиля финансово-монополистической верхушки Японии, в значительной степени отличающей его от политической стратегии «большого бизнеса» стран Запада, является ярко выраженное стремление избегать непосредственного участия в традиционных выборных органах и правительстве страны. Она предпочитает использовать завуалированные методы давления на политические органы, широко используя неформальные контакты с руководством ЛДП, отдельными фракционными лидерами этой партии, высокопоставленными правительственными чиновниками. Одним из важнейших каналов взаимодействия между монополистическим капиталом и надстроечными органами страны при этом является разветвленный правительственный консультативный аппарат, выступающий в качестве ключевого звена системы государственно-монополистического капитализма в современной Японии.

Глава третья

РОЛЬ И МЕСТО ПРАВЯЩЕЙ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Социально-политическая роль ЛДП

Среди основных политических институтов, существующих в современном буржуазном обществе, одно из центральных мест занимают политические партии. Они оказывают решающее воздействие на формирование национальной политики и функционирование государственного механизма. «В обществе, основанном на делении классов, — писал В. И. Ленин, — борьба между враждебными классами неизбежно становится на известной степени ее развития политической борьбой». Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий¹. В послевоенной Японии эта борьба проявляется в конфронтации на политической арене страны правящей буржуазной Либерально-демократической партии и ряда оппозиционных партий, которые в большинстве своем выражают интересы различных слоев населения, не связанных с интересами монополий.

Так называемый «феномен ЛДП», т. е. практически уникальный факт более чем 30-летнего непрерывного пребывания одной партии у власти, в то время как в ведущих капиталистических странах преобладают двухпартийные системы, при которых на политической арене стабильно доминируют две крупные партии, попеременно сменяющие друг друга, а также некоторые другие особенности внутренней организации японских консерваторов привлекают к правящей партии Японии неослабевающий интерес².

До формирования в конце 1955 г. в Японии однопартийного режима ЛДП в стране существовала двухпартийная система, при которой интересы крупного капитала выражались на политической арене страны двумя наиболее крупными буржуазными партиями, Либеральной и Демократической, последовательно сменявшими друг друга у власти. Тем не менее рост к 1955 г.

демократического движения, в частности слияние осенью того же годалевой и Правой социалистических партий, вызвал серьезную обеспокоенность в консервативных кругах и послужил толчком к движению за создание единой мощной партии, способной обеспечить в стране устойчивый буржуазный политический режим.

Консолидация консервативных сил была осуществлена при активной поддержке монополий, заинтересованных в стабильности в политических кругах, выражающих их интересы. Осенью 1954 г. вице-президент Кэйданрэи Когоро Уэмура в своем заявлении указал на необходимость «стабилизации политической обстановки на базе объединения консерваторов» и призвал предпринимательские организации страны содействовать так называемому «движению за объединение консерваторов» («хосю годо»).

Финансово-монополистические круги Японии выделили на осуществление этих целей огромную сумму, примерно 100 млн. иен, которая была передана генеральным секретарям Демократической партии (Нобусукэ Киси) и Либеральной партии (Мицудзиро Исии). 15 ноября 1955 г. состоялась официальная церемония учреждения Либерально-демократической партии³.

Новая партия стала главной представительницей интересов японских монополий на политической арене, усматривающей свою основную цель в сохранении и упрочении социально-политической системы, основанной на эксплуатации наемного труда капиталом. Ее идеологической основой стал антикоммунизм. В своем внешнеполитическом курсе ЛДП с первых дней своего существования неизменно ориентировалась на прочный союз с американским империализмом.

Отличительной особенностью ЛДП, роднящей ее с правящими буржуазными партиями в других развитых капиталистических странах, является очевидная прагматичность, крайняя аморфность ее политической платформы⁴. Демагогически провозглашая в своих программных документах и ежегодно утверждаемых партийными съездами «курсах действий» приверженность принципам «парламентской демократии» и стремление, устранив пороки капитализма, построить «государство благосостояния», либерал-демократы, по сути, не имеют сколько-нибудь серьезной идейно-теоретической базы, которую можно было бы противопоставить программам демократической оппозиции. Все содержание «программы» ЛДП, отличающейся крайней лапидарностью, сводится к следующим положениям:

«Наша партия, придерживаясь идеи демократии, стремится к улучшению всей существующей системы и организации и созданию культурного демократического государства.

Наша партия, основываясь на всеобщем справедливом стремлении человечества к миру и свободе, стремится к улучшению и упорядочению международных отношений и достижению самостоятельности и независимости.

Наша партия считает своей целью достижение общественного благосостояния, разрабатывает и проводит в жизнь общее планирование экономики, основывающейся на личной инициативе и свободе предпринимательства, и стремится к стабилизации жизни народа и построению государства благосостояния»⁵.

Идеологическая деятельность ЛДП фактически сводится к камуфлированию истинных целей своей политики. Об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы лозунги, которые традиционно выдвигаются каждым новым кабинетом министров Японии и которые, как правило, очень далеки от реальных действий либерал-демократов:

Кабинет Н. Киси (1957 г.) провозгласил «Устранение трех зол» (коррупция, бедность, насилие); кабинет Х. Икэда (1960 г.) — «Великодушие и терпение»; кабинет Э. Сато (1964 г.) — «Уважение человека»; кабинет К. Танака (1972 г.) — «Решимость и действие»; кабинет Т. Мики (1974 г.) — «Диалог и сотрудничество»; кабинет Т. Фукуда (1976 г.) — «Сотрудничество и солидарность»; кабинет М. Охира (1978 г.) — «Доверие и согласие»; кабинет Дз. Судзуки (1980 г.) — «Политика гармонии»; кабинет Я. Накасонэ (1982 г.) — «Забота и долг»⁶.

Теоретическую скудость правящей партии Японии признают даже ее признанные идеологи. Так, профессор Исао Китаока в своей книге «Беседы о консерватизме», изданной центральным аппаратом ЛДП, пишет: «Если говорить о японском консерватизме, то нельзя сказать, что он представляет собой нечто ясное в теоретическом отношении». Консерватизм, продолжает он, не имеет «ни стройной теории, ни целостной системы взглядов»⁷.

Наряду с характерным пренебрежением идеологической работой ЛДП Японии, как указывалось выше, как политическую организацию отличает ее сугубо прагматический характер. Подобно правящим буржуазным партиям в других развитых капиталистических странах ЛДП представляет собой партию «избирательного» типа, деятельность которой максимально ориентирована на задачу сохранения в своих руках политической власти. При этом идеология и практика японских консерваторов в значительной степени представляет собой зеркальное отражение точки зрения финансово-монополистической олигархии, которая обладает разветвленной системой каналов и методов воздействия на правящую партию.

В системе функционирования ЛДП в политическом механизме современной Японии выделяются два основных аспекта: формирование ею как правящей партией государственной политики и деятельность, связанная с узкопартийными интересами консерваторов и особенностями их организации.

Основными направлениями первого аспекта деятельности ЛДП является разработка экономической, социальной, внутри- и внешнеполитической, равно как и идеологической, политики японского государства.

Характерной особенностью политического стиля японских консерваторов при этом является стремление согласовать формируемую ими государственную политику с волей и пожеланиями финансово-монополистической олигархии. В первую очередь это относится к экономической и социальной политике, неизменно находящимися в фокусе внимания монополистического капитала Японии.

Тем не менее правящая партия Японии обладает определенной независимостью и играет самостоятельную роль в политическом механизме современной Японии. Если важнейшие решения в области экономики и социальной политики нередко принимались в послевоенной Японии по прямой инициативе монополистических кругов, разработка чисто политических и идеологических мероприятий японского государства традиционно является преимущественной прерогативой ЛДП. Ее социально-политическая роль, таким образом, заключается в сдерживании натиска оппозиционных сил и обеспечении такого политического климата, который бы оптимально способствовал сохранению и укреплению в стране капиталистического строя.

Анализ политики послевоенного японского государства тем не менее отчетливо показывает, что, хотя в ней доминирует про-монополистическая тенденция, оно в то же время предпринимает попытки (правда, непоследовательные и селективные), в интересах оптимального функционирования способа капиталистического воспроизводства в целом, поддерживать такую структуру, которая, насколько это могут позволить условия монополистического капитализма, сохранила бы в определенных пределах конкуренцию. Именно с этим связаны предпринятые правительством в середине 70-х годов попытки ввести юридические нормы, которые в какой-то степени могли бы сгладить нежелательные последствия чрезмерной монополизации, чреватые ущербом долгосрочным интересам правящего класса в целом и ущемлением особых интересов самого государства. Тем не менее фактическая неудача предложенного правительством Т. Мики в середине 70-х годов проекта третьего пересмотра «антимонополистического законодательства» (при этом бесспорно, что этот пересмотр преследовал также цель усилить свою популярность в стране премьера Т. Мики, создать в его лице образ реформатора и либерала) наглядно показывает ограниченность попыток буржуазного государства ограничить сферу деятельности современных монополий. Эти попытки, даже если исключить оказываемое им сопротивление со стороны крупного капитала, по своей сути направлены не против процесса монополистической конкуренции как такового, а лишь против ее отдельных проявлений.

Важнейшим аспектом функционирования ЛДП в политическом механизме современной Японии является также деятельность, определяемая ее узкопартийными интересами. В условиях существования в стране всеобщего избирательного права,

деятельности оппозиционных партий ЛДП, заботясь о сохранении социальной базы консервативного режима, вынуждена в определенной степени учитывать помимо интересов монополистической буржуазии интересы и других слоев населения и осуществлять тактику социального маневрирования. Именно этими соображениями определяется протекционистская политика правительства в отношении мелкобуржуазных слоев населения мелких и средних предприятий и в особенности крестьянства, являющегося традиционным электоратом консервативной партии⁸. Ее проявлением является принятая в конце 50-х — начале 60-х годов серия законов, защищающих мелкое и среднее предпринимательство, и проводимая уже в течение многих лет политика завышенных цен на сельскохозяйственные продукты.

Вообще электоральная политика занимает особое место в системе функционирования правящей партии Японии. В условиях сохранявшейся многие годы тенденции к неуклонному сокращению уровня ее поддержки населением в результате действия целого ряда объективных факторов, таких, как сужение социальной базы консерваторов в деревне в результате процесса урбанизации, повышения образовательного уровня широких народных масс, расширения их политического кругозора, правящая партия не могла не придавать все большее значение мобилизации своих сторонников во время выборов.

С этой целью ЛДП стремится с помощью различных тактических ухищрений закамouflировать свою промонополистическую политику, создать соответствующий привлекательный «имидж». Так, весьма показателен настойчиво повторяемый с конца 70-х годов тезис о проведении важнейшей административно-финансовой реформы без повышения уровня налогообложения в стране. При этом акцент на проведении «административной реформы без повышения налогов» («дзодзэй наки гёкаку») появился в правительственной пропаганде непосредственно перед всеобщими выборами 7 октября 1979 г., когда тогдашний премьер-министр М. Охиро демонстративно заявил об отказе от вызвавшего широкую волну протестов плана увеличения потребительских налогов⁹.

Вообще манипулирование налоговой политикой с начала 80-х годов стало активно приниматься на вооружение правящей партией Японии. В конце 1983 г. ЛДП обнародовала план общего снижения подоходного налога на 150 млрд. иен в 1983 г. и еще на 700 млрд. иен в 1984 г.

Подобный шаг был вызван чисто политическими причинами. ЛДП стремилась таким путем не столько содействовать оживлению экономической конъюнктуры, сколько вырвать оружие из рук оппозиции, которая уже давно выступала за облегчение налогового бремени и требовала тогда гораздо более значительного снижения налогов (не менее чем на 1 трлн. иен). Лозунг снижения налогов активно использовался правящей партией во время выборов в палату советников весной 1983 г. Как писал

в этой связи американский журнал «Эйшн сервей», «способность ЛДП оставаться у власти в немалой степени зависит от ее умения вплывать популярные идеи и требования оппозиционных партий... и затем ставить их себе в заслугу»¹⁰.

Весьма характерным примером особенностей политического стиля японских консерваторов является выдвижение проекта Закона об обеспечении равных условий найма, который в мае 1984 г. был представлен от лица правительства парламенту и вызвал широкий резонанс в стране (закон вступил в силу 1 апреля 1986 г.)¹¹.

Летом 1980 г. японская делегация на международной конференции в Копенгагене, созванной в связи с проведением под эгидой ООН Международного десятилетия женщин (1976—1985), неожиданно поставила свою подпись под Конвенцией об устранении всех форм дискриминации женщин. Этот шаг Японии, правительство которой первоначально выступало против заключения такой конвенции, был вызван непредвиденным обстоятельством — назначением «двойных выборов» одновременно в верхнюю и нижнюю палаты парламента на конец июня 1980 г. Стремясь заручиться голосами японских женщин в критической для правящей партии ситуации лета 1980 г., последняя резко изменила свою позицию на конференции и присоединилась к Конвенции, которая, в частности, предполагает устранение всех юридических барьеров на пути достижения реального равноправия женщин.

Законопроект об обеспечении равных условий найма, якобы имевший основной целью развитие положений Конвенции, ярко продемонстрировал лицемерный характер политики японских либерал-демократов. Это оказалось в данном случае настолько очевидным, что законопроект подвергся резкой критике не только со стороны всех оппозиционных партий, но и части буржуазной прессы. Фактически реализация планов правительства означала бы не улучшение, а в ряде случаев ухудшение положения трудящихся женщин. Накладываемые на предпринимателей обязательства сформулированы очень расплывчато и двусмысленно. Так, в законопроекте говорится, что они лишь «должны прилагать усилия» к достижению равенства условий труда мужчин и женщин (ст. 7). При этом конкретизация этих «усилий» должна содержаться в последующих циркулярах министерства труда. Статья 11 запрещает всякую дискриминацию женщин в связи с замужеством, беременностью или рождением ребенка. Предназначенное для заграницы периодическое японское издание на английском языке «Джэпэн куотерли» указывает в этой связи, что это положение является лишь юридическим оформлением уже фактически сложившегося положения вещей, так как в последние годы значительно участились случаи выигрыша судебных разбирательств женщинами, подвергшимися подобно-го рода дискриминации¹².

На словах предоставляя женщинам равные с мужчинами

условия труда, законопроект на деле лишает их многих льгот и привилегий, которые были завоеваны демократическими силами Японии в результате многолетней борьбы. Если до настоящего времени в стране существовали, хотя бы формально, строгие ограничения на использование женщин на сверхурочных и ночных работах и на работах в праздничные дни, проект консерваторов, предоставляя им «равные права», дает предпринимателям юридическое право заставлять женщин выполнять любые виды производственной деятельности.

Анализируя выборную политику правящей партии Японии в целом, необходимо отметить, что на успех ЛДП на выборах оказывает воздействие целый ряд факторов, которые не исчерпываются лишь финансовым превосходством над своими политическими оппонентами. Согласно результатам исследования известного японского специалиста Т. Иногути, положительное значение для ЛДП обычно имеет общее состояние экономической конъюнктуры, подъем которой правящая партия Японии как правило, ставит себе в заслугу.

Очень важным электоральным фактором является поведение так называемых «плавающих голосов», т. е. голосов избирателей, меняющих от выборов к выборам, в зависимости от целого ряда обстоятельств, свои партийные предпочтения (феномен, характерный не только для Японии, но и для некоторых других стран, например Великобритании). Поведение «плавающих голосов», которые иногда называют также «ленивыми» или «неверными» сторонниками ЛДП, имеет одну характерную особенность, которую Т. Иногути связывает с введенным им понятием «размер буфера». Он пишет: «Чем больше размер буфера между нынешним представительством правящей партии в парламенте и простым большинством в нем, тем большее число избирателей, в основном придерживающихся консервативных убеждений, не находят нужным участвовать в голосовании. Большая масса проправительственных избирателей может из рациональных соображений позволить себе стать „ленивыми“ абсентеистами или „флиртующими голосами“, часто склонными к тому, чтобы подать „карательный“ сигнал правящей партии»¹³.

Следует указать также еще на одно обстоятельство. В отличие, например, от избирателя, отдающего свой голос за КПЯ, консервативный избиратель в подавляющем большинстве случаев не отличается мировоззренческим или идеологическим выбором. Будучи очень часто малоинтересным в вопросах политики, он склонен голосовать за конкретные личности, с которыми связывает достижение определенных благ, а не за политические вопросы, что сближает его с типом избирателя, распространенным в США¹⁴. Так, по данным партии Комэйто, на выборах 1983 г. 47% всех японских избирателей отдало свой голос исходя из партийных предпочтений, 42% — из личностных¹⁵. При этом, по материалам той же Комэйто, 48% избирателей,

проголосовавших тогда за ЛДП, руководствуясь в первую очередь соображением, которое в Японии принято именовать «дзимото ризэки», или «интересами, связанными с развитием своей местности» (в случае всех оппозиционных партий доля избирателей подобного типа составила лишь 21%)¹⁶.

Исследование парламентских выборов последнего десятилетия показывает, что помимо традиционных факторов, имеющих негативные последствия для электоральной результативности ЛДП (фракционных распрей, отсутствия прочной системы низовых организаций), в условиях Японии могут иметь весьма неблагоприятные для правящей партии последствия и такие факторы, как экстремистские высказывания консервативных лидеров по некоторым вопросам внутренней и внешней политики, отпугивающие умеренных консервативных избирателей. Так, являясь фактом то, что вызвавшее широкий резонанс заявление премьер-министра Я. Накасонэ о намерении превратить Японию в «непотопляемый авианосец», сделанное в начале 1983 г., сыграло не последнюю роль в неблагоприятном для ЛДП исходе голосования на всеобщих выборах 18 декабря 1983 г.

Весьма характерно, что сходный эффект дало сделанное в сентябре 1986 г., вскоре после «двойных выборов» 6 июля, высказывание Я. Накасонэ об «интеллектуальном уровне японцев и американцев», получившее скандальную огласку. По результатам проведенного 29 декабря 1986 г. газетой «Асахи» опроса общественного мнения, уровень поддержки кабинета Я. Накасонэ вследствие неодобрения значительной частью населения подобного заявления, как «неподобающего для премьер-министра», упал до 42% (в мае 1986 г. он составлял 53%)¹⁷.

Завершая краткий обзор факторов, оказывающих в прошлом и способных оказывать в будущем воздействие на исход парламентских выборов в Японии, следует упомянуть и о чисто случайных факторах, в первую очередь «факторе погоды». Так, известный японский политолог Р. Сиратори, анализируя условия, в которых проходили выборы 1979, 1980 и 1983 гг., отмечает, что в 1979 и 1983 гг., когда ЛДП неудачно выступила на выборах в высший представительный орган страны, имело место сочетание подъема недовольства ее политикой вкупе с негативными погодными условиями. В случае выборов 7 октября 1979 г. речь идет о планах либерал-демократов ввести всеобщий потребительский налог, а выборов 18 декабря 1983 г. — о вынесении накануне выборов судебного решения по делу бывшего премьер-министра К. Танака. Весьма характерно при этом, что культивируемая правящими кругами страны у населения политическая апатия ударила бумерангом по ЛДП, так как политический микротайфун в районе Канто в 1979 г., равно как и волна холодного воздуха по всей стране в 1983 г., послужили теми факторами, из-за которых даже консервативно настроенные избиратели не потрудились явиться на избирательные участки для того, чтобы оказать поддержку своей партии. В этой связи уме-

стно сослаться на американского политолога японского происхождения Х. Фукуи, который, указывая на характерную слабость низовой организационной структуры ЛДП, пишет: «То, что случайному наблюдателю может показаться действием метеорологических сил, на самом деле оказывается отражением хронически немощного характера системы поддержки ЛДП на низовом уровне»¹⁸.

Много писалось о таком важном специфическом факторе «двойных выборов» 22 июня 1980 г., как внезапная смерть накануне выборов тогдашнего лидера ЛДП М. Охира. Комментаторы отмечают, что традиционно почтительное отношение японцев к усопшему, предпочтение симпатии к «слабому» вообще заставило многих избирателей отдать свои голоса ЛДП, внезапно оказавшейся в столь бедственном положении¹⁹.

В этой связи в качестве иллюстрации отличий социальной психологии и политической культуры Японии от стран Запада уместно провести параллель с ФРГ. Примерно в то же время, в мае 1980 г., в разгар предвыборной кампании внезапно скончался премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия, представитель Христианско-демократического союза Г. Кёпплер. Это событие связывается с серьезным поражением тогда ХДС на выборах²⁰.

Существенным внутренним фактором функционирования правящей партии Японии является такая уникальная особенность ЛДП, как ее фракционная раздробленность. Столкновения фракционных группировок внутри консервативной партии нередко способны оказывать значительное воздействие на развитие японской политики в целом. Они неоднократно угрожали устойчивости консервативного режима в стране. Тем не менее настойчивое нежелание лидеров ЛДП поступиться своими краткосрочными фракционными интересами ради укрепления консервативного лагеря в целом имеет вполне конкретные социально-экономические корни. Оно, по-видимому, выступает как проявление органически присущего консервативной партии Японии противоречия между интересами ЛДП в целом, отражающей общие интересы финансово-монополистической олигархии страны, и частными устремлениями внутрипартийных фракций и стоящих за ними группировок²¹. Это противоречие является постоянным внутренним дестабилизирующим фактором организации либерал-демократов. В то же время, как показывает политическая история современной Японии, оно способно временно отступать на задний план в моменты особой опасности для консервативного лагеря в целом.

В послевоенный период на функционирование политического механизма Японии стал более активно, чем в довоенное время, воздействовать такой, имеющий негативные для правящих кругов страны последствия фактор, как деятельность оппозиционных партий, общий рост рабочего и демократического движения.

Основным форумом, на котором ведется борьба между правящей партией и оппозицией в современной Японии, является парламент. Как показывает политическая история послевоенной Японии, парламентская деятельность оппозиции в целом и давление общественного мнения страны имеют подчас возможность оказывать значительное влияние на формирование законодательства в этой стране.

Так, само усиление политических позиций оппозиционных партий, в результате которого в высшем законодательном органе страны сложилось положение, когда в течение 70-х годов ЛДП могла рассчитывать лишь на крайне неустойчивое большинство в парламенте, не раз срывало планы наиболее реакционной части консерваторов осуществить антидемократический пересмотр конституции страны (для чего необходимо обладать 2/3 мандатов в нижней палате). Активный протест широкой демократической общественности также неоднократно препятствовал осуществлению планов правящего лагеря страны провести в жизнь и другие реакционные законопроекты. В частности, руководству ЛДП до сих пор не удается реализовать проект введения «законодательства на случай чрезвычайного положения» («кюдзи риппо»), вынашиваемый им с конца 70-х годов²².

Анализ парламентской деятельности оппозиционных партий в Японии показывает тем не менее, что она в целом носит оборонительный характер и в большинстве случаев сводится к obstructio правительственных законопроектов. При этом разобщенность оппозиции и в ряде случаев смыкание позиций ЛДП с позициями не только консервативного НЛК, но также ПДС и в значительной степени Комэйто позволяют правящей партии блокироваться с ними по отдельным вопросам. Последнее обстоятельство является важнейшим негативным фактором, препятствующим реализации в Японии демократической альтернативы политике господствующей верхушки.

Центральный аппарат партии и процесс принятия политических решений

Как политическую партию ЛДП характеризует наличие оформленной структуры, строящейся на кадровой основе, с централизованным бюрократическим аппаратом и строгой внутренней субординацией.

Устав ЛДП предусматривает существование разветвленной сети региональных организаций — «префектуральных федераций отделений партии» и громоздкой центральной организации, подразделяющейся на исполнительные органы: аппарат партии и так называемые «постановляющие органы» («кэцуги кан») ²³.

Однако реальный механизм правящей партии Японии значительно отличается от структуры, описанной в уставе. В частно-

сти, съезд ЛДП, именуемый «верховным органом партии», имеет сугубо формальный и декоративно-парадный характер и не играет сколько-нибудь значительной роли в системе ее функционирования. Фактически его значение ограничивается утверждением решений, заранее подготовленных исполнительными органами партии²⁴.

Важнейшей особенностью ЛДП, типичной элитарной партии, является подчеркнуто привилегированное положение ее членов — депутатов парламента. Последние монополично удерживают в своих руках все сколько-нибудь значительные посты в центральном аппарате ЛДП. Так, согласно исследованиям, проведенным Х. Фукуи, в августе 1965 г. из 314 более или менее ответственных постов в центральной организации ЛДП 305 постов занимали депутаты парламента²⁵.

Аморфность членства в ЛДП, практическое отсутствие сети постоянно функционирующих местных партийных организаций породили имеющее широкое хождение в Японии определение ее как «партии-призрака» («юрэй сэйто»). Весьма характерно, что в местных выборных органах власти (муниципалитетах мегаполисов, префектуральных, городских, деревенских собраниях) представительство правящей партии уменьшается пропорционально снижению «ранга» данного органа²⁶. Аморфность структуры ЛДП в отличие от многих политических партий Западной Европы сближает ее с двумя лидирующими буржуазными партиями США: Республиканской и Демократической.

В высшем эшелоне правящей партии Японии, ее парламентской группе, насчитывающей около 400 человек, выделяется еще более узкая элитарная группировка, в руках которой находятся реальные рычаги управления процессом принятия важнейших политических решений в ЛДП. При этом за долгие годы однопартийного режима верхушка ЛДП сумела установить практически полный контроль над несменяемой частью системы государственной власти, центральным административным аппаратом, получив возможность использовать в собственных узкопартийных интересах такие его институты, как фискальная система, органы юстиции, прокуратура и полиция. Таким образом, складывается положение, при котором руководящая группировка ЛДП обладает возможностью оказывать решающее воздействие не только на механизм самой партии, но и на государственный аппарат, в значительной степени сросшиеся в единое целое²⁷.

Ярким свидетельством теснейшей взаимопривязанности государственного аппарата и ЛДП являются особенности системы формирования ее высшего руководства: председателя партии, его заместителя и так называемых «трех партийных постов» («то санъяку») — генерального секретаря, председателя Совета общих вопросов и председателя Совета по изучению политических вопросов.

Х. Фукуи произвел исследование типологии карьеры лиц, за-

нимавших пять вышеуказанных постов со времени образования партии и до конца 1983 г. Результаты исследования показывают, что в подавляющем большинстве случаев (93%) лица, которые достигли высшего эшелона руководства партии, до своего назначения на высокие партийные посты занимали определенные должности в правительстве. Как правило, это были должности генерального секретаря кабинета министров, министра внешней торговли и промышленности, министра иностранных дел, министра финансов, министра связи. Таким образом, заключает Х. Фукуи, складывается на первый взгляд парадоксальное положение, при котором в «партии, вечно находящейся у власти» («маннэн ёто»), самым надежным путем к вершине партийной иерархии является путь через назначения на ключевые посты в кабинете, а не через партийные посты среднего уровня²⁸. Это является внешним проявлением фактического сращивания партийного и государственного аппаратов в единый механизм.

Привилегированная верхушка ЛДП насчитывает не более нескольких десятков человек и включает в себя председателя ЛДП, его заместителя и лиц, занимающих «три партийных поста». Наряду с их ближайшим окружением в нее входят также лидеры внутрипартийных фракций.

Председатель ЛДП обладает властью, далеко выходящей за пределы установленных уставом партии норм. Он отвечает за проведение избирательных кампаний ЛДП и определяет состав высшего партийного руководства, включая генерального секретаря, ведающего бюджетом ЛДП, председателей Совета общих вопросов и Совета по изучению политических вопросов. Помимо имеющейся у председателя ЛДП возможности контролировать деятельность центрального аппарата партии в условиях существующей в стране мажоритарной системы он, как лидер парламентского большинства, автоматически становится и главой правительства, премьер-министром. При этом в его руках сосредоточены назначения на высшие правительственные посты²⁹.

Председатель ЛДП осуществляет на высшем уровне контакты с финансово-монополистической верхушкой, в ходе которых согласовываются наиболее важные вопросы партийной политики и определяются основные направления национальной политики.

Важнейшим аспектом деятельности председателя ЛДП является также руководство парламентской политикой партии. Он лично занимается подборкой лиц, занимающихся ее разработкой и претворением в жизнь: председателей обеих палат, председателей важнейших парламентских комиссий, руководства Комитета парламентской политики в аппарате ЛДП.

Совет общих вопросов (Сомукай), или, как его часто называют, Исполнительный или Административный Совет ЛДП, согласно уставу, наделен большими полномочиями. По своим функциям он напоминает Центральный комитет других политических партий Японии. В частности, в нем составляются

списки кандидатов, выдвигаемых консервативной партией парламентских выборах. Формально все вырабатываемые в аппарате ЛДП решения должны получить одобрение Совета.

Несмотря на свои широкие полномочия и формальную независимость от «верховного органа партии» — съезда, Исполнительный совет находится в подчинении председателя ЛДП, что фактически сводит на нет его значение как «постановляющего органа». Значительная часть его членов, которых обычно насчитывается около 30, назначается, в том числе и председатель Совета, непосредственно лидером партии, крайне заинтересованным в том, чтобы Исполнительный совет послушно выполнял его волю³⁰.

Главным звеном в системе принятия важнейших политических решений в аппарате ЛДП является «мозговой трест» партии — Совет по изучению политических вопросов (Сэйму тэсакэй). Согласно сложившейся практике, все законопроекты, внесенные на рассмотрение парламента от лица правительства, не считаются действительными до рассмотрения и одобрения их Советом по изучению политических вопросов³¹.

Совет имеет очень сложную внутреннюю структуру. В его состав входят: секции (букай) — постоянно действующие подразделения, дублирующие систему министерств и ведомств центральной администрации; исследовательские советы (тэсакэй); специальные комитеты (токубэцу иинкай). Последние являются подразделениями, созданными для рассмотрения конкретных вопросов, например, о малых и средних предприятиях, конституционного вопроса, трудовых вопросов и т. д.³²

Согласно уставу ЛДП, каждый депутат парламента от этой партии должен участвовать в работе одной из секций Совета. При этом назначения на руководящие посты в Совете считаются престижными, так как часто становятся ступенькой в продвижении к посту председателя ЛДП.

Во главе Совета стоит председатель, имеющий шесть заместителей. Он назначается председателем ЛДП. В составе Совета имеется так называемая Совещательная комиссия, в которую обычно входит около 20 членов — его руководящий орган, обсуждающий наиболее важные политические вопросы³³.

Отличительной особенностью Совета по изучению политических вопросов является его теснейшая связь с центральным административным аппаратом страны. Помимо взаимной координации деятельности их по традиции объединяют тесные персональные связи между высокопоставленными правительственными чиновниками и сотрудниками соответствующих подразделений Совета. При этом руководящий состав Совета отличается очень высоким процент выходцев из высшего эшелона правительственной бюрократии. Последние составляют около 30% лиц, занимавших посты председателя Совета³⁴.

Характерным примером тесной связи партийного аппарата ЛДП и государственной машины Японии может служить ана-

лиз карьеры многих ответственных работников Совета. Так, авторы изданной в 1983 г. книги «Совет по изучению политических вопросов ЛДП» приводят в качестве типичной карьеры председателя секции торговли и промышленности Совета К. Нода. В 1972 г. К. Нода ушел в отставку с поста заместителя начальника сектора в министерстве финансов и занялся политической деятельностью. Будучи избран в парламента как депутат от ЛДП, он примкнул к фракции Я. Накасонэ. В силу характера его бывшей деятельности он был включен в постоянную комиссию по вопросам государственных финансов палаты представителей и автоматически вошел в состав связанной с ней финансовой секции Совета³⁵.

Подобное положение облегчает контакты между аппаратом ЛДП и системой центральной администрации и позволяет консерваторам наиболее эффективно использовать профессиональные знания японского чиновничества при осуществлении своей политической деятельности.

О расширении сферы компетенций Совета по изучению политических вопросов ЛДП свидетельствуют следующие данные о постоянном усложнении его структуры со времени образования ЛДП (число подразделений)³⁶.

Год	Секции	Исследовательские советы	Специальные комитеты
1956	15	3	26
1983	17	30	50
1986	17	32	72

Что касается активности Совета, то достаточно сказать, что только в 1985 г. состоялось 657 его заседаний на различных уровнях³⁷.

Совет играет значительную роль в формировании важнейшего законопроекта, выдвижение которого входит в компетенцию японского правительства, законопроекта о бюджете. Согласно сложившейся практике, ежегодно в конце августа бюджетные заявки министерств и ведомств проходят предварительное слушание в соответствующих отделах Совета и лишь потом поступают в министерство финансов, ответственное за составление бюджета. В декабре Совет формулирует основные направления бюджетной политики в данном году, которые, пройдя обсуждение в Совете общих вопросов ЛДП и на заседании кабинета министров, затем согласовываются с проектом, подготовленным к этому времени министерством финансов³⁸.

Совет по изучению политических вопросов ЛДП представляет собой арену сложного хитросплетения различных, нередко конфликтующих интересов отдельных фракций в ЛДП, правительственного чиновничества, различных «групп давления». Авторы книги «Совет по изучению политических вопросов ЛДП» даже сравнивают его с Конгрессом США по значению в лоббистской системе³⁹.

Значительное воздействие на работу Совета оказывает то обстоятельство, что межфракционная борьба, это неотъемлемая черта ЛДП, переносится на его отдельные подразделения. Так по состоянию на середину 1983 г., фракция К. Танака доминировала в секциях финансов и связи, в Исследовательском совете по дорогам, Дз. Судзуки — в секции социальных проблем, Т. Фукуда — в секции проблем просвещения. Весьма характерно, что в трех секциях Совета, считающихся в партии наиболее престижными (торговли и промышленности; строительства; сельского и лесного хозяйства), наблюдается «дружеское сотрудничество» различных фракций, которые здесь «мирно сосуществуют»⁴⁰.

Такое положение не является случайным, так как связано со своего рода неписаным соглашением внутри ЛДП, устанавливающим паритетное распределение постов внутри важнейших структурных подразделений Совета между крупнейшими внутрипартийными группировками. При этом участие в указанных выше трех секциях Совета является наиболее желательным для либерал-демократов потому, что в силу специфики их деятельности позволяет установить выгодные контакты с предпринимательскими кругами — спонсорами ЛДП, правительственной бюрократией и органами местного самоуправления, связь с которыми становится необходимой во время проведения парламентских выборов⁴¹.

Законодательная деятельность и парламентское маневрирование ЛДП

Законодательная деятельность ЛДП. ЛДП является крупнейшим источником законодательства в послевоенной Японии. Формальным основанием для этого являются действующие в стране юридические постановления, которые дают правительству либерал-демократов равные с парламентом права в области законодательной инициативы.

Руководство ЛДП осуществляет свою деятельность в области законодательства с учетом пожеланий монополистического капитала страны. При этом, если составление законопроектов экономического характера осуществляется, как правило, в соответствующих ведомствах государственно-административного аппарата, в первую очередь в министерствах финансов, торговли и промышленности, труда и некоторых других «экономических министерствах», разработка законопроектов, носящих политический и идеологический характер, входит, в соответствии со сложившейся в политическом механизме современной Японии системой «разделения труда», в компетенцию аппарата правящей партии. При этом, используя свое положение партии парламентского большинства, ЛДП путем насаждения соответствующих юридических норм стремится создать в стране наиболее благо-

приятный для деятельности монополистического капитала политико-идеологический климат.

В начале 60-х годов «либерал-демократы» выступили авторами проектов пресловутого Закона о предотвращении политических насилий и Закона об охране демократического порядка, вызвавших бурю протестов в стране и в конце концов снятых с повестки дня парламента. Весной 1964 г. им, однако, удалось добиться утверждения Закона о наказании за насильственные действия, направленного в основном против активистов демократического движения.

На протяжении всей истории ЛДП часть ее руководства неоднократно выступала за антидемократический пересмотр конституции 1947 г. Особым нападкам при этом подвергается «антивоенная» ст. 9 Конституции, предусматривающая отказ Японии от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Движение ЛДП за пересмотр этой статьи Конституции особенно оживилось в конце 70-х годов, когда лидеры партии, отвечая требованиям набирающих силы военно-промышленных кругов Японии, сообщили о своих намерениях принять комплекс уже упоминавшихся выше юридических постановлений, получивший общее название «законодательства на случай чрезвычайного положения». Этот комплекс предполагает введение «в особых обстоятельствах» всеобщей трудовой повинности, резкое расширение полномочий исполнительной власти, ограничение демократических свобод и т. д. Эти планы правящих кругов Японии вызвали активный протест широкой демократической общественности страны, не позволивший им до сих пор подвести юридическую основу под усиление милитаристских тенденций в стране⁴².

Летом 1975 г. были осуществлены важные изменения в Законе о выборе государственных должностных лиц, которые, подобно законам 60-х годов, были призваны ослабить оппозицию в целом. Новый закон ввел, в частности, ограничения на распространение в период парламентских выборов агитационных материалов (плакатов, листовок и т. п.), что значительно затруднило оппозиционным партиям проведение кампаний в поддержку своих кандидатов⁴³.

Обеспокоенное тенденцией к снижению уровня поддержки на парламентских выборах, руководство ЛДП стремится создать для партии максимально благоприятные условия в этом отношении. Оно многие годы вынашивает планы реформы нынешнего избирательного закона, с тем чтобы существующая система «средних» округов была заменена так называемыми «малыми» округами. Суть предполагаемой реформы заключается в том, чтобы от каждого избирательного округа в парламент избирались бы не 3—5 депутатов, как сейчас, а только один. Как показывают подсчеты, это позволило бы либерал-демократам при сохранении нынешнего уровня поддержки ЛДП резко увели-

чить свое представительство в высшем законодательном органе страны и обеспечить себе в нем абсолютное большинство. Так, на выборах в палату представителей, состоявшихся в декабре 1972 г., ЛДП получила 48,3% голосов избирателей, заняв при этом 57,8% мест в нижней палате парламента. Введение же системы «малых» округов позволило бы ей при тех же результатах выборов получить уже 77,1% депутатских мандатов⁴⁴.

В то же время ЛДП использует в своих интересах существующую избирательную систему, введенную еще в середине 50-х годов, которая из-за происшедших с тех пор значительных изменений в размещении населения допускает резкую диспропорцию между численностью населения в данном избирательном округе и количеством избираемых от него депутатов. Как показывают результаты, например, выборов в палату советников 10 июля 1977 г., многим кандидатам от ЛДП, избиравшимся от префектур с преимущественно сельским населением, которые являются традиционным оплотом консерваторов, удалось пройти в парламент, набрав около 160 тыс. голосов, тогда как в урбанизированных районах, где силы оппозиции в последние годы значительно возросли и в ряде случаев превосходят консерваторов, для этого потребовалось получить поддержку гораздо большего числа избирателей (примерно 500 тыс. голосов)⁴⁵.

В августе 1982 г. либерал-демократы добились изменения Закона о выборах в палату советников. В общенациональном округе была введена система пропорционального представительства, предполагающая голосование не за отдельных кандидатов, а за партийные списки⁴⁶. Проведенные 26 июня 1983 г. в соответствии с новыми правилами выборы в палату советников, хотя и не принесли консерваторам крупного успеха, позволили им увеличить свое представительство в верхней палате на три места и обеспечить, таким образом, «стабильное большинство»⁴⁷.

Особого внимания в цепи законодательных мероприятий консерваторов, направленных на трансформацию в своих интересах политической системы страны, институализацию ЛДП, заслуживает проект закона о политических партиях, опубликованный в мае 1983 г. Этот законопроект имеет свою предысторию.

Идея юридического оформления статуса политических партий в Японии впервые возникла еще в 1946 г. в ходе обсуждения проектов новой конституции. Весьма характерно, что в то время позиции противоборствующих политических лагерей Японии по этому вопросу представляли собой диаметрально противоположность сложившемуся на современном этапе спектра мнений и суждений. Оппозиция, только что вышедшая тогда из подполья, выступала за юридическое оформление статуса политических партий, надеясь добиться введения системы государственных субсидий, крайне необходимых ей в период восстановления своих рядов. Правящие же круги, наоборот, возражали против какой-либо институализации своих политических противников⁴⁸.

В последующие годы тем не менее позиция правящих кругов Японии в этом вопросе претерпела серьезные изменения, что было обусловлено прежде всего сдвигами в соотношении классовых сил в результате роста возможностей и влияния оппозиции. Либерал-демократы оказались вынуждены отказаться от традиционной политики «диктатуры большинства» и искать новые тактические приемы и методы сохранения и укрепления своей власти. В рамках «законодательства о политических партиях» ЛДП пытается внести такие правовые нормы, которые давали бы ей дополнительные, вполне «законные» средства сдерживания и даже подавления оппозиционных сил.

При этом правящая партия стремится достичь определенного пропагандистского эффекта, закамуфлировав свои истинные намерения видимостью готовности пойти навстречу « чаяниям народа ». Речь идет в первую очередь о попытках либерал-демократов сбить накал возмущения широкой общественности страны коррупцией в высших политических сферах, связанный с известным «делом Локхид».

Требования оппозиции лишить парламентского мандата бывшего премьер-министра К. Танака, являвшегося центральной фигурой в этом скандале, несколько раз парализовали работу высшего представительного органа страны. Возмущение многолетней безнаказанной деятельностью К. Танака, вплоть до середины 80-х годов остававшегося неформальным лидером крупнейшей фракции в ЛДП, которого в Японии называют «делателем королей», явилось важнейшей причиной неудачного выступления правящей партии на всеобщих выборах 18 декабря 1983 г.

Именно эту ситуацию и пыталось использовать руководство ЛДП, чтобы обосновать необходимость введения «законодательства о политических партиях». Сразу же после окончания выборов и завершения формирования в конце 1983 г. своего второго кабинета и руководства партии Я. Накасонэ развернул бурную пропагандистскую деятельность. В многочисленных выступлениях и интервью он неоднократно заявлял о своем намерении «бесстрашно проводить в жизнь публичные обещания» и «упрочить политическую этику» в качестве гарантии выполнения последней задачи, которая, по выражению японского премьера, «неразрывно связана с совестью и чувством ответственности каждого политика»⁴⁹.

Эти положения были внесены в принятый 26 января 1984 г. на очередном 43-м съезде ЛДП документ «Курс действий на 1984 г.»⁵⁰. В нижней палате парламента был создан Совет по изучению вопроса о политической этике (Сэйринкё), в который вошли представители всех партий, представленных в парламенте. Совет опубликовал декларацию, которая, в частности, предусматривала принятие «харты политической этики», привлечение к суду наиболее одиозных политиков и изменение закона о даче свидетельских показаний депутатами парламента⁵¹.

В мае 1984 г. эта хартия была официально принята. Правшей партии удалось придать ей откровенно демагогический характер, исключив из нее требования левой оппозиции лишить депутатского мандата К. Танака. Представитель Коммунистической партии Японии в Совете отказался голосовать в поддержку этого документа⁵².

Планы ЛДП ввести «законодательство о политических партиях» получили полную поддержку предпринимательских кругов. В августе 1983 г. Ассоциация модернизации (Киндайка кёкай), являющаяся исследовательским центром по политическим вопросам большого бизнеса, опубликовала документ под названием «Предложения относительно закона о политических партиях». В нем содержалась подробная аргументация необходимости юридического оформления статуса политических партий по примеру ряда «демократических государств». Авторы документа, в частности, ратовали за утверждение системы субсидирования партий из государственных средств. Необходимость полной институализации политических партий обосновывалась также тем, что введение в августе 1982 г. системы пропорционального представительства при выборах в палату советников заложило для нее прочную основу.

В соответствии с планами ввести «законодательство о политических партиях» и был опубликован в мае 1983 г. проект закона о политических партиях, получивший в Японии известность под названием «законопроект Ёсимура» по имени директора Центральной политической академии ЛДП С. Ёсимура. Почетного профессора университета Токай. По горучению руководства ЛДП он возглавил группу экспертов, работавших над законопроектом, который был представлен как «частный». 7 февраля 1984 г. этот документ был вынесен на обсуждение в штаб-квартиру либерал-демократов, а в конце февраля того же года явно с пропагандистской целью был представлен Совету по изучению вопроса о политической этике.

«Законопроект Ёсимура», изобилующий столь характерной для политического лексикона японских консерваторов высокопарно-демагогической фразеологией об «общественном благе», «здоровом развитии основных направлений развития нашего народа» и т. п., подробно регламентировал статус и деятельность политических партий. Он предполагал введение количественного ценза, ограничивающего возможности образования и правового признания политических партий: партия должна собрать определенный процент голосов на предыдущих выборах и, кроме того, иметь не менее 35 депутатов в парламенте и не менее 100 тыс. зарегистрированных в министерстве по делам местной автономии членов.

Кроме того, «законопроект Ёсимура» предусматривал финансирование деятельности политических партий из государственного бюджета, ставя размеры дотаций в прямую зависимость от численности парламентской фракции каждой партии⁵³.

Совершенно очевидно, что этот законопроект преследовал вполне определенную цель — поставить ЛДП, партию парламентского большинства, «законным» путем в привилегированное положение. Особенно благоприятным для ЛДП являются положения «законопроекта Ёсимура», касающиеся государственного финансирования партий. Их легитимация явилась бы завершающим звеном в начатой в 1977—1978 гг. в ходе организационной реформы ЛДП серии мероприятий, направленных на упорядочение ее структуры и финансовой базы (об этом см. ниже).

Не последнее место в планах руководства ЛДП, связанных с «законопроектом Ёсимура», который фактически лишает мелкие политические группировки права на существование, занимали расчеты на раскол оппозиции, перегруппировку партий в парламенте, вынужденное слияние с ЛДП некоторых небольших группировок и ряда независимых, этого традиционного резерва консерваторов. Положение же «законопроекта Ёсимура», в котором говорилось о том, что партии обязаны содействовать «бесперебойной работе парламента или собраний местных органов самоуправления»⁵⁴, представляло по своей сути первый шаг к обеспечению «юридического права» объявить вне закона любую партийную фракцию в представительных органах страны, которая прибегает к традиционному методу борьбы японской оппозиции — бойкоту заседаний парламента или местных собраний.

«Законопроект Ёсимура», вынесенный в 1984 г. на обсуждение парламента, подвергся ожесточенной критике со стороны левой оппозиции и был, по крайней мере временно, снят с повестки дня.

Широчайшую оппозицию в середине 80-х годов вызвал правительственный законопроект «О предотвращении шпионской и прочей деятельности, связанной с государственными тайнами» (сокращенно Закон о государственных тайнах), носящий неприкрыто антидемократический характер.

Этот законопроект является уже не первой попыткой ввести в стране «антишпионское» законодательство.

Первый вариант законопроекта, именовавшийся «О предотвращении шпионской и прочей деятельности, связанной с оборонными секретами», был подготовлен в апреле 1980 г. Он предусматривал максимальное наказание в два года тюремного заключения за разглашение военных секретов.

В июле 1982 г. в парламент был внесен новый, значительно скорректированный законопроект, сфера действия которого выходила за рамки японских «сил самообороны» и распространялась на секреты, связанные с деятельностью американского Агентства по обеспечению взаимной безопасности.

В третий вариант законопроекта, составленного в августе 1984 г., были включены уже не только военные секреты, связанные с «силами самообороны» и осуществлением военного до-

говора с США, но и дипломатические и прочие служебные тайны, имеющие государственное значение.

Такой же характер с небольшими изменениями носил и последний проект закона, внесенный 6 июня 1985 г. в парламент группой депутатов от ЛДП. Так же как и предыдущий вариант, он предусматривал не только значительное расширение сферы понятия «государственные секреты», но и резкое ужесточение наказаний за их разглашение, вплоть до пожизненного заключения и смертной казни⁵⁵.

Доказывая необходимость принятия такого рода законодательства, консерваторы ссылались на то, что правовая система Японии, сложившаяся в годы американской оккупации, когда США ставили целью предотвратить возможность возрождения милитаристского государства, предусматривает весьма мягкие наказания за разглашение секретной информации. Такие действия рассматриваются как должностное преступление и упоминаются в двух актах: «О государственных служащих» от 21 октября 1947 г. и «О силах самообороны» от 9 июня 1954 г. Согласно соответственно ст. 109 (п. 12) и ст. 118 (п. 1) указанных законов, «лицо, разгласившее тайну», приговаривается к тюремному заключению сроком до одного года или к денежному штрафу в размере до 30 тыс. иен⁵⁶, что составляет всего лишь примерно трех-четырехдневный заработок среднего служащего.

Более суровое наказание сроком до 10 лет тюремного заключения предусмотрено принятым в 1954 г. специальным законом за разглашение секретной информации, касающейся американских вооруженных сил, дислоцированных в Японии⁵⁷.

Ссылаясь на «изъяны» японской юриспруденции, правящие круги Японии активно распространяют тезис об исключительно благоприятных условиях деятельности в стране для зарубежных разведок. Выступая 29 октября 1985 г. в бюджетной комиссии палаты представителей, премьер-министр Японии Я. Накасонэ, например, заявил: «Япония — это рай для шпионов и с этим нельзя больше мириться»⁵⁸.

Весьма характерно, что в ходе кампании, связанной с проектом Закона о государственных тайнах, на первый план был откровенно выдвинут его антисоветский аспект.

Активизация попыток провести «антишпионское» законодательство через парламент непосредственно связана с развитием военно-политического союза с США. Так, инициатором проекта Закона о государственных тайнах явился Комитет по изучению вопросов японо-американской системы безопасности Либерально-демократической партии⁵⁹. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что внесение этого законопроекта в парламент совпало с новой вспышкой шпиономании в США. Летом 1985 г. бывший заместитель директора ЦРУ адмирал Р. Имман заявил о крупном, как он выразился, «кровотечении» информации из секретных источников⁶⁰. Группа конгрессменов выступи-

ла за ужесточение мер, направленных на предотвращение шпионской деятельности. Широкую огласку получило заявление сенатора от штата Аляска Стивенса, который призвал к применению смертной казни за государственную измену даже в мирное время⁶¹. При этом в связи с подключением Японии к американской программе СОИ США прямо требуют от японского правительства принятия «антишпионского» законодательства⁶².

Критики законопроекта в Японии указывают на то, что понятие «государственные тайны» определено в нем чрезвычайно расплывчато — как «тайны, имеющие отношение к дипломатии и обороне», допуская тем самым весьма широкое толкование. При этом ст. 8 предусматривает тюремное заключение сроком до пяти лет для «лица, передавшего государственную тайну другому лицу»⁶³, но не указывает, имело ли данное лицо отношение к «государственной тайне» по долгу службы или нет. Положения законопроекта явно вступают в противоречие с Конституцией Японии, предусматривающей гарантию «свободы слова, печати и всех иных форм выражения мнений» (ст. 21) и «свободы научной деятельности» (ст. 23). Принятие Закона о государственных тайнах неизбежно привело бы к ужесточению системы цензуры, само существование которой не допускается ст. 21 Конституции⁶⁴.

Аморфность формулировок законопроекта особенно подчеркивается представителями журналистских кругов самых различных направлений, которые не без оснований обеспокоены тем, что фактически сбор любой информации дипломатического, политического или военного характера может быть квалифицирован как попытка получения сведений, не подлежащих оглашению. Газета КПЯ «Акахата» напоминает в этой связи, что в милитаристской Японии даже метеорологическая информация считалась секретной⁶⁵.

Выступая 18 октября 1978 г. в парламенте в связи с обсуждением проекта введения «законодательства на случай чрезвычайного положения», представитель Управления национальной обороны сообщил, что на конец 1977 г. в стране имелось 3300 наименований документов, квалифицировавшихся как «оборонный секрет» («боэй хиницу»), и 88 200 документов, имевших гриф «служебная тайна» («тэхн»). Поскольку в подавляющем большинстве случаев эти документы существовали в нескольких копиях, оказалось, что имелось 94 тыс. экземпляров документов первой категории и 742 тыс. — второй. С тех пор количество конфиденциальной документации значительно увеличилось: по состоянию на февраль 1985 г., имелось в общей сложности 111 тыс. наименований документов обеих категорий общим количеством 1348 тыс. экземпляров⁶⁶. Оппозиция указывает, что при такой массе документов, имеющих гриф секретности, чрезвычайно высока вероятность случайной, непреднамеренной утечки информации.

Проект Закона о государственных тайнах вызвал широкую

воли. Против него выступили не только все оппозиционные партии, но и многие внепарламентские организации и местные органы самоуправления. Так, к середине декабря 1985 г. было принято 108 резолюций местных собраний в поддержку проекта⁶⁷. Особо же позицию заняла КФЯ, которая в правительственном плане попыткой проталкивать «бесполезное законодательство»⁶⁸.

Попытку наступления на демократические права решительно осудили такие представительные организации, как Японская газетная ассоциация, Японская федерация частного радио и телевидения, Японская журнальная ассоциация, японское отделение международного «ПЕН-клуба», влиятельная Японская ассоциация юристов.

Несмотря на это, по вопросу о целесообразности введения нового «антишпионского» законодательства и внутри правящей партии. Некоторые наиболее дальновидные деятели ЛДП считают, что попытки проталкивать проект этого закона вопреки сопротивлению оппозиционных партий, средств массовой информации, общественных и профессиональных организаций приведут к ослаблению позиций партии и отрицательно скажутся на предстоящих выборах в парламент. Бывший министр юстиции Осаму Инаба подчеркнул, например, на заседании фракции Я. Накасонэ 13 февраля 1986 г., что «государственные секреты могут быть достаточно надежно защищены и с помощью тех законов, которые у нас есть сейчас»⁶⁹. Газета «Асахи», не называя имени, привела мнение одного из высших функционеров правящей партии, который заявил: «У меня тоже этот законопроект вызывает негативное отношение. Довоенные времена, когда тайная полиция попирала права человека и вмешивалась в частную жизнь граждан, не должны повториться»⁷⁰. Видный деятель ЛДП К. Миядзава, в то время председатель Исполнительного совета ЛДП, подверг критике расплывчатость формулировок проекта⁷¹.

В ходе 103-й чрезвычайной сессии парламента, проходившей с 14 октября по 20 декабря 1985 г., либерал-демократам не удалось добиться утверждения этого законопроекта и пришлось в конце концов снять его с обсуждения. Тем не менее в начале февраля 1986 г. правительство и ЛДП приняли решение о разработке нового, пятого варианта, который был утвержден летом 1986 г.

В рамках Специального комитета по вопросам безопасности ЛДП, председателем которого является бывший начальник УНО А. Михара, была создана особая комиссия под руководством бывшего министра просвещения Х. Мацунага. Она решила смягчить в новом варианте законопроекта максимальную меру наказания, заменив смертную казнь на пожизненное заключение, чтобы облегчить прохождение закона в парламенте. В то же время дипломатические документы не были изъяты, как предполагалось, из сферы «государственных секретов»⁷².

В 1986 г., в связи с проведением в стране парламентских выборов, продвижение проекта Закона о государственных тайнах было отложено, равно как и в следующем году, когда проходили выборы в местные органы самоуправления и произошла смена высшего руководства ЛДП. Тем не менее имеются основания полагать, что вопрос о введении в стране «антишпионского» законодательства отнюдь не снят окончательно с повестки дня.

Значительное место в законодательной деятельности правящей партии Японии занимает выдвижение законопроектов отчетливо идеологической направленности, в большинстве случаев преследующих цель усилить националистические настроения и тем самым укрепить политические позиции консерваторов в стране. Характерным примером является предпринятая по инициативе руководства ЛДП в 1967 г. легализация, несмотря на протесты демократических сил страны, в качестве государственного праздника 11 февраля, «дня памяти основания государства». Эта дата ежегодно отмечалась в довоенной Японии как националистический, милитаристский праздник. В равной степени с попытками правящих кругов страны возродить националистические настроения связано произведенное в начале 1979 г. законодательное оформление традиционной системы летосчисления «гэнго», в основе которой лежат годы правления японских императоров⁷³.

Попытки развернуть наступление правящего лагеря Японии на существующие в стране демократические нормы и институты резко усилились с начала 80-х годов. В первую очередь вновь активизировалось стремление осуществить пересмотр антивоенной 9-й статьи Конституции, ввести «законодательство военного времени» и Закон о всеобщей мобилизации. В конце 1981 г. было сообщено о создании под эгидой ЛДП специальной организации для содействия реализации этих планов, так называемого Национального совета защиты Японии⁷⁴.

В последнее время в ЛДП значительно расширилось движение за превращение дня 15 августа, дня капитуляции милитаристской Японии в развязанной ею агрессивной войне на Дальнем Востоке, в государственный праздник «поминовения павших во второй мировой войне». В парламенте действует объединяющее около 300 депутатов от ЛДП общество, которое выступает за превращение в государственный мемориал храма Ясукuni, посвященного душам павших японских военнослужащих. Как указывают японские комментаторы, осуществление этого проекта, при всем прочем, противоречило бы Конституции Японии, так как ее 20-я статья провозглашает принцип отделения религии от государства⁷⁵.

Логическим порождением раздуваемой правящими кругами Японии уже много лет антисоветской кампании стало принятое в начале 1981 г. кабинетом министров решение о проведении ежегодно 7 февраля так называемого «дня борьбы за возвращение северных территорий»⁷⁶.

Со второй половины 60-х годов явно обозначилось стремление консерваторов сосредоточить в своих руках всеобъемлющий контроль над системой просвещения, чтобы, с одной стороны, повысить в соответствии с требованиями нынешнего этапа развития научно-технической революции образовательный уровень необходимой финансово-монополистическому капиталу рабочей силы, а с другой — воспитывать в то же время новое поколение в рамках таких «традиционных ценностей», которые препятствовали бы его выходу за сферу буржуазной идеологии. Более того, можно говорить о попытках в определенной степени вернуть систему образования Японии в то состояние, в котором она находилась до окончания второй мировой войны, когда основной задачей просвещения была идеологическая обработка населения в духе национализма и слепой преданности властям предержащим.

В начале 70-х годов правительство опубликовало проект полной реформы среднего и частичной реформы высшего образования. Подвергшись острой критике со стороны оппозиционных сил, он не был реализован. Тем не менее в сентябре 1973 г. ЛДП удалось провести через парламент закон об организации экспериментального университета Цукуба, который уже в апреле 1974 г. принял первых студентов. В этом университете наряду с пересмотром традиционных принципов организации научных исследований и учебного процесса были упразднены университетские органы самоуправления и установлен жесткий контроль администрации над всеми сферами жизни вуза⁷⁷.

Уже многие годы в Японии продолжается так называемая «дискуссия об учебниках». Речь идет о попытках ЛДП изменить содержание школьных учебников по социальным наукам в выгодном для правящих кругов духе. Эти попытки вновь активизировались в конце 70-х — начале 80-х годов. Летом 1983 г. было сообщено о намерении ЛДП провести через парламент Закон об учебниках, преследующий цель поставить под жесткий правительственный контроль составление, издание и распространение школьных учебников. Выступая с программной речью 6 февраля 1984 г., премьер-министр Я. Накасонэ назвал реформу образования наряду с финансовой и административной реформами преобразованиями, которые должны заложить «фундамент развития Японии в XXI веке»⁷⁸.

С этого момента деятельность правительства по осуществлению нынешнего этапа реформы образования начала стремительно развиваться⁷⁹. В тот же день (6 февраля) были опубликованы разработанные ближайшим окружением японского премьера «Пять принципов реформы образования, направленной в XXI век». Этот документ, изобилующий характерной для политического лексикона японских консерваторов демагогически-высокопарной фразеологией, содержит следующие положения, по которым, по замыслу его составителей, должна осуществляться нынешняя реформа: 1) интернационализация образования;

2) либерализация; 3) плюрализация; 4) усиление информативности образования; 5) уважение человеческой личности⁸⁰.

В марте 1984 г. был опубликован документ персонального совещательного органа Я. Накасонэ, Совета по культуре и образованию (Бунка-то кёйку-ни кансуру конданкай), председателем которого является видный представитель финансово-монополистических кругов Японии, почетный президент корпорации «Сони» М. Ибука. В документе делается упор на развернутую критику современной системы образования, основное содержание которой сводится к следующему:

1. Нынешняя система вступительных экзаменов в японские вузы наносит излишний вред низшим ступеням системы просвещения.

2. Современная система образования страдает излишней унификацией.

3. Наблюдается тенденция к преувеличению значения свободы и прав за счет воспитания чувства долга и ответственности.

4. Падение дисциплины учащихся в школе и дома приняло угрожающие масштабы⁸¹.

Следующим этапом в осуществлении реформы образования стало создание специального правительственного органа для ее конкретной разработки: Чрезвычайной консультативной комиссии по реформе образования (Риндзи кёйку сингикай)⁸². В марте 1984 г. законопроект об ее учреждении был представлен на рассмотрение парламента, 8 августа того же года при поддержке находящегося в коалиции с ЛДП Нового либерального клуба, равно как и двух партий «среднего пути» (Партии демократического социализма и Комэйто), он был одобрен верхней палатой⁸³.

5 сентября 1984 г. Чрезвычайная консультативная комиссия по реформе образования приступила к своей деятельности. Подавляющее большинство ее членов составили деятели науки и культуры консервативного направления, среди них такие известные лица, как М. Окамото, бывший президент Киотского университета (председатель Комиссии), политолог К. Утида, автор целого ряда работ о правящей партии Японии, в прошлом ответственный сотрудник официального информационного агентства Киодо цусин, а ныне профессор университета Хосэй и др. Пять из 25 членов комиссии являются представителями финансово-монополистических кругов, пять — правительственной бюрократии. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие представители академических кругов, вошедшие в состав этого консультативного органа, который, согласно закону об его учреждении, подчиняется непосредственно премьер-министру Японии, принимали участие в подготовке программного документа «Пять принципов реформы образования, направленной в XXI век»⁸⁴.

Профсоюзное движение Японии представлено в Чрезвычайной консультативной комиссии лишь двумя лицами, связанными

с его правым, реформистским крылом: заместителем председателя профсоюзного объединения Домэй и председателем Союза металлистов (Тэкко рорэн) ⁸⁵.

Горячую поддержку правительственному проекту сразу же начали оказывать предпринимательские организации, в первую очередь заинтересованные в поднятии общего образовательного уровня армии наемного труда, в приведении его в соответствие со стремительно меняющимися требованиями времени. Так, 20 июля 1984 г. Кэйдзай доюкай, открыто вмешавшись в развернувшуюся в стране дискуссию, опубликовала документ «За творчество, плюрализм, интернационализацию», в котором призывает в интересах подъема уровня профессионально-технической подготовки кадров ввести вместо действующей ныне системы «6—3—3» (начальная школа — младшая средняя школа — старшая средняя школа) систему «5—4—4» ⁸⁶.

26 июня 1985 г. Чрезвычайная консультативная комиссия по реформе образования опубликовала первый вариант своего Доклада (окончательный вариант этого документа был подготовлен в 1987 г.) ⁸⁷.

Как и в более ранних документах, связанных с реформой, в Докладе широко критикуются « пороки » нынешней системы образования. В качестве путей осуществления реформы на этот раз называются восемь пунктов:

1. Осуществление принципа внимания к индивидуальности.
2. Внимание к « основам », оказывающим воздействие на формирование человеческой личности.
3. Воспитание творческого начала, мыслительных и выразительных способностей.
4. Расширение свободы выбора.
5. Очеловечивание образовательной среды.
6. Переход к системе « учебы в течение всей жизни ».
7. Реагирование на усиление процесса вовлечения страны в систему международных связей.
8. Реагирование на рост потока информации.

В качестве конкретных шагов по реорганизации системы образования в Докладе выдвигаются предложения по учреждению 6-летней школы средней ступени и введение единых экзаменационных материалов, предлагаемых абитуриентам при поступлении в любой вуз страны.

Если оставить в стороне играющую чисто декларативную роль фразеологию опубликованных правящими кругами Японии в связи с реформой образования документов, мы увидим, что в ее ходе совершенно явно планируется осуществление значительного крена вправо в области народного просвещения, максимальное выхолащивание сложившихся в ней в послевоенный период демократических элементов.

Излагая публично программу реформы образования, Я. Накасонэ неоднократно заявлял о своем « уважении к букве Основного закона об образовании », о том, что « не предполагается

вмешательство ни на йоту политики в просвещение », о соблюдении принципа « нейтралитета образования » ⁸⁸. Однако сам же японский премьер вступает в противоречие со своими декларациями.

Отвечая в июне 1984 г. на запросы оппозиции в нижней палате парламента, Я. Накасонэ заявил: « Воспитание морали — задача просвещения, в этом заключается также и основной дух административной реформы. В этом смысле, если в результате воспитания такого духа появится новое поколение, то в определенной степени... будут устранены и различные пороки конституции » ⁸⁹.

Таким образом, мы видим, что планы нынешней реформы выходят за рамки сферы образования и перекрещиваются с более широкими расчетами правящей верхушки Японии, в настоящее время предпринимающей попытки трансформировать в собственных интересах всю политическую структуру страны. Я. Накасонэ и другие сторонники пересмотра демократических статей Конституции 1947 г. в ЛДП самым непосредственным образом связывают реформу образования с искоренением « пороков » Основного закона страны, в качестве которых они называют « ложно понятый эгалитаризм, пренебрежение обязанностями за счет требования осуществления прав, отсутствие национального чувства, космополитизм » ⁹⁰.

Весьма характерно, что текст Доклада Консультативной комиссии изобилует такими клише, как необходимость обеспечения континуальности « традиционной культуры », воспитания в школьниках « осознания себя как японцев ». Не вызывает никакого сомнения то, что эти клише самым непосредственным образом связаны с такими « традиционными моральными ценностями », которые находят свое крайнее выражение в возрождении атрибутов императорской Японии: гимна « Кими-га ё » и национального флага милитаристской Японии « Хи-но мару ». На это обратила внимание даже группа ученых и деятелей искусства буржуазно-либерального толка. Они подвергли развернутой критике Доклад Комиссии. На страницах журнала « Сэкай » они отмечают, что составители Доклада « совершенно не касаются вопроса об ответственности политики и администрации... за недостатки современной системы образования... всецело перекладывая ее на „ общественные настроения “, родителей и учителей » ⁹¹.

Доклад по правительственному проекту реформы образования был решительно отвергнут Коммунистической партией Японии. В своих публикациях она указывает, что в Докладе совершенно отсутствуют такие фундаментальные термины, используемые в тексте Основного закона об образовании, как « мир », « истина », « справедливость », « создатели демократического общества ». Помимо отчетливого курса на устранение из современной системы образования демократических элементов Доклад, провозглашая принцип « внимания к индивидуальности »

сти», как считают японские коммунисты, фактически открывает дорогу к усилению крена в сторону «частного предпринимательства в области образования», за что ратуют правящие круги. КПЯ также резко критикует предложение Доклада по учреждению системы 6-летней школы средней ступени, так как она должна ввергнуть в «экзаменационный ад» детей более раннего, чем в настоящее время, возраста (предполагается, что при новой системе переходные экзамены будут не между второй и третьей ступенями, как сейчас, а между первой и второй)⁹².

Активную позицию в борьбе прогрессивных сил Японии за срыв правительственной программы перестройки системы просвещения занимает Всеяпонский профсоюз учителей (Никкёсо), объединяющий 590 тыс. преподавателей. Сразу же после представления на рассмотрение парламента законопроекта об учреждении Чрезвычайной комиссии, 27 марта 1984 г., Никкёсо опубликовал свое «мнение». В нем профсоюз решительно выступил против образования правительственной Чрезвычайной консультативной комиссии по реформе образования, указывая на то, что правящие круги получают возможность жестко контролировать формирование ее состава и обсуждать имеющие жизненную важность для интересов народа вопросы за закрытыми дверями, избегая гласности⁹³.

Парламентская деятельность ЛДП. В своей политической деятельности ЛДП широко применяет целый набор не только юридических, но и чисто парламентских методов борьбы с оппозицией, которые включают в себя широкий спектр мер, от открытого и жесткого противостояния с ней до блокирования той частью оппозиции, которая в идеологическом и практическом плане наиболее смыкается с позициями ЛДП. При этом руководство консерваторов опирается на обычно эффективно действующий механизм партийной дисциплины, который позволяет ЛДП, используя свое положение партии парламентского большинства, контролировать деятельность высшего законодательного органа страны и проводить в нем курс правительства.

Органом, в ведении которого находится организация конкретной парламентской деятельности ЛДП, является Комитет парламентской политики (Коккай тайсаку иинкай) в системе центрального аппарата этой партии. Комитет состоит из председателя и пяти заместителей и руководит всей парламентской деятельностью ЛДП. Он, в частности, решает процедурные вопросы: когда и в каком подразделении парламента организовать слушание законопроекта, как проводить голосование по нему и т. п.⁹⁴. Одним из главных аспектов деятельности Комитета является организация деятельности постоянных парламентских комиссий.

В 50—60-х годах, когда консерваторы обладали подавляющим большинством в парламенте, они не встречали особых трудностей в осуществлении своей парламентской деятельности. Тем не менее и в этот период им приходилось подчас использовать

особые приемы для проведения через парламент законопроектов, встречавших особенно ожесточенное сопротивление со стороны оппозиции. В отдельных случаях ЛДП даже прибегала к открытому насилию над оппозицией, что именуется в политическом лексиконе японских консерваторов «форсированным утверждением законопроектов» («кёко сайкэцу»). Характерным примером применения подобного способа преодоления обструкции оппозиции является ратификация японо-американского «договора безопасности» 1960 г., против которого решительно выступили широкие круги демократической общественности Японии. Только таким путем правящая партия добилась 13 мая 1960 г. утверждения в парламенте договора, юридически оформившего военно-политический союз между Японией и США⁹⁵.

Доминирующее положение в парламенте, однако, далеко не всегда обеспечивало либерал-демократам прохождение их законопроектов.

Основной формой повседневной борьбы оппозиции с правящей партией в парламенте является применение всевозможных процедурных методов и приемов, максимально используя в своих целях структурные особенности законодательного органа Японии, в первую очередь его повышенную по сравнению с парламентами многих других стран «вязкость» (английский термин — «viscosity»). Имеются в виду сравнительно небольшая продолжительность сессий, относительно большое значение второй палаты (палаты советников), решающая роль заимствованной из США системы парламентских комиссий и некоторые другие элементы, способствующие осуществлению оппозицией obstructive деятельности⁹⁶.

На протяжении всей послевоенной истории в условиях консервативного большинства японская оппозиция неизменно прибегала к так называемому процедурному контролю над деятельностью правительства. Он предполагает внесение различных предложений, запросы министрам и т. п. с целью направить дебаты по какой-либо проблеме в определенное русло и таким образом затянуть прохождение правительственных законопроектов. Подобная тактика была применена оппозицией, в частности, в апреле 1987 г., в ходе столкновения с правящей партией по вопросу о налоговой реформе (ее проект тогда, по крайней мере временно, был снят с повестки дня). Несколько дней подряд в палате представителей в качестве «чрезвычайных запросов» вносились на обсуждение вотумы недоверия членам правительства и парламентскому руководству из либерал-демократов⁹⁷.

Японская оппозиция нередко применяет тактику открытого затягивания самой процедуры голосования перед закрытием парламентской сессии, используя положения Закона о парламенте, которые запрещают автоматическое перенесение обсуждения законопроекта на следующую парламентскую сессию⁹⁸. В прошлом, в конце 50-х — начале 60-х годов, японский парла-

мент неоднократно становился ареной настоящих потасовок между депутатами оппозиции и правящей партии, когда первые, прибегая к «тактике коровьей поступи», просто-напросто блокировали подход к урне для голосования⁹⁹.

Обычным приемом оппозиции является также использование условий кворума. Согласно Закону о парламенте, для открытия дебатов и принятия решений на пленарных сессиях должно присутствовать не менее трети депутатов каждой из палат. Для парламентских комиссий это число должно на единицу превышать половину депутатских мандатов¹⁰⁰. Пытаясь сорвать обсуждение правительственных законопроектов, оппозиционные партии Японии не раз организовывали бойкот заседаний парламента, чем создавали дополнительные трудности для ЛДП.

Особенно упорное сопротивление в такой форме курсу правящей партии было оказано оппозицией в связи с известным «делом Танака». В октябре — ноябре 1983 г. бойкот оппозиции на несколько недель парализовал деятельность высшего представительного органа страны¹⁰¹.

ЛДП, со своей стороны, не остается в долгу. Одним из наиболее мощных орудий, используемых правящей партией в парламентской борьбе с оппозицией, считается право премьер-министра досрочно распускать нижнюю палату парламента (палату представителей), а также назначать новые парламентские выборы¹⁰².

Используя ст. 69 Конституции, согласно которой в случае вынесения вотума недоверия кабинету правительство может избежать выхода в отставку в полном составе, если палата представителей будет распущена в течение десяти дней после вынесения вотума, ЛДП неоднократно удавалось сломить сопротивление оппозиции в парламенте. Из 15 случаев досрочного роспуска палаты представителей в период с окончания войны и по лето 1986 г. они лишь в трех случаях были вызваны вынесением в парламенте вотума недоверия, а в остальных случаях связаны с тактическими маневрами правящей партии. Как показывает политическая практика послевоенной Японии, руководство консервативной партии в большинстве случаев прибегает к этому средству добровольно, надеясь при помощи его как ослабить оппозицию, так и увеличить свое представительство в нижней палате. Это вызвано тем, что досрочный роспуск палаты парламента практически всегда является невыгодным для оппозиции, так как требует от нее дополнительных затрат материальных средств и усилий, необходимых для проведения непредусмотренной предвыборной кампании. Именно это обстоятельство и явилось одним из важнейших факторов, позволивших ЛДП в результате проведения 22 июня 1980 г. «двойных выборов» (одновременно в обе палаты парламента) значительно увеличить свое представительство в высшем представительном органе страны¹⁰³, после чего в правящем лагере Японии был выдвинут лозунг «консервативного возрождения» («хосю кайки»).

Характерно при этом, что ЛДП всегда старалась избежать, несмотря на требования оппозиции, досрочного роспуска палаты представителей в периоды резкого падения своей популярности, что имело место, в частности, в 1958 г., после безуспешных попыток консерваторов добиться принятия законопроекта об «усилении полномочий полиции», или после вызвавшего в стране бурю протестов заключения японо-американского «договора безопасности» в 1960 г.¹⁰⁴.

Важное значение для успехов маневров ЛДП, направленных на сохранение в своих руках власти, имеет и то обстоятельство, что в ее руках имеется возможность назначать парламентские выборы на самые «благоприятные» для партии дни: когда наиболее консервативно настроенная часть населения, крестьянство, не занята своей работой и может принять участие в выборах (период после сбора урожая, религиозные праздники и т. д.).

В повседневной борьбе с обструкцией оппозиции правящая партия Японии широко использует полномочия должностных лиц парламента — председателей палат (спикеров) и председателей комиссий. По закону они обладают правом по своему усмотрению созывать пленарные заседания, составлять и произвольно менять повестку дня, ограничивать дебаты, призывать к порядку и т. п. Последние два полномочия дают либерал-демократам возможность прерывать прения по законопроектам в тех случаях, когда они развиваются в невыгодном для них направлении¹⁰⁵.

Так, во время ратификации японо-южнокорейского договора 1965 г., будучи не в силах никакими другими средствами преодолеть сопротивление оппозиции, ЛДП решила использовать положение «Правил палаты представителей», позволяющее председателю нижней палаты по собственному усмотрению менять повестку дня. Голосование по вопросу о ратификации было неожиданно проведено в самом начале пленарного заседания, когда многие депутаты оппозиции отсутствовали, что позволило консерваторам обеспечить себе «большинство»¹⁰⁶.

Традиционной уловкой ЛДП является также манипуляция с местом обсуждения законопроекта. Используя соответствующие положения, ЛДП, в зависимости от складывающейся ситуации, переносит обсуждение законопроекта с пленарного заседания палаты в соответствующую комиссию и наоборот. Нередко желаемый эффект дает перемещение законопроекта из одной парламентской комиссии в другую¹⁰⁷.

Весьма характерен следующий пример. Во второй половине 1976 г. ожесточенное сопротивление со стороны демократической оппозиции встретил правительственный законопроект о повышении тарифов за проезд на государственных железных дорогах. ЛДП тем не менее удалось провести законопроект через парламент путем следующей манипуляции. Голосование по законопроекту неожиданно было поставлено одновременно в бюджетной комиссии палаты советников и постоянной комиссии по во-

просам транспорта палаты представителей, соотношение сил в которых было благоприятным для консерваторов¹⁰⁸.

Политическая практика послевоенной Японии знает также немногочисленные случаи, когда ЛДП прибегает к излюбленному приему оппозиции — тактике всемерного затягивания обсуждения нежелательных законопроектов. Такая тактика была применена, например, в ходе пересмотра Закона о политических фондах, рассмотрение проекта о котором в парламенте заняло около семи лет (с 1968 по 1975 г.). Не решаясь открыто выступить против установления ограничений на «политические пожертвования» партиям и фракциям, консерваторы пошли по пути искусственного затягивания обсуждения проекта, стремясь не допустить требуемых оппозицией жестких ограничений на «пожертвования» монополий — финансовую базу ЛДП¹⁰⁹.

Рубеж 60—70-х годов стал важной вехой в послевоенной истории парламентаризма в Японии. В результате усиления тенденции к сокращению уровня поддержки консерваторов со стороны избирателей (они стали получать менее половины голосов, что обеспечивало лишь неустойчивое большинство в высшем представительном органе страны) в парламенте сложилось неблагоприятное для ЛДП положение, характеризовавшееся почти абсолютным равновесием сил между консерваторами и оппозиционными партиями. В связи с этим прохождение законопроектов стало встречать все больше препятствий. Так, 4 июля 1975 г. при голосовании в палате советников по проекту нового Закона о политических фондах голоса «за» и «против» разделились поровну, и законопроект был принят лишь благодаря голосу председателя — депутата от ЛДП. Это был беспрецедентный случай в истории японского парламентаризма¹¹⁰.

В работе парламентского механизма ЛДП наметились значительные перебои. Весной 1976 г., в период принятия Закона о бюджете на очередной финансовый год, три партии оппозиции (КПЯ, СПЯ и Комэйто) провели шестинедельный бойкот парламентских заседаний в знак протеста против коррупции в высших политических сферах страны, обнаружившейся в ходе расследования «дела Локхид». Лишь заручившись поддержкой парламентской фракции правореформистской Партии демократического социализма (ПДС), консерваторам удалось 9 апреля 1976 г., воспользовавшись отсутствием депутатов от КПЯ, СПЯ и Комэйто, утвердить законопроект о бюджете¹¹¹.

Более двух лет заняло законодательное оформление последнего, третьего пересмотра «антимонополистического законодательства» 1947 г. Лишь пойдя на ряд уступок под давлением демократической оппозиции, ЛДП удалось провести его через парламент¹¹².

Наиболее тревожной для консерваторов явилась утрата возможности полностью контролировать деятельность постоянных комиссий обеих палат парламента в результате потери большинства в некоторых из них¹¹³. После выборов в палату предста-

вителей в декабре 1976 г. представители оппозиции впервые за 18 лет получили назначения на должностные посты в парламенте. Депутат СПЯ был избран заместителем председателя палаты, в ряде постоянных комиссий ЛДП потеряла большинство, причем в четырех из них посты председателей были заняты депутатами оппозиции¹¹⁴.

Ослабление позиций консерваторов заставило их внести значительные коррективы в свою парламентскую политику. Видный деятель ЛДП Т. Мики, занимавший пост премьер-министра с декабря 1974 по декабрь 1976 г., заявил об отказе от открытой конфронтации с оппозицией и о переходе к политике «диалога и сотрудничества»¹¹⁵.

Стержнем курса ЛДП на «сотрудничество» с оппозицией во второй половине 70-х годов стало блокирование с партиями «среднего пути» при обсуждении в парламенте важнейших бюджетных законопроектов, являющихся в Японии одним из основных инструментов государственного регулирования экономикой.

В 1977 г. ЛДП заручилась поддержкой ПДС и консервативного Нового либерального клуба (НЛК). Депутаты этих партий проголосовали за правительственный проект бюджета, что позволило правящей партии, несмотря на свое меньшинство в бюджетной комиссии палаты представителей, добиться принятия в срок закона о бюджете на 1977/78 фин. год. Это был первый с 1956 г. случай сотрудничества между правящей партией и оппозицией при голосовании по бюджетному законопроекту¹¹⁶. Правда, кабинет Т. Фукуда (1976—1978) был вынужден пойти на изменения в первоначальном варианте бюджета (сумма налогов с населения была сокращена почти на 700 млрд. иен).

Несмотря на поддержку некоторых оппозиционных партий, правительству ЛДП, как и в описанном случае, неоднократно приходилось идти на существенные уступки требованиям прогрессивного лагеря. Так, было отсрочено утверждение законопроекта о повышении железнодорожных тарифов¹¹⁷. Крупной победой демократических сил Японии стало также решение кабинета М. Охира (1978—1980) об отказе от введения в 1980 г. всеобщего налога на потребительские товары в размере 5%¹¹⁸.

К началу 80-х годов правящая партия Японии смогла, однако, в значительной степени изменить внутривнутриполитическую ситуацию в свою пользу. Опираясь на обильную финансовую поддержку большого бизнеса, удовлетворенного тем, что после отставки Т. Мики в конце 1976 г. руководство в ЛДП захватили представители более консервативного «главного течения» («хонрю»), и вители более консервативного арсенала тактических средств, ЛДП удачно мобилизовав широкий спектр своих позиций в парламенте. В результате «двойных выборов» 1980 г. консерваторы получили (с учетом независимых, впоследствии присоединившихся к ЛДП) 296 мест в палате представителей и 135 — в палате советников, обеспечив себе, таким образом, стабильное большинство. ЛДП стала доминировать во всех постоянных комиссиях нижней и верх-

ней палат, причем во всех 16 постоянных комиссиях палаты представителей и в 11 — палаты советников стали председательствовать либерал-демократы¹¹⁹.

Изменение соотношения сил в парламенте сразу же ознаменовало собой новый поворот в политике ЛДП. Опираясь на свое абсолютное большинство в парламенте, правящая партия взяла курс на ускоренное проведение своих законопроектов.

Об этом свидетельствует уже первая после «двойных выборов», 94-я сессия парламента, работавшая с декабря 1980 по июнь 1981 г. Она дала наивысший со времени образования ЛДП процент прошедших правительственных законопроектов. Было принято 69 из 74 проектов, выдвинутых по инициативе правительства¹²⁰. Либерал-демократам удалось без всяких помех провести законопроект о бюджете на 1981/82 фин. г. Это был второй после февраля 1952 г. прецедент «молниеносного» принятия бюджета за всю послевоенную историю¹²¹.

Несмотря на недельный бойкот всеми оппозиционными партиями заседаний парламента, без всяких изменений был утвержден и правительственный проект бюджета на 1982/83 фин. г. Используя свое подавляющее большинство, ЛДП игнорировала требование оппозиции о снижении налогов на 1 трлн. иен¹²². Кабинету Я. Накасонэ, начавшему свою деятельность в конце 1982 г., также удалось без особых затруднений добиться одобрения парламентом законопроекта о бюджете на 1983/84 фин. г., предусматривавшем снижение государственных ассигнований на социальное страхование и образование¹²³.

Важным фактором, облегчающим правящей партии Японии проведение ее парламентской политики, стала соглашательская позиция части оппозиции. Начиная с середины 70-х годов НЛК, ПДС, а нередко и Комэйто все чаще солидаризируются с ЛДП по целому ряду вопросов. Они оказывали содействие консерваторам не только при проведении бюджетных законопроектов. Так, ЛДП получила поддержку части оппозиции при принятии поправок к «антимонополистическому законодательству». Вступивший в силу с июня 1979 г. Закон о легализации традиционной системы летосчисления, в основе которой лежат годы правления японских императоров, был проведен через парламент при содействии НЛК, ПДС и Комэйто¹²⁴. Начиная с ноября 1981 г., когда ПДС и Комэйто проголосовали в парламенте за правительственный проект Закона о временных специальных мерах по перестройке национальных финансов до 1984 г., связанный с программой административно-финансовой реформы¹²⁵, они фактически встали на позицию поддержки этого ключевого звена правительственной программы.

Анализ парламентской политики ЛДП показывает, что консерваторы всегда предпочитали жесткую политику в отношении оппозиции. Демагогически провозглашенная в середине 70-х годов политика «диалога и сотрудничества» была вынужденным шагом, на который правящая партия Японии пошла лишь из-за

резкого ослабления своих позиций в парламенте. Весьма характерно, что стабилизация консервативного режима после «двойных выборов» 1980 г. сразу же привела к отказу от поиска каких-либо компромиссов с оппозицией и возврату к политике, схожей с «диктатурой большинства» 60-х годов.

Положение практически не изменилось и после выборов 18 декабря 1983 г. Эти выборы, хотя и не принесли правящей партии Японии желаемых результатов (она получила в нижней палате парламента лишь 250 мандатов, или меньше 50% мест), консерваторы сумели расширить свое представительство за счет присоединения нескольких политиков, выступавших под вывеской «независимых». Кроме того, либерал-демократы вступили в коалицию со своим скрытым резервом — НЛК, восемь депутатов от которого влились в партийную группу ЛДП и несколько представителей которого получили министерские портфели. Считая девять «независимых», консерваторы стали обладать в палате представителей 267 мандатами, что обеспечило им необходимое, хотя и незначительное, большинство¹²⁶.

На парламентских выборах 6 июля 1986 г. одновременно в верхнюю и нижнюю палаты ЛДП, в силу целого ряда обстоятельств, добилась внушительной победы, опять завоевав абсолютное большинство (300 из 512 мест) в нижней палате парламента. После присоединения к парламентской группе консерваторов четырех независимых их численность в палате представителей стала, таким образом, составлять 304 человека. В палате советников, соотношение сил в которой изменилось не столь значительно, ЛДП получила 142 места, увеличив свое представительство на 11 мандатов.

Это самое большое число депутатских мандатов, полученных консерваторами начиная с 1955 г., когда была образована ЛДП, и наибольшая доля голосов избирателей начиная с 1963 г.¹²⁷

Успех ЛДП сразу же ознаменовался началом нового тура борьбы за решительную стабилизацию консервативного режима.

Внутрипартийные группировки

Одной из характерных особенностей ЛДП является наличие в ее парламентском представительстве в значительной степени независимых от центрального руководства группировок.

Высший эшелон ЛДП представляет собой в высшей степени усложненную, «многоярусную» структуру, в которой наряду с официально оформленной системой центральных партийных органов сосуществует параллельный механизм, включающий в себя несколько типов группировок (фракции, «группы по изучению политики» и «кланы»). Эти группировки, внешне строящиеся по клубному принципу, отличаются друг от друга как по степени формализации, так и по выполняемым функциям.

Наиболее изученным и неизменно привлекающим к себе внимание как в самой Японии, так и за ее пределами типом внут-

рипартийных группировок в ЛДП являются *фракции* (*хабацу*). Они представляют собой наиболее формализованные образования, в значительной степени независимые от центрального партийного руководства, с жесткой внутренней структурой, сложной иерархией субординационных отношений между их членами, собственными бюджетами.

До начала 1977 г., когда фракции были формально распущены, они являлись официальными объединениями в ЛДП, в которые входило подавляющее большинство депутатов-консерваторов в нижней палате и значительное число в верхней палате парламента. Фракции были зарегистрированы в министерстве по делам местной автономии как самостоятельные политические организации. Каждая из них имела свой штаб, или «контору» («*дзинмусё*»), штат секретарей, независимую от центральных финансовых органов партии кассу, установленное членство, четкую внутреннюю субординацию¹²⁸. По определению многих специалистов как в самой Японии, так и за ее пределами, ЛДП на протяжении всей своей истории, по сути дела, всегда представляла собой «федерацию фракций», лишь внешне сохраняя видимость единой партии.

Возникновение фракционных группировок в ЛДП в значительной степени связано с рядом серьезных изменений в структуре финансовой олигархии и монополистического капитала Японии, происшедших после окончания второй мировой войны.

В довоенный период «политические пожертвования» двум крупнейшим буржуазным партиям в Японии того времени, Сэйюкай и Минсейто, поступали практически исключительно от двух крупнейших «*дзайбацу*», соответственно Мицуи и Мицубиси. Распределение этих субсидий внутри партий проводилось централизованно партийным руководством, что исключало возникновение материальных предпосылок фракционности.

Распуск «*дзайбацу*» повлек за собой значительную децентрализацию монополистического капитала, что, в свою очередь, привело к существенным трансформациям форм его взаимоотношений с буржуазными политическими партиями. Лидеры последних оказались в новой ситуации, когда субсидии стали поступать из гораздо большего числа источников и в значительно меньших размерах. При этом представители деловых кругов чаще всего предпочитали делать свои взносы не в центральную партийную кассу, а тем или иным лидерам ЛДП. Это привело к установлению прочных связей между отдельными деятелями консервативной партии и различными группировками финансово-монополистического капитала и складыванию на основе «плюрализации» источников «политических пожертвований» и их децентрализованного распределения внутри партии фракционной системы¹²⁹.

Фракционность в ЛДП также в значительной степени определяется политически неоднородным составом этой партии, образовавшейся в ноябре 1955 г. в результате слияния более де-

сятка партий, группировок и политических организаций консервативного направления. Наиболее крупными из них, помимо Либеральной и Демократической, были Прогрессивная партия Японии (Нихон симпото) и Народно-кооперативная партия Японии (Нихон кёдотто)¹³⁰.

В качестве важной причины возникновения фракционности в правящей партии Японии известный специалист по ЛДП Утида также называет существование упоминавшейся выше системы «средних избирательных округов», которая вызывает появление в одном округе нескольких кандидатов-консерваторов, связанных с различными группировками внутри партии¹³¹.

Необходимо отметить также, что фракционность в ЛДП (так же как и в других политических партиях Японии, например в СПЯ) непосредственно связана с особенностями социальной психологии японского народа, с глубоко присущими ей патернализмом и склонностью к группированию. Весьма характерно в этой связи следующее образное высказывание покойного М. Охирэ: «Достаточно собраться троим, чтобы появилось две фракции»¹³². Фактически отношения между боссами и рядовыми членами партии определяются системой «оябун — кобун» (патрон — вассал), а не уставом и программой партии. ЛДП является типично элитарной партией, рядовые члены которой (даже обладающие мандатами депутата парламента) фактически низведены до положения простых исполнителей воли партийного руководства. При этом выделяется исключительная роль фракционного лидера («*рёсю*»). Как указывает профессор Токийского университета Т. Наканэ, «в большей степени, чем в какой-либо другой стране, квалификация лидера в Японии зависит от его возможности понимать своих людей и вызывать в них расположение к себе»¹³³.

Уже упоминавшийся американский исследователь Х. Фукуи отмечает: «Фракция как форма общности имеет в своей основе определенную нестабильность, так как ее единство... почти исключительно поконится на широкой сети двусторонних, в высшей степени личностных отношений, связывающих каждого члена фракции с ее лидером. Как правило, между лидером и его последователями нет какого-либо соглашения на идеологической или политической основе, в то же время связи между рядовыми членами фракции часто носят случайный характер. Более того, отношения между ними, по крайней мере в связи с распределением заранее назначений в будущем кабинете, нередко пропитаны духом соперничества. В результате складывается положение, при котором ослабление связей между лидером и его последователями (крайней формой чего является смерть лидера) немедленно начинает угрожать возникновением раздоров между членами фракции, которые даже могут привести в конечном счете к развалу фракции»¹³⁴.

Сравнивая фракционную систему в ЛДП и Социалистической партии Японии, Х. Фукуи отмечает, что в отличие от ли-

либерал-демократов основой фракционного размежевания в СПЯ являются в первую очередь идеологические разногласия. При этом он определяет фракции в ЛДП по аналогии с существовавшей в Древнем Риме системой клиентелы, как группировки, построенные по принципу отношений патрон — клиент¹³⁵.

За время существования ЛДП в ее фракционной структуре не раз происходили значительные изменения, связанные в первую очередь со смертью или отходом от политической деятельности лидеров фракций. В то же время для фракционной системы ЛДП характерны два момента. Во-первых, наиболее крупные фракции сохранили свою целостность даже после ухода их лидеров, что видно на примере фракций Н. Киси, Э. Сато, Х. Икэда, И. Коно и Т. Мики, руководство в которых было унаследовано соответственно Т. Фукуда (с 1986 г. — С. Абэ), К. Танака, (с начала 1987 г. — Н. Такэсита), Д. Судзуки (до него — М. Охира), Я. Накасонэ и Т. Комото. Во-вторых, подавляющее большинство депутатов от ЛДП в обеих палатах парламента сохраняет свою фракционную принадлежность. Так, по состоянию на конец 1986 г., вне фракций находилось лишь 16 парламентариев от правящей партии из 451, или менее 4%¹³⁶.

Исследование внутрипартийной истории ЛДП показывает также еще одну тенденцию в развитии фракционной системы — неуклонный процесс укрупнения фракций. Так, во второй половине 70-х годов в этой партии существовало восемь фракций или, как их часто именовали, «восемь дивизий» ЛДП («хакко сидан»). Они возглавлялись соответственно Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато, Б. Оно, Т. Мики, М. Исии, Т. Исибаси (А. Фудзияма).

Однако к концу 70-х годов фракционная система либерал-демократов трансформировалась в систему «пяти крупных фракций» («го дайхабацу») и целого ряда мелких группировок, часто именуемых «промежуточными фракциями» («тюкан хабацу»). Последние обычно тяготеют к более крупным группировкам. Генеалогия пяти существующих в настоящее время основных фракций показана ниже:

Декабрь 1946 г.	Июль 1960 г.	Ноябрь 1965 г.	Ноябрь 1970 г.
Н. Киси Э. Сато Х. Икэда И. Коно	Н. Киси Э. Сато Х. Икэда И. Коно	Т. Фукуда Э. Сато Х. Икэда И. Коно	Т. Фукуда К. Танака М. Охира Я. Накасонэ Т. Мики
Февраль 1975 г.	Февраль 1980 г.	Декабрь 1983 г.	Декабрь 1986 г.
Т. Фукуда К. Танака М. Охира Я. Накасонэ Т. Мики	Т. Фукуда К. Танака М. Охира Я. Накасонэ Т. Мики	Т. Фукуда К. Танака Д. Судзуки Я. Накасонэ Т. Комото	С. Абэ К. Танака ¹³⁷ (Н. Такэсита) К. Миядзава Я. Накасонэ Т. Комото

Соотношение сил между фракциями неоднократно менялось. После «двойных выборов» 6 июля 1986 г. оно сложилось следующим образом¹³⁸:

Фракция	Число членов в палате представителей	Число членов в палате советников	Общая численность
К. Танака	86	55	141
К. Миядзава	60	29	89
Я. Накасонэ	62	25	87
С. Абэ	56	28	84
Т. Комото	28	6	34
Вне фракции	15	1	16
Всего	307	144	451

Фракции в Либерально-демократической партии в связи с их происхождением принято делить на так называемые «главное течение»¹³⁹ («хонрю») и «побочное течение» («борю») консерваторов.

Основателем «главного течения» считается виднейший деятель ЛДП Сигэру Ёсида, его крупнейшими деятелями в 60-х годах — ныне покойные Нобускэ Киси, Хаято Икэда и Эйсаку Сато. Это направление ведет свое начало преимущественно от бывшей Либеральной партии.

В 70-х годах «главное течение» ЛДП представляли фракции Т. Фукуда, М. Охира и К. Танака. Сюда включают также фракции, руководимые в прошлом М. Мидзута, Э. Сиина, Н. Фунада и М. Исии.

«Главное течение» определяет внутреннюю и внешнюю политику послевоенной Японии. С его деятельностью официальная японская историография связывает восстановление разрушенной во время второй мировой войны японской экономики и политику «форсированного экономического роста» («кодо сэйтё»), приведшую к беспрецедентному «процветанию» Японии в 60-х годах. Именно политика «главного течения» способствовала возникновению нынешнего типа японского «истеблишмента» — теснейшего союза правящей партии, «большого бизнеса» и высшей бюрократии Японии.

Отличительной чертой «главного течения» является его особенно тесная связь с бюрократической элитой современной Японии. Многие видные деятели прошлого и настоящего этого направления ЛДП (Ёсида, Киси, Икэда, Сато, Фукуда, Охира, Сиина и др.) являются выходцами из высшей прослойки японского чиновничества. В этой связи фракции «главного течения» иногда называют «бюрократическими фракциями» («канрёха») в ЛДП.

По традиции «побочное течение» ЛДП считается преемником бывших Прогрессивной и Народно-кооперативной партий. В качестве его основателя называют Итиро Хатояма, виднейших представителей — ныне покойных Тандзан Исибаси, Итиро Ко-

но, Кэндзо Мацумура, Айтиро Фудзияма и др. Долгие годы это направление в консервативной партии представляли Ясухиро Накасонэ и Такэо Мики¹⁴⁰. В противовес «бюрократическим фракциям» «главного течения» ЛДП его «побочное течение» принято именовать «фракциями партийных политиков» («тодзинха»), т. е. политиков, не связанных с бюрократией, хотя и в этом крыле консервативной партии весьма значительна прослойка лиц, вышедших из среды высшего чиновничества Японии.

«Побочное течение» является группой меньшинства в Либерально-демократической партии. Его представители лишь эпизодически находились во главе послевоенной японской политики: Итиро Хатояма (I, II и III кабинеты) — с декабря 1954 по декабрь 1956 г., Тандзан Исикава — с декабря 1956 по февраль 1957 г., Такэо Мики (I и II кабинеты) — с декабря 1974 по декабрь 1976 г., Я. Накасонэ (I, II и III кабинеты) — с ноября 1982 по октябрь 1987 г.

Деятельность Я. Накасонэ после его прихода к власти полностью подтвердила верность укоренившегося за ним прозвища «флюгер». Утвердившись в кресле премьера, Я. Накасонэ, оставив свои бывшие «инсургентские» заявления, немедленно стал проводить политику, вполне удовлетворяющую «главное течение» ЛДП и большой бизнес. При этом курс кабинета Я. Накасонэ, провозгласившего необходимость «окончательного пересмотра всей послевоенной политики», был отмечен особой воинственностью, редкой даже для признанных «ястребов» в правящей партии Японии.

Столкновения между фракциями «главного» и «побочного» течений ЛДП, неоднократно происходившие на протяжении всей истории этой партии, тем не менее никогда не носили характера конфликта различных политических доктрин. Хотя фракции «главного течения» считаются более консервативными, это отнюдь не свидетельствует о том, что «побочное течение» является средоточием «голубей» в ЛДП, так как в обоих течениях мирно уживаются самые различные политические взгляды — от крайне правых до умеренно либеральных. При этом всех фракционных лидеров консервативной партии Японии всегда объединяло стремление увековечить в стране господство монополистического капитала. Разница между двумя течениями в ЛДП по сути заключается лишь в тактических средствах, которые они считают наиболее оптимальными для достижения общей цели. Если «главное течение» в большинстве случаев проводило курс на резкую конфронтацию с оппозицией, деятели «побочного течения» нередко проявляли стремление избегать жестких политических методов. В частности, в 1960 г. две фракции «побочного течения» (Мики и Коно) не приняли участия в «насилованном голосовании» по вопросу о ратификации японо-американского «договора безопасности»¹⁴¹.

Несмотря на определенные различия в политическом стиле обоих «течений» в ЛДП, граница между ними весьма условна

и в последние годы все в большей степени размывается. Тем не менее существование в партии двух формально различных «течений», равно как и само явление фракционности, неизменно используется лидерами ЛДП в пропагандистских целях, так как позволяет заявлять о «демократичности» своей организации. Эта версия поддерживается большинством буржуазных исследователей. Так, Х. Фукуи пишет: «ЛДП может претендовать на то, чтобы считаться замкнутой партийной системой, включающей в себя дюжину группировок, которые фактически являются партиями внутри партии. Эта система гарантирует, что власть периодически переходит от одной группировки к другой демократическим путем — посредством выборов председателя партии. Короче говоря, существование и сама сущность фракций позволили различным политическим взглядам и точкам зрения существовать на неформальном уровне, при этом в то же время не исчезает видимость единства партии на формальном уровне»¹⁴².

Весьма удачное определение фракционности в ЛДП дал, на наш взгляд, К. Утида, который пишет о «псевдосменяемости политических режимов» в консервативной партии Японии в результате циркуляции фракций¹⁴³.

Взаимоотношения между фракциями определяются духом соперничества, что связано с имманентно присущим каждой из них стремлением занять главенствующее положение в партии. В ходе борьбы за власть позиции фракций претерпевают различные изменения. Особенно острые формы приобретает борьба за пост председателя партии, открывающий путь к креслу премьер-министра. В ходе этой борьбы нередко образуются коалиции фракций, выдвигающие единого кандидата.

В этой связи принято еще одно крупное деление фракций в ЛДП: на так называемое «основное течение» («сюрюха») — фракции, кандидат которых выиграл на выборах председателя, и «антиосновное течение» («хансюрюха») — фракции, потерпевшие поражение на выборах. Фракции, занимавшие нейтральную позицию (это обычно мелкие фракции), называются «нейтральными», или «промежуточными», фракциями. «Антиосновное течение» составляет своеобразную оппозицию внутри ЛДП. Ниже приводится положение всех фракций ЛДП в 1976 — начале 1977 г., когда произошла ожесточенная вспышка межфракционной борьбы:

Период	«Основное течение»	«Промежуточные фракции»	«Антиосновное течение»
Первый кабинет Мики	Декабрь 1974 г. — май 1976 г. Май — август 1976 г.	Мики, Фукуда, Накасонэ, Охиро	Синна, Мидзута, Фунада, Исии
		Мики, Накасонэ, Фукуда	Мидзута, Фунада, Исии
			Синна, Танака, Охиро

Второй кабинет Мики	Сентябрь — декабрь 1976 г.	Мики, Накасонэ	Исин
Кабинет Фукуда	Декабрь 1976 г. — февраль 1977 г.	Фукуда, Охира, Танака, Сиина, Фунада, Мидзута	Исин

Фукуда, Танака, Сиина, Фунада, Мидзута, Мики, Накасонэ

Столкновения внутрипартийных фракций в ЛДП, обычно принимающие особенно острые формы перед и в ходе выборов ее председателя, неоднократно ставили партию в весьма сложное положение. Характерно, что фракционность ЛДП в значительной степени затрудняет реализацию уже много лет дискутируемого в правящих кругах страны плана учреждения второй консервативной партии. Создание в стране двухпартийной системы по типу американской мыслится как средство, которое позволило бы консерваторам не только обновить фасад режима ЛДП, но и обеспечить им подавляющее большинство в парламенте.

По сделанным в начале 70-х годов подсчетам японских политиков, для образования второй консервативной партии необходимо заручиться поддержкой не менее сотни депутатов парламента. Однако логика фракционной борьбы препятствует созданию в этом случае новой партии, так как лидер фракции такой численности вовсе не был бы заинтересован в выходе из ЛДП, так как обладал бы всеми возможностями прочно захватить в свои руки руководство в ней¹⁴⁴.

Совершенно очевидные негативные последствия фракционной раздробленности правящей партии Японии, особенно ярко проявляющиеся во время выборов ее председателя и в ходе кампаний по выборам в парламент, делают фракции излюбленной мишенью для критики в стране как «корень всех зол» ЛДП. Как правило, последние обвиняются с самых различных позиций в следующих пороках: они способствуют процветанию «закулисной политики», «препятствуют назначению подходящих людей на подходящие посты»¹⁴⁵, ослабляют единство партии и прочность руководства председателя ЛДП, не говоря уже о том, что порождают «плутократическую политику». Фракционная раздробленность ЛДП является одним из самых серьезных оснований для традиционных упреков в ее адрес по поводу «отсталости», «архаичности» организационной структуры партии¹⁴⁶.

Критика фракционной системы ЛДП, раздающаяся уже многие годы как со стороны прогрессивных сил, так и из консервативного лагеря страны, особенно усилилась в середине 70-х годов. Резкое снижение темпов экономического роста в стране с 1973 г., скандальная отставка в конце 1974 г. премьер-министра К. Танака, значительное укрепление положения в парламенте оппозиционных партий вызвали резкое раздражение главного спонсора ЛДП — монополистических кругов страны. Финансово-монополистический капитал сократил свои субсидии ЛДП и

высказал открытое недовольство ее политикой. Как писал в 1977 г. в статье, опубликованной в авторитетном журнале «Тюсиро», С. Нагано, в то время президент Торгово-промышленной палаты Японии, фракционная борьба в ЛДП ослабляет позиции консерваторов на выборах, так как приводит к соперничеству принадлежащих к разным фракциям кандидатов-консерваторов в одних и тех же избирательных округах. При этом, как с возмущением указывал этот виднейший представитель деловых кругов, громадные суммы, передаваемые ими консерваторам, идут на «финансирование межфракционного соперничества», а не на организацию сопротивления усилившемуся натиску оппозиционного лагеря¹⁴⁷.

Все это, и в первую очередь значительное сокращение бюджета, заставило руководство ЛДП искать выхода на путях каких-то внутрипартийных реформ, в том числе финансовой. Настоятельная необходимость реформы финансовой системы ЛДП диктовалась также некоторыми изменениями в японском законодательстве. Это было связано с принятием в 1975 г. Закона о политических фондах, установившего ограничения в размерах субсидий политическим партиям и фракциям. По новому закону, вступившему в действие с января 1976 г., максимальный размер «пожертвования» юридического лица партии был определен в 100 млн. иен в год, фракции и «политической организации» — 50 млн. иен¹⁴⁸.

Принятие нового закона, в значительной степени подорвавшего материальную базу ЛДП в целом и ее фракций, было связано как с настоятельными требованиями оппозиции, так и, что весьма характерно, с очередной вспышкой внутрипартийной борьбы в консервативной партии. Активными сторонниками пересмотра Закона о политических фондах явились группировки Т. Мики, в то время премьер-министра, и Я. Накасонэ. Этим шагом они стремились поднять свое политическое реноме, а также ослабить позиции своего противника, К. Танака, фракция которого была известна особенно обильными «политическими пожертвованиями»¹⁴⁹.

Таким образом, кабинет Т. Фукуда, пришедший в конце 1976 г., после резкой вспышки межфракционного соперничества, на смену кабинету Т. Мики, оказался перед настоятельной необходимостью наконец приступить к реализации дискутируемого уже много лет проекта организационной реформы ЛДП¹⁵⁰.

В качестве одной из важнейших задач реформы, проводившейся в 1977—1978 гг., была реорганизация «системы функционирования» партии, предполагавшая усиление роли центрального руководства в механизме ЛДП.

В ходе реализации этой задачи помимо широко разрекламированного «ропуска» фракций было осуществлено учреждение так называемой «Народной ассоциации в защиту свободного общества» («Дзю сякай-о мамору кокумин кайги», или «Дзю кокумин кайги»). Предполагалось, что в эту организацию, стро-

ящуюся по территориально-производственному принципу, должны входить «представители всех слоев общества, стремящиеся защищать и развивать свободное общество», которые, формально находясь вне ЛДП, являлись бы «друзьями партии» («тою») и оказывали бы ей материальную и иную поддержку.¹⁵¹

На очередном XXXII съезде ЛДП, состоявшемся 26 января 1977 г., кроме того, было принято решение о резком увеличении (примерно с 500 тыс. человек до 2 млн. человек) численности правящей партии. При этом предполагалось сделать поступления от членских взносов, до этого составлявших ничтожную долю в бюджете ЛДП, одним из важнейших источников ее финансирования.¹⁵²

Однако анализ системы функционирования ЛДП после 1977 г. показывает, что значительных изменений в ее внутреннем механизме не произошло.

Что касается численности ЛДП, публикуемые ею данные показывают после 1977 г. резкое увеличение, хотя и нестабильное, числа рядовых членов партии (тыс. человек).¹⁵³

1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.
455	1406	3210	1423	1167	2578	2478

Тем не менее резкий рост численности партии имел чисто формальный характер и не привел к желаемым результатам. Оказалось, что, как и прежде, подавляющее большинство членов ЛДП состоит в партии чисто номинально. При этом широкое распространение приняла уплата фракционными боссами взносов за новых членов партии, чтобы обеспечить себе необходимое число голосов на выборах председателя ЛДП.

О неизменной слабости низовых организаций ЛДП ярко свидетельствует, в частности, факт необычайно высокого уровня абсентеизма на всеобщих выборах 18 декабря 1983 г. В них приняло участие лишь 67,9% избирателей — самый низкий уровень за всю послевоенную историю. Весьма характерно при этом, что, как выяснилось, необычно холодная погода в этот день заставила воздержаться от голосования в первую очередь избирателей, выступающих за консерваторов, а не за оппозиционные партии.¹⁵⁴

Несмотря на формальный роспуск фракций, они не потеряли своей важнейшей роли в системе функционирования консервативной партии. По-прежнему на фракционном уровне осуществляются такие функции, как сбор «политических пожертвований», материальная поддержка депутатов от правящей партии на выборах и т. д.

Характерно, что сами деятели ЛДП с самого начала весьма скептически относились к широко разрекламированной «ликвидации» фракций. Так, когда на XXXIV съезде ЛДП, состоявшемся 20 января 1978 г., через год после начала организационной реформы, М. Охирэ, в то время генеральный секретарь

партии, сказал: «В течение прошлого года существовавшие фракции были распущены одна за другой», в зале раздался смех.¹⁵⁵ А осенью 1980 г. руководство ЛДП уже открыто отказалось от былых намерений хотя бы чисто декоративно избавиться от фракционности, этого «корня всех зол» консерваторов. Генеральный секретарь ЛДП И. Сакураути прямо заявил, что признание деятельности внутрипартийных фракций отвечает принципам партии.¹⁵⁶

Фракции продолжают составлять структурную основу ЛДП. Являясь «плотью от плоти» либерал-демократов, они выполняют целый ряд важнейших функций, имеющих жизненное значение для деятельности консервативной партии Японии. Это в первую очередь сбор и распределение «политических фондов» (пожертвований из внешних источников, главным образом предпринимательских кругов, составляющих львиную долю как центрального бюджета ЛДП, так и отдельных фракций), осуществление кадровой политики (распределение пополнения партийного аппарата и правительстве), рекрутирование рядов партии.

«Единственный смысл существования фракции, — писал гонконгский еженедельник „Фар истерн экономик ревью“, — это ее перспектива стать в конце концов фракцией премьер-министра».¹⁵⁷ Это утверждение во многом верно, так как при сложившейся в ЛДП практике, как правило, лишь фракционная принадлежность может дать депутату-консерватору перспективу, особенно в случае достижения его боссом поста председателя партии, успешного продвижения по лестнице партийной и государственной иерархии. Это обстоятельство весьма важно для понимания принципов функционирования фракционных группировок в ЛДП. Фактически правительство Японии и высшее руководство партии всегда (за небольшим исключением) формируются на основе двух связанных с фракционной принадлежностью принципов: стажа пребывания депутата от ЛДП в данной фракции и так называемого «принципа равновесия фракций». Последний предполагает представление в кабинете министров или партийном руководстве не только сторонников председателя ЛДП, но и более или менее равномерного представительства в них и других фракций.

При распределении высших правительственных и партийных должностей неизменно строго соблюдается очередность, основанная на продолжительности парламентского стажа депутатов ЛДП. Проведенные в середине 80-х годов исследования типологии карьер либерал-демократов показали, что для назначения на министерский пост необходимо большинство всех лиц пяти сроков, при этом подавляющее большинство со временем образования (87,5%), имевших назначения в кабинете девять раз и больше (по состоянию на 1 марта 1986 г.)¹⁵⁸. Весьма характерна существующая в ЛДП практика заблаговременного распределения по-

стов в кабинете министров и в партийном руководстве, отчасти напоминающая систему формирования альтернативных, «теневых» кабинетов в Великобритании.

Аморфность горизонтальных связей во фракциях ЛДП, слабость коммуникаций между их рядовыми членами, практическое отсутствие какого-либо идеологического соглашения между ними и лидером образуют своеобразный мировоззренческо-политический вакуум. Заполнить его призваны внутривнутрипартийные группировки другого типа — «группы по изучению политики» («сэйсаку сюдан»).

Отличительной особенностью «групп по изучению политики» является надфракционная основа их организации, допускающая одновременное членство в нескольких «группах». Кроме того, в некоторые из них входят представители внепарламентских кругов: правительственные чиновники, академические деятели, бизнесмены. Последние особенно широко представлены в связанной с видным консервативным деятелем К. Миядзава «Обществе по изучению свободного общества» («Дзию сякай кэнкюкай») ¹⁵⁹.

«Группы по изучению политики», существующие в ЛДП почти столько же времени, сколько и сама партия, обычно создавались либо в период обострения борьбы за власть в ЛДП, либо для решения каких-либо задач внутри- или внешнеполитического характера. В качестве примера «группы» первого типа можно назвать так называемый «Совет за упрочение партийного единства» («Кётокё»), который во второй половине 1976 г. объединил противников тогдашнего премьер-министра Т. Мики. А такие известные надфракционные группировки, как возникшее в 1965 г. «Общество по изучению проблем Азии и Африки» (до 1976 г. его директором-распорядителем был Т. Уцуномия, сыгравший в свое время видную роль в нормализации японо-китайских отношений) и существующие с 1973 г. «Общество молодой бури» («Сэйранкай»), объединение «ястребов» в ЛДП, представляют группировки второго типа. Существуют также группировки, строящиеся на возрастном принципе или принципе одинакового стажа пребывания в парламенте. К ним относится, в частности, Сёвакай (Общество эры Сёва), объединяющая депутатов-консерваторов, родившихся в период Сёва (по традиционному японскому летосчислению), т. е. после 1925 г.

Особенно много новых «групп по изучению политики» стало возникать в 1977—1978 гг., в период проведения организационной реформы ЛДП. К концу 1977 г. в партии действовало около двух десятков подобных группировок, которые объединяли подавляющее большинство (около 90%) всех депутатов-консерваторов ¹⁶⁰.

Весьма характерно, что созданию новых надфракционных группировок в ходе организационной реформы ЛДП была придана широкая гласность. Этим руководство партии, традиционным приемом которого является тактика смены «имиджа» в кри-

тических ситуациях, стремилось добиться рассчитанного на общественность страны пропагандистского эффекта — создать новым образованиям в партии видимость «открытых» объединений, строящихся на «демократической основе».

Однако в последние годы наблюдается значительное сокращение как числа групп, так и масштабов их деятельности. К концу 1986 г. в ЛДП было официально зарегистрировано лишь семь «групп», в которых числилось не более половины депутатов-консерваторов ¹⁶¹.

К началу 80-х годов практически прекратили свое существование упоминавшиеся выше «Общество по изучению проблем Азии и Африки» и «Общество молодой бури», уже несколько лет нет никаких упоминаний о «Совете за упрочение партийного единства».

Являясь наименее стабильным типом внутривнутрипартийных группировок в ЛДП, «группы по изучению политики» представляют собой не более чем дискуссионные клубы и играют весьма незначительную роль в процессе принятия политических решений в ЛДП.

Основное место в этом процессе занимают группировки иного типа, именуемые в политическом лексиконе Японии «кланами» («дзоку») (см. главу третью).

«Кланы» — наиболее «молодые» и наименее изученные формации в ЛДП. Известный японский специалист С. Сато определяет их как «объединения ветеранов парламента, являющихся профессионалами в определенных областях государственного управления и имеющих опыт пребывания на постах парламентского заместителя министра, начальника секции Совета по изучению политических вопросов, председателя комиссии парламента, государственного министра» ¹⁶². Они «оказывают сильное повседневное воздействие на формирование определенной политики, входящей в компетенцию того или иного государственного ведомства» ¹⁶³.

Возникновение «кланов» обычно относят к 60-м годам, причем особое внимание к себе они стали привлекать с 70-х годов в связи со значительным увеличением роли неоднократно упоминавшегося выше Совета по изучению политических вопросов (Сэйму тэсакай) ЛДП, этой главной арены деятельности «кланов».

Как пишут авторы книги «Совет по изучению политических вопросов ЛДП», «в настоящее время лоббистами в Японии можно назвать депутатов парламента от ЛДП. Все — и крупные, и небольшие — предпринимательские организации и отдельные корпорации стремятся иметь собственных „депутатов-консультантов“, становящихся лоббистами. Ареной их деятельности и становится Совет по изучению политических вопросов» ¹⁶⁴.

Исследование «кланов» представляется крайне сложной задачей в силу самого характера их деятельности — проведения лоббистских интересов самых различных «групп давления», что,

как само собой разумеется, никогда и нигде не являлось предметом широкой гласности.

Известно, что в середине 80-х годов существовало около двух десятков «кланов». В качестве наиболее влиятельных группировок этого типа можно назвать следующие: «клан внешней политики» («гайко дзоку»), «клан национальной обороны» («юкубо дзоку»), «финансовый клан» («дзайсэй дзоку»), «клан торговли и промышленности» («сёко дзоку»), несколько группировок, связанных с сельским и лесным хозяйством и рыболовством, «клан перевозок» («унью дзоку»), «строительный клан» («кэнсэцу дзоку») и некоторые другие¹⁶⁵.

Во внутренней структуре «кланов», весьма аморфной и не идущей ни в какое сравнение со строжайшей внутренней иерархией фракций, в то же время отчетливо прослеживается характерная для всех японских групп, как больших, так и малых, система старшинства, формального лидерства (обычно называемая общим термином «измото сэй»). Роль координаторов деятельности «кланов» выполняют наиболее «почтенные» консервативные деятели, нередко играющие видную роль в соответствующих фракциях. Так, в «клане внешней политики» выделяется роль Т. Мики, Т. Фукуда, К. Миядзава, Дз. Абэ¹⁶⁶.

Прослеживаются определенные организационные связи между фракциями и «кланами». Так, известно, что в начале 80-х годов фракция К. Танака доминировала в «финансовом клане», «клане связи» и «клане перевозок», Дз. Судзуки — в «клане», занимающемся социальными проблемами, Т. Фукуда — в «клане» проблем просвещения. Весьма характерно, что в трех «кланах», считающихся наиболее престижными (торговли и промышленности, строительства, сельского и лесного хозяйства), наблюдаются «дружеское сотрудничество» различных фракций, которые здесь «мирно сосуществуют»¹⁶⁷.

«Кланы» в ЛДП выполняют, по нашему мнению, роль связующего звена между «группами давления», с одной стороны, и «штабом» ЛДП и государственно-административным аппаратом, в недрах которого вырабатывается, при теснейшем согласовании со всеми заинтересованными группировками, львиная доля законопроектов, выносимых впоследствии на рассмотрение парламента от лица правительства, — с другой. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что костяк «кланов» составляют лица, имеющие в прошлом опыт государственной службы, во время пребывания на которой, как правило, завязываются необходимые контакты с предпринимательскими кругами¹⁶⁸.

Таким образом, уникальной особенностью правящей партии Японии является сосуществование в ее высшем эшелоне нескольких типов группировок, каждый из которых призван выполнять свои специфические функции. В случае фракций — это организационные фракции, в первую очередь финансовые и кадровые, «группы по изучению политики» — главным образом функция генерации идей и мнений по самому широкому кругу во-

просов, «кланов» — лоббистские группировки.

Базисным типом внутрипартийных группировок в ЛДП являются фракции, обеспечивающие жизнедеятельность партии и включающие в себя подавляющее большинство парламентариев-консерваторов. Весьма примечательно при этом, что участие в «надстроечных» группировках («группах по изучению политики» и «кланах») отнюдь не прерывает фракционных связей либерал-демократов, более того, широко практикуется перекрестное членство.

За редким исключением, все группировки в ЛДП отличаются ярко выраженный деидеологизированный характер, прагматичность в подходе к решению политических вопросов. Многочисленные попытки классифицировать фракции по политическим и идеологическим признакам неизменно заканчивались неудачей в силу подчас удивительного симбиоза в одних и тех же группировках политиков самой разной ориентации. Весьма характерна при этом отчетливая тенденция к сворачиванию в 80-х годах деятельности «групп по изучению политики», еще в 60—70-х годах демонстрировавших различные подходы к целому ряду важных внутри- и внешнеполитических проблем.

Бесспорно, межфракционное соперничество неизменно являлось и продолжает являться мощным дестабилизирующим фактором консервативного режима в Японии. В то же время определенное укрепление этого режима с начала 80-х годов, до этого находившегося в весьма неустойчивом положении, ознаменовало собой заметное сглаживание фракционных распри, накал которых, на наш взгляд, всегда в немалой степени преувеличивался японской прессой. Вместе с тем прослеживается определенная обратная связь между прочностью позиции правящей партии в целом и степенью ее внутрипартийного единства, что позволяет предположить обострение конфликтов в ЛДП в недалеком будущем, в особенности в связи с предстоящей в конце 80-х годов сменой поколений в ее руководстве.

Исследование внутрипартийной структуры ЛДП отчетливо показывает также особенно характерную для правящих кругов Японии тенденцию к формированию параллельных механизмов реальной власти, действующих в обход, а подчас и независимо от официальных институтов, существующих не только на уровне системы государственного управления, но и внутри самой правящей партии, что подчас сводит на нет многие буржуазно-демократические гарантии и нормы.

Система финансирования

Отличительной особенностью ЛДП Японии является отсутствие у нее надежных источников самофинансирования, в качестве которых могли бы выступать доходы от распространения партийных изданий, выходящих массовым тиражом, или стабиль-

ные поступления в виде членских взносов, как это имеет место в случае таких партий, как КПЯ или Комэйто. Ее бюджет практически полностью формируется из внешних дотаций, «политических пожертвований» («сэйдзи кэнкин»), как их принято именовать в современной Японии.

При этом в партии сложилась крайне сложная система формирования ее партийного бюджета, функционирующая на трех основных уровнях: центральное руководство ЛДП; фракционные группировки; отдельные консервативные политики, которые также вносят определенную лепту в формирование «политических фондов» («сэйдзи сикин») ЛДП. Так, структура доходной части бюджета ЛДП на конец 1981 г. имела такой вид¹⁶⁹:

Статья дохода	%
Членские взносы	9,7
Индивидуальные пожертвования	2,1
Пожертвования корпораций	75,3
Предпринимательская деятельность	8,4
Остальное	4,5

Как видно из приведенных данных, основным источником поступлений в кассу ЛДП являются субсидии монополистических объединений. Предпринятые в ходе организационной реформы ЛДП 1977—1978 гг. попытки расширить источники самфинансирования партии, как и следовало ожидать, не принесли желаемых результатов, и членские взносы по-прежнему составляют ничтожную часть бюджета партии.

Субсидируя консерваторов, деловые круги Японии преследуют вполне определенные цели: во-первых, содействовать сохранению власти в стране в руках своего испытанного политического агента и, во-вторых, используя различные финансовые рычаги, направлять государственную политику в выгодное для себя русло. В этой связи весьма показательны высказывания бывшего президента Торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано: «Когда в дамбе на реке появляются трещины, становится необходимым нанять строителей. Но старейшинам деревни не подобает самим принимать участие в ремонте дамбы. В подобных случаях им следует лишь выложить денежки. Другими словами, нужно платить, когда хочешь оказать поддержку той политике, которую считаешь выгодной. Это и есть пожертвования корпораций Либерально-демократической партии»¹⁷¹.

С момента создания ЛДП правящие круги страны настойчиво искали наиболее эффективные формы ее финансирования, которые позволили бы им, с одной стороны, обильно снабжать либерал-демократов денежными средствами, а с другой — скрывать источники поступления этих средств от общественности страны. До 1961 г. деловые круги страны субсидировали либерал-демократов через Общество экономической реконструкции (Кэйдзай сайкэн конданкай), которое затем было реорганизовано в так называемую Народную ассоциацию (Кокумин кёкай), действовавшую до конца 1974 г.

В январе 1975 г. кабинет Т. Мики, пришедший на смену кабинету К. Танака, объявил о создании вместо Народной ассоциации так называемой Народной политической ассоциации (Кокумин сэйдзи кёкай). Была предпринята попытка придать Кокумин сэйдзи кёкай, во главе которой встал бывший председатель ЛДП И. Маэда, видимость массовой надпартийной организации. В частности, было заявлено о том, что Ассоциация будет финансировать не только ЛДП, но и оппозиционные партии. Однако, хотя Кокумин сэйдзи кёкай и передавала незначительные суммы ПДС, фактически она сразу же стала крупнейшим каналом сбора средств для консерваторов. Так, в 1977 г. из 10 млрд. иен, полученных штабом консерваторов, 8,1 млрд. или около 80%, поступило через Кокумин сэйдзи кёкай¹⁷².

Фонды Народной политической ассоциации складываются из регулярных взносов ее индивидуальных и коллективных членов, а также из средств, собираемых в ходе единовременных кампаний. В 1976 г. в Кокумин сэйдзи кёкай было, по ориентировочным оценкам, примерно 5 тыс. коллективных и 66 тыс. индивидуальных членов. Подавляющая доля средств, собираемых Ассоциацией, поступает от корпораций, участвующих в ее деятельности в качестве юридических лиц¹⁷³.

Характерная для ЛДП система сбора средств через различные посреднические организации¹⁷⁴ крайне затрудняет попытки проследить источники ее «политических пожертвований», которые в подавляющем большинстве случаев остаются неизвестными не только общественности страны, но и рядовым либерал-демократам. Так, в 1975 г., по официальным данным, доля доходов ЛДП с «ясным» источником составила 77%. Однако, как указывал ежегодник газеты «Асахи», этот процент отражал исключительно поступления от Народной политической ассоциации, составившие в том году 8,8 млрд. иен. Тем не менее из общей суммы стал известен лишь спонсор взноса в 7,9 млн. иен, каковым явилась Японская ассоциация электротехнической промышленности. Таким образом, в действительности процент, отражающий долю «ясных» субсидий, получаемых ЛДП, составил для этого года лишь 0,1%¹⁷⁵.

Помимо централизованного сбора средств для ЛДП через Народную политическую ассоциацию, в которой главную координирующую роль играет Кэйданрэн, в послевоенной Японии сложилась также такая специфическая форма субсидирования консервативной партии, как погашение крупными банками векселей, предъявляемых генеральным секретарем ЛДП. При помощи подобного типа финансирования, именуемого в деловых кругах «капиталовложениями» в правящую партию, последней удалось к середине 70-х годов получить примерно 10 млрд. иен. Естественно, что никакой речи о возвращении сумм, предоставляемых руководству ЛДП в виде «капиталовложений», не может быть и речи¹⁷⁶.

Связи правящей партии с частными финансовыми учрежде-

ними не исчерпываются получением субсидий от крупнейших частных банков. Значительные «пожертвования» поступают в центральную кассу ЛДП также от холдинговых и страховых компаний различного типа. Ведущую роль среди них играет Токийская ассоциация холдинговых компаний, в которую входит 80 компаний. Она является одним из наиболее крупных каналов субсидирования ЛДП, механизм действия которого скрыт глухой завесой тайны. Тем не менее известно, что холдинговые компании, получая в доверительном порядке сведения о тех или иных планируемых акциях правительства, используют изменения конъюнктуры на рынке ценных бумаг для получения громадных прибылей, часть которых передается в казну ЛДП. Холдинговые компании оказывают также содействие либерал-демократам при операциях с акциями и предоставляют, по сути дела, им кобвенные субсидии в форме курсовой разницы¹⁷⁷.

Помимо субсидий, получаемых ЛДП в централизованном порядке, большие денежные суммы поступают в распоряжение фракций, традиционно обладающих независимыми от «штаба» ЛДП кассами. Согласно официальным данным, в 1975 г. пять крупнейших фракций (в то время возглавлявшихся соответственно Т. Фукуда, К. Танака, М. Охира, Т. Мики и Я. Накасонэ) собрали свыше 5 млрд. иен, что составило 44% общей суммы в 11,5 млрд. иен, поступивших в центральную партийную кассу ЛДП¹⁷⁸. При этом предполагается, что, хотя Кэйданрэн, как правило, и предпочитает не финансировать отдельные группировки в правящей партии, пытаясь этим в какой-то степени стимулировать единство ее рядов, в действительности размеры бюджетов фракций значительно крупнее декларируемых сумм¹⁷⁹.

Отличительной чертой деятельности фракций по сбору «политических пожертвований» является особая завуалированность источников их финансирования. В среднем лишь не более 10–20% этих источников становятся достоянием гласности, так же как и размеры «пожертвований»¹⁸⁰. Этому в значительной степени способствует то обстоятельство, что фракции ЛДП, как и ее «штаб», финансируются через специальные посреднические организации, «общества поддержки» («коэнкай»), в значительной степени выполняющие те же функции, что и Народная политическая ассоциация. По своей организации и системе функционирования «коэнкай» в определенной степени схожи с известными «машинами для голосования», являющимися неотъемлемым элементом внутриполитической жизни США¹⁸¹.

Плотная завеса тайны, скрывающая доходы фракций ЛДП, также связана с несомненной причастностью большинства фракционных боссов к так называемым «темным фондам» («ура-но сикин»), т. е. получению взяток.

Как выяснилось в ходе расследования «дела Локхид», большинство виднейших деятелей ЛДП было в той или иной форме причастно к незаконным махинациям этой американской авиационной корпорации. Было установлено, что контакты с

Е. Кодама, одним из ведущих деятелей ультраправого движения, через руки которого прошла большая часть 12 млн. долларов, выплаченных «Локхид» в Японии, поддерживали не только бывший премьер-министр К. Танака, но и многие другие лидеры ЛДП, включая М. Охира, Н. Киси, Т. Фукуда, Я. Накасонэ¹⁸².

Получаемые столь неблагоприятным путем денежные суммы впоследствии распределяются партийными боссами ЛДП внутри своих фракций. Неудивительно, что консервативные политики стремятся помешать разоблачению нечестных источников формирования своих «политических фондов» и скрывают свои закулисные связи с деловыми кругами не только от широкой общественности, но и от рядовых членов своих фракций.

Помимо центральных органов ЛДП и ее фракций значительные денежные суммы поступают также в распоряжение партии на индивидуальном уровне. И в этом случае для сбора субсидий используются посреднические организации, имеющиеся у многих консервативных политиков. Так, депутат верхней палаты парламента от ЛДП писатель Синтаро Исихара, известный своими правыми взглядами, опирается на семь «обществ поддержки»¹⁸³.

Имеют значительные поступления «политические организации» ряда известных консервативных деятелей. Так, в 1978 г. «Общество по изучению новой экономики промышленности» Нобору Такэсита из фракции К. Танака декларировало доход в 134,2 млн. иен, «Общество циновки» бывшего министра иностранных дел Киики Миядзава — 122,6 млн. иен¹⁸⁴.

Специфической формой сбора средств для консервативной партии является организация на всех уровнях специальных вечеров, проводящихся под вывеской просветительских или культурных мероприятий. Эти вечера, стоимость билетов на которые варьируется от 20 до 50 тыс. иен и выше, получили особое распространение со второй половины 70-х годов. Так, на проводившемся в середине мая 1986 г. приеме в честь С. Эбэ, в то время министра иностранных дел, было распространено 70 тыс. специальных билетов стоимостью 30 тыс. иен каждый¹⁸⁵. Как отмечают японские комментаторы, привлечение средств при помощи подобных мероприятий является очень удобным как для ЛДП, так и для деловых кругов, так как эти средства не подпадают под ограничения, установленные Законом о политических фондах от 1975 г. Предприниматели, в свою очередь, могут проводить передаваемые ЛДП посредством участия в этих вечерах суммы по статье представительских расходов, что позволяет им получать налоговые льготы¹⁸⁶.

Политические субсидии являются реальным средством давления на правящую партию Японии, позволяющим финансово-монополистическому капиталу осуществлять контроль над правительством. Зависимость ЛДП от «политических пожертвований» позволяет деловым кругам и их отдельным группировкам не только воздействовать на парламент и аппарат исполнитель-

ной власти, но и оказывать влияние на принятие решений по конкретным вопросам, затрагивающим их интересы, оказывать прямое или косвенное лоббистское воздействие на правящую партию.

В политической практике послевоенной Японии встречаются тем не менее случаи, когда возникающие время от времени конфликты между ЛДП и ее спонсорами отражаются на процессе принятия решений в партии. Так, в начале 1980 г. основная масса депутатов от ЛДП во главе с председателем ее парламентской фракции в верхней палате М. Токунага выступила против планируемого повышения тарифов за пользование электроэнергией. Подобная позиция консерваторов, как указывают японские комментаторы, была связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, со стремлением «отомстить» электротехническим компаниям, которые с конца 1974 г. после скандала с К. Танака перестали давать «пожертвования» ЛДП, хотя их директора и продолжают делать ежемесячные личные взносы в Народную политическую ассоциацию. Во-вторых, с тем обстоятельством, что консервативная партия практически не зависит от голосов работников электротехнических компаний, объединенных в Федерацию союзов электротехнических работников, традиционно поддерживающую Партию демократического социализма¹⁸⁷.

Особенности структуры и методов деятельности ЛДП отчетливо проявляются не только в том, какими способами и по каким каналам формируются ее «политические фонды», но и в том, как расходуются получаемые ею субсидии.

Наиболее крупной статьей расходов ЛДП, безусловно, является организация предвыборных кампаний, от года к году требующая все больших затрат. Например, как показывают данные за 1976 г., из общей суммы в 10 млрд. иен, полученных либерал-демократами по различным каналам в этом году, 6,6 млрд. иен, или более двух третей, составили затраты по организации кампании по проведению состоявшихся в том году всеобщих выборов¹⁸⁸.

В ЛДП сложилась практика, согласно которой каждый кандидат, исключая его личные фонды, получает перед выборами поддержку из двух источников: от штаб-квартиры партии и от руководства своей фракции. Размеры последней обычно не публикуются; что же касается централизованных субсидий, то о них дают представление данные о распределении фондов ЛДП перед выборами 7 октября 1979 г. Половина из 8 млрд. иен, предназначенных на проведение предвыборной кампании, была выделена для распределения между почти 300 кандидатами от ЛДП, каждый из которых получил примерно по 12 млн. иен. Наряду с этим около 4 млрд. иен было ассигновано для организации предвыборных турне председателя ЛДП М. Охира и других лидеров консерваторов¹⁸⁹. Во время проведения «двойных выборов» 22 июля 1980 г. средние расходы кандидата от ЛДП, баллотировавшегося в палату советников, составили око-

до 500 млн. иен¹⁹⁰. Были зарегистрированы случаи, когда для достижения успеха эта сумма превышала 1 млрд. иен. Так, во время «двойных выборов» 6 июля 1986 г. фонды трех «новых лидеров» ЛДП (Н. Такэсита, С. Эбэ и К. Миядзава) составили внушительные суммы в 4, 3 и 2 млрд. иен соответственно¹⁹¹.

В текущих расходах ЛДП можно выделить две группы: расходы на осуществление внешних контактов и различные расходы, связанные с организацией нормального функционирования партии.

К первой группе относятся так называемые «расходы по проведению парламентской политики». Они подразумевают организацию «дружеских встреч» и «совещаний по согласованию мнений» с представителями оппозиционных партий, главным образом Комэйто и ПДС. Необходимость в подобных мероприятиях, обычно проводимых в дорогих ресторанах столичного района Акасака, возникает всякий раз, когда очередной правительственный законопроект встречает obstruction со стороны оппозиции¹⁹².

Постоянной статьей расходов ЛДП, связанной с ее организационной деятельностью, помимо обычных для любой партии расходов по содержанию аппарата является регулярная выплата особых субсидий депутатам-консерваторам. Необходимость подобных выплат связана с тем, что ежемесячного жалования парламентария часто недостаточно для эффективного осуществления всех видов связанной с его положением деятельности, таких, как рассылка пропагандистских материалов, различного рода представительства и т. д. Интересные сведения в этом отношении приводит журнал «Токио бизнес тудэй». В середине 1986 г. ежемесячное жалование депутата парламента составляло 1 025 000 иен (6 тыс. долл.) плюс ежегодная единовременная выплата в размере 4 868 750 иен (28 тыс. долл.) и пособие для покрытия содержания штата из двух секретарей, транспортных и почтовых расходов¹⁹³.

Практика показывает, что в среднем депутату от ЛДП требуются для эффективного осуществления своей деятельности средства, в десять раз превышающие суммы официального жалования (при этом в годы выборов его расходы увеличиваются еще в несколько раз).

За исключением немногочисленных консерваторов, обладающих крупным личным состоянием, в подавляющем большинстве случаев такие средства может дать лишь фракционная принадлежность. В особой зависимости от фракционных боссов при этом оказываются молодые депутаты, избравшиеся в парламент от одного до трех раз, которые еще не имеют необходимых связей и собственных источников получения средств¹⁹⁴.

Огромными затратами, выражающимися миллиардными цифрами, неизменно сопровождаются выборы председателя ЛДП, проводящиеся раз в 2 года (до начала 70-х годов они проводились раз в 4 года). Так, выборы 1972 г., на которых победил

К. Танака, «стонли», по сообщениям коммунистической печати, рекордной суммы — около 5 млрд. иен. Эти деньги пошли в основном на мобилизацию голосов сторонников К. Танака в парламентской группе ЛДП¹⁹⁵.

Новые правила выборов председателя ЛДП, введенные в 1977 г., призваны несколько устранить «плутократический» характер выборов лидера правящей партии, вызывавший раздражение не только у широкой японской общественности, но и у самих спонсоров консерваторов. Тем не менее уже сложившаяся практика массовой скупки голосов фракционными боссами путем уплаты взносов за лиц, формально вступающих в ЛДП и принимающих участие в первичных выборах председателя, показывает, что сохранение фракционности в партии и впредь будет оставаться источником подобных «непроизводительных» расходов.

Используя положение правящей партии, ЛДП выполняет специфическую роль в системе функционирования политического механизма современной Японии. Для реализации своей основной задачи, создания в стране наиболее оптимального для деятельности монополий политико-идеологического климата, ЛДП применяет широкий арсенал средств: принятие законодательства, направленного на упрочение в стране капиталистических отношений, парламентское маневрирование, методы социальной демагогии и т. д. Ее аппарат тесно связан, слит с чиновничьим аппаратом, что позволяет либерал-демократам эффективно использовать последний в своих целях. Мощным оружием в руках ЛДП являются обильные денежные субсидии крупного капитала.

В то же время, формируя государственную политику, ЛДП вынуждена учитывать не только собственные интересы и пожелания стоящих за ней влиятельных группировок предпринимательских кругов, но и в определенной мере принимать в расчет интересы достаточно широких слоев населения. Хотя в ее политике неизменно доминирует промонополистическая тенденция, ЛДП, заботясь о сохранении своего электората, в течение уже многих лет проводит протекционистскую политику в отношении мелкого и среднего предпринимательства, особенно крестьянства, до последнего времени главной опоры консерваторов на выборах.

Заметное воздействие на послевоенную японскую политику оказывают в значительной степени уникальные структурные особенности ЛДП, то значение, которое играют в ее организации полуформальные объединения: фракции, «кланы», связанные с отдельными консервативными политиками «общества поддержки». Это является немаловажным фактором послевоенной японской политики.)

Глава четвертая

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АППАРАТ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Особенности государственной службы в послевоенной Японии

Административный аппарат, представляющий собой совокупность государственных органов и лиц, осуществляющих функции государственного управления¹, является важнейшей составной частью государственно-монополистического механизма в буржуазном государстве.

Развитие буржуазного государства сопровождается непрерывным ростом и совершенствованием административного аппарата и увеличением слоя профессионального чиновничества — особой социальной группы, осуществляющей только функции управления. Государственно-монополистический капитализм доводит бюрократический аппарат до гигантских размеров. Государство теперь начинает распространять свое влияние на все стороны воспроизводственного процесса и экономических отношений².

Решающим влиянием на деятельность государственного административного аппарата Японии обладает узкая элитарная группировка привилегированной бюрократии, контролирующая административную власть во всех министерствах и ведомствах страны. В системе власти современной Японии она становится тем социальным слоем, через который монополии осуществляют свой контроль над аппаратом исполнительной власти и в определенном смысле и над выборными политическими органами: парламентом и правительством.

Определяя роль правительственного чиновничества в капиталистическом обществе, В. И. Ленин характеризовал его как «особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе... Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом явствует и из истории... и из самих условий образования и комплектования этого класса, в котором доступ открыт только буржуазным „выходцам из народа“ и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей»³.

Будучи в социальном плане органом господства крупной буржуазии, «орудием эксплуатации наемных рабочих капиталиста-

ми»⁴, в организационно-политическом плане государственный аппарат не становится тем не менее безвольным придатком монополий и правящей буржуазной партии. Реальная роль и место высшей бюрократии в политическом механизме современного буржуазного государства оказывается гораздо значительнее, чем это определяется формальными юридическими постановлениями. В процессе сращивания государственного аппарата и органов монополистического капитала первый отнюдь не выступает в роли марионетки, а обладает известной самостоятельностью, собственными классовыми интересами. При этом отдельные его звенья также обладают определенной независимостью друг от друга, что выражается в непрерывных трениях между государственными ведомствами. Это накладывает свой отпечаток на всю систему функционирования политического механизма современного буржуазного государства.

В Японии характерное для периода империализма явление ослабления законодательной власти за счет расширения полномочий власти исполнительной усиливается чрезвычайно активной ролью государства начиная с самых первых стадий развития капитализма в этой стране. Многие века феодального абсолютизма и затворничества породили традиции строгого государственного регламентирования, которые были использованы для создания протекционизма, переросшего в государственно-монополистическую систему.

Особо широкие полномочия и влияние аппарата исполнительной власти в Японии во многом связаны также с особенностями ее послевоенного устройства. В частности, доминирующая роль государственно-административного аппарата в законодательном процессе в значительной степени определяется теснейшей привязанностью к системе исполнительной власти важнейших постоянных комиссий японского парламента, которые, по определению авторов вышедшего в Японии труда «Современное право», «стали мощными филиалами государственных министерств и ведомств в системе законодательной власти»⁵.

Важное значение имеет также то обстоятельство, что в высшем законодательном органе Японии отсутствует собственный вспомогательный аппарат, какой имеется, например, в американском конгрессе. В США огромный бюрократический аппарат конгресса, насчитывавший в конце 70-х годов 6700 специалистов и клерков в сенате и 11 000 вспомогательных работников в палате представителей, играет важную роль в законодательном процессе. Именно штатные сотрудники конгресса формулируют законодательные предложения, планируют слушания комитетов конгресса, выбирают свидетелей и дирижируют усилиями лоббистов в поддержку или против того или иного законопроекта⁶.

Кроме того, перемещение в Японии таких стадий законодательного процесса, как составление законопроекта и его первичное обсуждение, в систему аппарата исполнительной власти связано с тем, что у японского премьер-министра просто отсутст-

вует собственный эффективный вспомогательно-консультативный штат, подобный тому, который имеется у главы правительства в ряде буржуазных стран, в частности в США.

Как сообщал журнал «Тью корон», в начале 1979 г. аппарат премьер-министра Японии насчитывал 157 человек и состоял из четырех подразделений: советники кабинета министров (4 человека), консультативный отдел кабинета министров (11 человек), информационный отдел кабинета министров (45 человек) и исследовательский отдел кабинета министров (97 человек)⁷.

При этом, как показывает исследование состава аппарата японского премьера, все советники кабинета министров и работники информационного отдела, равно как и 27 сотрудников исследовательского отдела, работали там по совместительству. Что же касается консультативного отдела кабинета, работающих по совместительству здесь было лишь двое, однако весь его штат состоял из временно командированных сотрудников центральных административных учреждений: министерства финансов, министерства юстиции, министерства строительства и т. д.

Из пяти личных секретарей, имевшихся, в частности, у премьер-министра М. Охира (1978—1980), четверо являлись работниками соответственно управления полиции, министерства финансов, министерства иностранных дел и министерства внешней торговли и промышленности⁸.

Таким образом, складывается положение, при котором глава исполнительной власти в Японии, фактически лишенный собственного аппарата непосредственного подчинения, оказывается в значительной зависимости от центральных административных ведомств. По словам личного секретаря бывшего премьер-министра Японии Т. Фукуда, чиновники из различных государственных ведомств, откомандированные в официальную резиденцию главы кабинета, становятся в первую очередь «агентами, призванными проталкивать законопроекты, составленные в их родных ведомствах», а не помощниками премьер-министра, который оказывается в своеобразном «одиночестве»⁹.

В конце 70-х годов появились попытки создания независимого от системы центральных органов исполнительной власти консультативного аппарата при главе японского правительства, своего рода «мозгового треста». Так, сообщалось, что в марте 1979 г. тогдашний премьер-министр Японии М. Охира создал собственную «исследовательскую группу» («кэнкю группу»), состоящую примерно из 200 ученых, представителей интеллигенции и правительственных чиновников младших рангов, которые должны были работать по 9 направлениям исследований, в частности разрабатывать общие проблемы международного экономического сотрудничества, проблему «пантхоокеанского сотрудничества», а также пропагандистские проекты создания «городов-садов» и «плюралистического общества»¹⁰.

Работа «мозгового треста» М. Охира заключалась в составлении докладов и рекомендаций непосредственно для главы кабинета, минуя органы исполнительной власти и аппарат ЛДП. Так, его разработка легла в основу программной речи М. Охира в связи с его вторичным избранием на пост премьер-министра в ноябре 1979 г.¹¹

Было бы неверным, однако, связывать начало использования главой правительства Японии коммерческих и некоммерческих «мозговых трестов» с именем М. Охира. Такая практика существовала и ранее в форме заключения отдельных договоров о соответствующих научных разработках с такими исследовательскими центрами, как Институт Номура (связан с крупнейшей страховой компанией «Номура»), Исследовательский институт Мицубиси, Национальный институт развития исследований и некоторые другие¹². Тем не менее значение неправительственных «мозговых трестов» в процессе формирования государственной политики в Японии не может идти ни в какое сравнение с той ролью, которую играют в США в процессе принятия решений на национальном уровне такие организации, как, например, «РЭНД-корпорейшн» или Институт Брукинса¹³.

Начинания, предпринятые М. Охира, были продолжены и развиты Я. Накасонэ в 1982—1987 гг. Основой его деятельности стала так называемая «политика мозговых трестов» («бурэн сэйдзи») — создание собственного мощного консультативного аппарата, упор в формировании своей политики на аппарат ЛДП, попытка ослабить традиционную зависимость от правительственной бюрократии, превратить Японию из «бюрократического государства» в «общество, где политики управляют чиновниками»¹⁴.

Тем не менее подобная зависимость продолжает оставаться реальностью для высших сфер власти в Японии. Хотя на внешнем уровне основным законодательным источником в послевоенной Японии является кабинет министров, от лица которого представляется подавляющее большинство всех вносимых на рассмотрение парламента законопроектов, реально важнейшую роль на первоначальных, зачастую наиболее ответственных стадиях законодательного процесса, по-прежнему играет формально подчиненный правительству аппарат исполнительной власти. Существенное значение при этом имеет и то обстоятельство, что его высший эшелон по сложившейся еще с конца прошлого века традиции составляют лица, в подавляющем большинстве имеющие специальное юридическое образование¹⁵.

Как уже отмечалось выше, бюрократическая верхушка Японии, хотя и тесно связана с финансово-монополистическим капиталом и правящей консервативной партией, отнюдь не является беспрекословной исполнительницей их воли. Обладая собственными интересами, высшее чиновничество неоднократно самостоятельно высказывалось по важнейшим вопросам развития страны. Так, в кругах «экономической» бюрократии было про-

явлено негативное и даже обструкционистское отношение к дискутируемым в правящем лагере с конца 70-х годов планам административной реформы, предполагающей уменьшение штата государственных служащих, создание «дешевого правительства». В осуществлении подобных проектов чиновничество Японии усмотрело угрозу подрыва собственных позиций¹⁶.

Важной чертой современной японской бюрократии, в первую очередь ее высшего эшелона, является то обстоятельство, что она была лишь в небольшой степени затронута послевоенными преобразованиями и континуальность ее традиций фактически не была прервана.

Хотя в результате послевоенных демократических преобразований статус государственных чиновников и был формально значительно урезан, реальная власть и возможности, которыми обладает современная бюрократическая элита Японии, даже если и не идут в сравнение с довоенным периодом, когда не могло быть никакой речи о контроле над государственным административным аппаратом со стороны парламента или прессы, тем не менее оказываются гораздо более широкими, чем это предусмотрено буквой закона. При этом важное значение имеет то обстоятельство, что в период послевоенных реформ государственный аппарат страны оказался фактически в нетронутом состоянии. Директива штаба американских оккупационных войск в Японии от 1 января 1946 г. о чистке государственного аппарата от лиц, в прошлом связанных с фашистами или милитаристами, практически осталась на бумаге. Только некоторые, наиболее одиозные фигуры попали под действие директивы и то лишь в первые месяцы после ее опубликования. Так, к концу 1947 г. из общего числа 663 988 человек, подлежащих чистке, было уволено всего 6955 человек, т. е. чуть более 1%¹⁷. Существуют и другие цифры.

Так, ниже приводятся данные о послевоенных чистках по категориям, представленные американским исследователем Г. Барвальдом¹⁸:

Категория	Число лиц, затронутых чистками	%
Военная элита	167 035	79,6
Политики	34 892	16,5
Правительственная бюрократия	1 809	0,9
Лидеры ультранационалистических организаций	3 438	1,6
Верхушка бизнеса	1 898	0,9
Средства информации	1 216	0,5
Всего . . .	210 000	100,0

«В отличие от военных концернов и политических партий, которым после войны в какой-то степени пришлось отвечать за

свои преступления в прошлом, — пишет японский историк-марксист Т. Оно, — к бюрократии было проявлено доброжелательное отношение и ее силы были оставлены нетронутыми; сейчас ее положение и могущество остаются неизменными»¹⁹.

Выходцы из довоенной бюрократии в настоящее время занимают многие ключевые посты в японском государстве. Как показало расследование КПЯ, около 1/3 лиц, занимавших в послевоенной Японии министерские кресла, в довоенный период служили в министерстве внутренних дел или органах полиции. Многие из них после войны были привлечены к ответственности как военные преступники различных классов²⁰.

Формирование бюрократической верхушки

Статус государственной службы в Японии определяется Законом о государственных служащих, принятым 21 октября 1947 г. Контроль над его соблюдением возложен на Совет по делам персонала (Дзиндзин) при кабинете министров, в компетенцию которого входят все вопросы, связанные с организацией труда государственных служащих²¹.

В категорию государственных служащих (кокка комуин) в Японии принято включать не только работников административного аппарата, чиновников в собственном смысле этого слова, но также и лиц, работающих на предприятиях, принадлежащих государству, служащих государственных железных дорог, работников телевидения, государственных и общественных (муниципальных) школ, военнослужащих «сил самообороны», сотрудников полиции. В начале 80-х годов в системе центральной администрации Японии работало примерно 1190 тыс. человек²².

По численности государственных служащих Япония значительно уступает странам Западной Европы или США. Их количество составляет (исключая военнослужащих) лишь 40% численности государственных служащих в Великобритании и 50% — в ФРГ²³, что связано с относительно небольшими размерами государственного сектора в Японии. Ниже приводятся данные о числе государственных служащих (включая и военнослужащих), приходящиеся на 1 тыс. человек самостоятельного населения в Японии, по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами (на середину 70-х годов)²⁴:

Япония	98
Франция	172
США	205
ФРГ	205
Великобритания	239

Все лица, находящиеся на государственной службе, подразделяются на две основные категории: работники «обычной службы» и работники «особой службы». Работники «обычной

службы» направляются на работу после сдачи экзаменов на должность и их жалование определяется соответствующей стандартной шкалой. В отличие от них работники «особой службы» («токубэцусёку») направляются на работу без экзаменов и их жалование не связано со стандартной шкалой. В их число включаются лица, занимающие посты премьер-министра, министров кабинета, парламентских заместителей министров, чрезвычайных и полномочных послов, членов Японской академии наук и т. д. Работников «особой службы» насчитывается всего несколько сот человек, и они составляют ничтожную часть государственных служащих²⁵. При этом их деятельность лишь косвенно носит бюрократический характер (например, членов кабинета министров, являющихся профессиональными политиками).

Современная система государственной службы в Японии имеет значительное сходство с американской, объясняющееся сильным влиянием американских образцов в период послевоенных реформ. В США служебное положение и условия профессиональной деятельности регулирует принятый еще в 1883 г. Закон о гражданской службе (так называемый Закон Пендлтона). Он устанавливает запрет увольнения чиновников по политическим мотивам, вводит конкурсные экзамены для замещения ряда государственных должностей, декларирует принцип «политического нейтралитета» государственных служащих.

Согласно принятой в США доктрине, в качестве основополагающей принимается концепция отделения политики от управления. При этом руководство государственного аппарата (министры, их заместители и помощники, заместители заместителей, советники, помощники и секретари президента, советники и секретари министров, часть руководителей служб, бюро и отделов внутри министерств и некоторые другие лица) формируется на основе существующей со времени образования США «системы добычи», или «системы патронажа». Последняя предполагает заполнение указанных выше постов сторонниками кандидата, победившего на президентских выборах. Остальные должности на федеральной службе заполняются в порядке карьерной службы на основе конкурсных экзаменов. При этом чиновники делятся на 18 классов сообразно с занимаемой должностью, причем из конкурсной системы исключается комплектование некоторых особых служб: ЦРУ, ФБР, загранслужбы²⁶.

В соответствии с японским законодательством, служебное положение государственных служащих определяется их должностью, которую они занимают в соответствии со своим рангом (всего 8 рангов). Каждый ранг подразделяется, в свою очередь, на 15 разрядов. Ранг чиновника находится в соответствии с занимаемой им должностью, а его разряд зависит от стажа, уровня образования, служебных характеристик и т. п.²⁷.

Совет по делам персонала ежегодно летом проводит экзамены на повышение в ранге работников «обычной службы», к ко-

торым формально допускаются все желающие. Обращает на себя внимание огромный конкурс на этих экзаменах. Так, в 1983 г. в Совет поступило 39 175 заявлений с просьбой разрешить сдавать экзамены при наличии 1560 вакансий. Конкурс, таким образом, составил 25,1 человека на одно место. Максимальный конкурс на экзаменах на повышение в ранге государственных служащих Японии был зафиксирован в 1978 г., когда он составил 43,5 человека на одно место²⁸.

Высшую категорию работников «обычной службы» составляют лица, получающие жалование за административную работу (так называемые «гёсэй сёкуин»). Это — один из основных слов государственных служащих Японии (в начале 80-х годов — 327 тыс. человек)²⁹, в полном смысле слова являющийся государственной бюрократией.

Командные посты в центральном административном аппарате страны занимают чиновники первых трех рангов. Это начальники департаментов, отделов и секций («кёкутё», «бүтё», «катё»), которые и представляют «элиту» бюрократического мира Японии.

«Высшие слои чиновников обладают... решающим влиянием на деятельность государственных учреждений страны, — пишет советский исследователь И. А. Латышев. — Занимая посты начальников департаментов, отделов и секций или равные по значению должности, чиновники этих классов фактически держат в своих руках рычаги административной власти во всех министерствах и ведомствах страны. Что же касается остальных групп чиновников, то они являются лишь исполнителями решений и указаний своих начальников»³⁰.

На государственной службе Японии, равно как и в подавляющем большинстве учреждений и предприятий страны, действует специфическая система «пожизненного найма». Эта система предполагает длительную (до ухода на пенсию) службу работающего по найму в одной организации, при этом его должность и размер вознаграждения ставится в прямую зависимость от продолжительности непрерывного стажа. Как указывает в этой связи журнал «Тюо корон», при прочих равных условиях чиновнику необходимо проработать в одном государственном ведомстве 15—20 лет, чтобы достичь поста начальника секции, и около 30 лет, чтобы получить назначение на должность начальника департамента³¹.

Господствующая в государственно-административном аппарате Японии система «пожизненного найма» предопределяет практическое отсутствие межведомственной мобильности, одну из наиболее характерных черт государственной службы в Японии. В то же время особенностью японского типа бюрократической карьеры являются частые, каждые 2—3 года, перемещения чиновника внутри его ведомства. Как указывает американский специалист по бюрократической системе Японии А. Кубота, в этом заключается существенное отличие государственной служ-

бы Японии от государственной службы США, в которых межведомственные перемещения являются достаточно частым явлением и где распространена практика долгого, от 5 до 10 лет, нахождения чиновника на одном посту. В этой связи, отмечает он, государственных служащих США принято считать узкими специалистами, в то время как японских бюрократов — «генералистами», лицами с универсальными знаниями в данной области³².

Закон 1947 г. формально дает всем государственным служащим право на повышение в должности и достижение высших бюрократических постов в соответствии с результатами упомянутых выше конкурсных экзаменов.

Тем не менее на практике на пути претендента помимо огромного конкурса на этих экзаменах стоит целый ряд серьезных препятствий. В первую очередь — образовательный ценз. Специальное обследование, проводившееся в начале 1977 г. Коммунистической партией Японии, установило, что 8,8% общего числа государственных служащих, получающих жалование за административную работу, закончили неполную среднюю школу, 62,6% — полную среднюю школу, 28,6% имели высшее образование (из них 10,1% окончили университеты с сокращенным курсом обучения, 18,5% — полные университеты). При этом выяснилось, что 85,5% чиновников, занимающих посты начальников секций государственных ведомств, имели высшее образование, что же касается начальников отделов, то все они без исключения имели университетские дипломы³³.

Таким образом, сложившаяся в государственных ведомствах Японии система практически исключает для лиц, не имеющих высшего образования, возможность достичь высоких постов на государственной службе. Однако далеко не все чиновники, обладающие университетскими дипломами, имеют равные шансы на успех в продвижении по служебной лестнице.

Как указывает японский социолог Т. Наканэ, «ранг университета... в большей или меньшей степени определяет сферу деятельности его выпускника, его положение в обществе и степень успеха на протяжении всей жизни»³⁴.

Это высказывание в полной мере применимо и к государственной службе Японии. Как показывает практика, «ранг» университета, оконченого японским чиновником, является весьма важным фактором его успешной карьеры.

Лидирующее положение при этом занимают государственные университеты, в первую очередь Токийский университет, старейший вуз Японии (основан в 1877 г.), который известен как «питомник бюрократии» («канрё ёсэйдзё»). В начале 1977 г. его выпускники составляли 30% всех лиц, занимающих посты выше начальника отдела³⁵. Как сообщает, например, влиятельный японский журнал «Бунгэй сундзю», 85% чиновников, находящихся на руководящих постах в министерстве финансов Японии, окончили этот престижный вуз³⁶. За ним следует Кио-

тоский университет. В начале 1985 г. 19 из 20 заместителей министра по административной части в правительстве были выпускниками этих двух наиболее престижных государственных университетов³⁷.

Не имеющее параллелей подавляющее преобладание в высших бюрократических сферах Японии выпускников одного высшего учебного заведения сложилось еще в конце прошлого века, когда Токийский университет стал главным поставщиком кадров для правительственных учреждений. Организация экзаменов для поступления на государственную службу находилась тогда преимущественно в руках сотрудников Токийского университета, которые отдавали явное предпочтение своим бывшим студентам. Более того, в июле 1887 г., в момент создания экзаменационной комиссии по приему на государственную службу, князь Хиробуми Ито, в то время премьер-министр, отдал распоряжение, чтобы выпускники Токийского университета принимались на государственную службу вообще без экзаменов³⁸. Хотя эта привилегия существовала недолго и сегодня все государственные служащие Японии формально имеют равные возможности для продвижения по службе, университетские связи по-прежнему оказывают существенное воздействие на формирование верхушки бюрократии этой страны.

Еще большую кастовую замкнутость бюрократическим кругам Японии придает предпочтительное отношение их представителей к своим землякам, родственникам и т. д. Об этом свидетельствует множество примеров. Так, во время своего пребывания на посту министра финансов в конце 60-х годов Т. Фукуда содействовал назначению на пост своего заместителя по административной части выходца из своей родной префектуры Гумма М. Сумида, который впоследствии был назначен на важный пост президента Экспортно-импортного банка Японии³⁹.

Отличительной особенностью атмосферы, царящей в бюрократическом мире Японии, является сильнейший дух элитаризма, высокомерия, определяющийся бытующей еще с конца прошлого века формулой «кансон мимпи» («чиновники достойны почитания, народ — презрения») ⁴⁰.

Многие черты современной высшей бюрократии Японии уходят своими корнями еще в период первоначальных буржуазных преобразований после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи 1868 г. Ведь тогда как в структуре финансово-монополистического капитала и политической системе страны в целом в последующие периоды произошли значительные перемены, высшая бюрократия явилась тем социальным институтом, который оказался в наименьшей степени подвержен изменениям со времен первого в истории страны кабинета министров, сформированного в 1885 г. Хиробуми Ито.

Бюрократическую верхушку современной Японии можно характеризовать как сплоченную социальную группу, сцементированную как общностью интересов, так и сложной сетью лично-

стных, так сказать, «надслужебных» отношений. Для нее характерны значительная гомогенность и кастовая замкнутость, типичные как для бюрократии в целом, так и для каждой из ее внутренних группировок, связанных с соответствующими государственными ведомствами.

Одной из отличительных черт бюрократического мира Японии являются межведомственные трения и раздоры («навабари арасои» — «борьба за сферы влияния»). Они вызваны как наличием у чиновничества каждого из звеньев государственно-административного аппарата собственных узковедомственных интересов, так и явлением перекрещивания и дублирования функций различных подразделений этого аппарата. Так, сфера жилищного строительства входит в компетенцию пяти министерств: строительства, здравоохранения, сельского и лесного хозяйства и рыболовства, просвещения и труда. В то же время характерной чертой административного процесса в Японии, отличающей ее от многих развитых капиталистических стран, например от США, является практически полное отсутствие прецедентов судебных разбирательств конфликтов между государственными ведомствами, в то время как в США значительная часть практики Верховного суда этой страны приходится на разрешение споров между отдельными ведомствами государственного аппарата, как федеральными, так и штатными⁴¹.

Хотя, как уже отмечалось в первой главе, определенная часть высокопоставленных чиновников по своему социальному положению связана с господствующим классом, реальностью послевоенной Японии является тот факт, что в своем большинстве они представляют выходцев из средних слоев населения. Тем не менее не вызывает сомнения, что эти мелкобуржуазные «выходцы из народа», которые заправляют работой всего сложнейшего аппарата центральных административных органов, конечно, никогда не достигли бы своего положения, если бы не проявляли полной лояльности к курсу консервативного правительства и не оказывали различных услуг непосредственно монополистическим объединениям, отдельным предпринимателям, местным политикам и т. п. Таким образом, не являясь представителями монополистического капитала, высокопоставленные правительственные чиновники по роду своей служебной деятельности становятся проводниками интересов монополистической буржуазии.

Связи руководства государственного аппарата с Либерально-демократической партией

В ходе реформ, проведенных в период американской оккупации, государственное устройство Японии, в том числе и статус правительственной бюрократии, претерпели значительные изменения. Был провозглашен принцип четкого разделения властей и ликвидированы военные министерства и министерство

внутренних дел — цитадели довоенной бюрократии. Принятая в 1947 г. новая конституция страны определила положение государственных служащих уже не как «слуг императора», а как «слуг всего общества»⁴². Послевоенное японское законодательство формально провозглашает принципы «деполитизации» и «деидеологизации» административного аппарата и декларирует его подчиненность кабинету министров — высшему органу исполнительной власти страны.

Тем не менее политическая реальность современной Японии показывает, что эти юридические предписания нередко носят формальный характер, и бюрократическая элита самым непосредственным образом участвует в политической деятельности.

Помимо такого важнейшего обстоятельства, как объективное совпадение интересов консерваторов и высшей бюрократии, совместно выступающих в качестве проводников интересов финансово-монополистического капитала в надстроечных институтах страны, их сближению также способствует ряд факторов, обусловленных спецификой социально-политической структуры современной Японии. В первую очередь это фактическое слияние в единый функциональный механизм сменяемой и несменяемой частей аппарата государственной власти, происшедшее в условиях более чем 25-летнего бессменного господства ЛДП на политической арене страны.

Консервативная партия Японии обладает возможностями осуществлять контроль над персональными перемещениями в высшем звене центрального административного аппарата. Несмотря на относительную самостоятельность чиновничьего аппарата Японии и ту значительную роль, которую бюрократия в силу специфики своей деятельности играет в процессе формирования государственной политики, высшее звено центрального административного аппарата неизбежно находится под сильнейшим воздействием со стороны правящей партии. «ЛДП осуществляет строгий контроль над перемещениями кадров внутри бюрократии, — пишет американский исследователь Т. Дж. Пемпел, — что практически не позволяет кому-либо, не имеющему связей с партией, подняться выше уровня начальника департамента»⁴³.

Естественно, что карьеристские соображения заставляют чиновничество проявлять лояльность к правящей партии. Результаты проведенного в сентябре 1973 г. анкетирования руководящего состава центрального административного аппарата показали, что почти половина высокопоставленных бюрократов (46,7%) заявила, что поддерживает либерал-демократов. На втором месте по уровню поддержки ЛДП стояла Партия демократического социализма (9,2%), позиции которой в наибольшей степени смыкаются с позициями консерваторов⁴⁴, и лишь несколько более трети (36,7%) ответили, что не поддерживают какую-либо политическую партию.

Контроль над деятельностью государственного администра-

тивного аппарата осуществляется ЛДП не только на уровне своих представителей на министерских постах, но и через центральные органы партийного аппарата.

Особенно тесные связи с бюрократическим аппаратом имеет Совет по изучению политических вопросов ЛДП, дублирующий структуру органов центральной администрации. В послевоенной Японии сложилась практика, согласно которой в выработке конкретной политики, в частности при составлении различных законопроектов, происходит тесная координация между соответствующими подразделениями Совета и государственными ведомствами на уровне начальников их департаментов⁴⁵. Американский исследователь Н. Б. Тейер пишет в этой связи: «Отношения между консервативными политиками и бюрократами тесны и нерушимы. Они — две горошины в консервативном стручке. Бюрократы понимают большую силу политиков. Политики осознают полезность бюрократии. Ни в каком другом месте связи между бюрократами и политиками не очевидны в такой степени, как в Совете по изучению политических вопросов»⁴⁶.

Связи между ЛДП и бюрократией устанавливаются также на уровне фракций этой партии и ее отдельных деятелей. Так, по данным журнала «Дзайкай тэмбо», высший эшелон чиновничества министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства разделен на два клана, из которых один связан с группировкой «Сэйранкай» в правящей партии, а другой — с группировкой Т. Хигаки, депутата палаты советников от ЛДП. Таким образом, межфракционные распри в партии переносятся на деятельность государственного ведомства, при этом каждая из соперничающих группировок в ЛДП стремится поставить «своих» людей на ключевые посты в министерстве⁴⁷.

Отмечаются также особенно тесные связи бюрократии министерства строительства с группировкой К. Танака, которая в значительной степени рекрутируется за счет выходцев из этого ведомства⁴⁸. Представляется, что они упрочились после опубликования в 1972 г. выдвинутого К. Танака, в то время главы правительства, «Плана реконструкции Японского архипелага», предполагавшего осуществление грандиозных строительных работ.

ЛДП, в свою очередь, использует широкие возможности центральных административных ведомств страны для укрепления своих политических позиций. Это в первую очередь относится к стремлению консерваторов сохранить за собой необходимое для контроля над парламентом число депутатских мандатов.

Без содействия соответствующих органов центрального административного аппарата политику от ЛДП практически невозможно сохранить свой статус парламентария. Американский политолог Х. Фукуи пишет: «И лидеры, и рядовые члены партии обращаются к государственной службе за помощью, когда им нужно удовлетворить значительную часть требований тех, кто оказывает им финансовую помощь и поддержку на выборах.

В том случае, если оказывается необходимым, чтобы местная автотранспортная компания получила новую лицензию или сниз разряда „префектуральных“ в разряд „государственных“ и, таким образом, содержалась бы за счет национальных, а не префектуральных финансов, член высшего органа государственной власти не замедлит поклониться много раз перед высокопоставленным государственным служащим»⁴⁹.

Весьма характерно, что исследование особенностей проведения предвыборных кампаний кандидатами от ЛДП показывает, что все они без исключения подчеркивают наличие у них прочных связей с центральным правительственным аппаратом. Последнее преподносится как залог обладания возможностями содействовать развитию данного района⁵⁰.

Таким образом, явственно прослеживается процесс упрочения и взаимопереплетения связей между партийным аппаратом ЛДП и государственной бюрократией. Используя систему исполнительной власти в собственных узкопартийных интересах, ЛДП превращает ее в один из важнейших факторов сохранения своего господствующего положения на политической арене страны.

Высшие слои японского чиновничества, в свою очередь, используют прочные связи с консервативной партией в собственных узковедомственных интересах. При этом они часто играют на фракционной раздробленности ЛДП. В этом отношении характерен следующий пример.

В 1977 г. Т. Фукуда, в то время премьер-министр, выдвинул план создания в системе центральной администрации специального министерства энергетики. Этому решительно воспротивилось министерство внешней торговли и промышленности, руководство которого заявило, что образование нового ведомства нецелесообразно, так как энергетическая политика якобы неотделима от политики в области промышленности и внешней торговли. На самом деле руководство министерства опасалось, что создание особого энергетического ведомства может сузить традиционную сферу его деятельности. Оно обратилось за помощью к фракциям Т. Мики и Я. Накасонэ, находившимся тогда в оппозиции к возглавлявшемуся Т. Фукуда «основному течению» ЛДП, и в результате их закулисной деятельности проект был похоронен⁵¹.

Особенностью системы взаимодействия между высшим эшелоном ЛДП и правительственной бюрократией является то, что на нее оказывает воздействие как межфракционная борьба в рядах самих консерваторов, так и столкновения между различными группировками внутри государственно-административного аппарата. Например, Совет по изучению политических вопросов ЛДП становится полем ожесточенной борьбы чиновничества различных звеньев-государственно-административного аппарата за бюджетные ассигнования. Указывают, что особую активность

при этом проявляет бюрократия министерства финансов, важнейшего «экономического министерства», в ведении которого находится составление бюджета и проведение налоговой политики⁵².

Формальная подчиненность бюрократии кабинету министров в значительной степени маскирует ее истинную роль в формировании государственной политики страны и создает впечатление, что чиновничество полностью контролируется правящей партией. Однако на самом деле действующие за кулисами чиновники нередко обладают большим весом и влиянием, чем их патроны — политики.

Подобное положение связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, частая сменяемость политиков-консерваторов на министерских постах (что в значительной степени вызывается внутренним фракционным механизмом правящей ЛДП) приводит к чрезвычайно частым, в среднем примерно раз в год, перемещениям в правительстве. Министр, профессиональный политик, как правило, слабо разбирающийся в сложной структуре административного аппарата, не успевает за время пребывания на своем посту детально ознакомиться с работой возглавляемого им государственного ведомства. Его реальная деятельность зачастую сводится к назначению на высшие административные посты своих сторонников и представлению интересов своего ведомства в парламенте, особенно во время распределения бюджетных ассигнований⁵³. Практически же деятельность соответствующего министерства направляется аппаратом министерства (его высшими звеньями) в значительной степени независимо от того, какое лицо в данный момент занимает пост министра.

Во-вторых, высшие органы бюрократии Японии обладают значительной по сравнению с консервативным правительством стабильностью. В отличие, например, от США, где смена президента страны приводит к обновлению высшего эшелона центрального административного аппарата примерно на 80%⁵⁴, в Японии частые перемещения в кабинете министров не отражаются на персонале правительственных учреждений.

Большие преимущества дают бюрократии также специальные знания и юридическое образование. Последним обладает подавляющее большинство (около 70%) высокопоставленных чиновников, что облегчает им практически невозможное для неподготовленного человека ориентирование в огромной массе юридических предписаний. Кроме того, как указывает американский политолог Х. Фукуи, «практически все справочные материалы, крайне необходимые для эффективного законодательства, находятся под ревностным контролем отдельных министерств и других государственных ведомств и, как правило, недоступны депутатам парламента. В результате несколько сотен законопроектов, представляемых ежегодно на рассмотрение парламента страны, в действительности либо полностью состав-

лены бюрократами, либо составлены при их решающем участии»⁵⁵.

Естественно, что в этих условиях профессиональным политикам постоянно приходится прибегать к помощи бюрократии. Чиновники составляют парламентские доклады для министров. Нередко министр даже является в парламент в сопровождении своего подчиненного, сотрудника административного аппарата, который, сидя за его спиной, помогает отвечать на вопросы по проблемам, в которых министр слабо осведомлен⁵⁶.

Ярким свидетельством значительности роли, которую правительственное чиновничество играет в политическом механизме Японии, являются результаты опроса представителей правящих партий и высшей государственной бюрократии ряда развитых капиталистических стран. В частности, на просьбу выразить свое отношение к утверждению: «В первую очередь осуществление достаточно удовлетворительной публичной политики в стране обеспечивают не партии и парламент, но гражданская служба» — согласие с ним выразили (%)⁵⁷:

Страна	Представители правительственной бюрократии	Представители правящей партии
Япония	28	22
Великобритания	3	4
ФРГ	2	0
Нидерланды	6	0

Для послевоенной Японии весьма характерно еще одно явление, связанное с усилением роли бюрократии в политической жизни страны. Это массовый переход высокопоставленных правительственных чиновников к политической деятельности путем выдвижения своей кандидатуры на парламентских выборах после ухода с государственной службы.

Из таблицы видно преобладание экс-бюрократов среди кандидатов от ЛДП, выставляемых по общенациональному округу на выборах в палату советников.

Для реализации своих политических амбиций бюрократия самым активным образом использует те выгоды и преимущества, которые дает ей государственная служба. В этом отношении весьма характерно уже упоминавшееся министерство сельского и лесного хозяйства и рыболовства.

В последние годы чиновники министерства лидируют по количеству своих бывших сотрудников, добившихся мандата депутата парламента, особенно в общенациональном округе на выборах в палату советников. Как показывают результаты обследования, проведенного профсоюзными органами Японии, при этом широко используется система распределения государственных дотаций, позволяющая чиновникам «завоевывать» голоса избирателей. Так, на «двойных выборах» 1980 г., собрав рекордное количество голосов, в палату советников прошел некто Са-

Депутаты от ЛДП по категориям, прошедшие по общенациональному округу на выборах в палату советников*

Выборы	Всего депутатов	Бюрократия	Различные организации	Представители религий	«Таланты»	Основные государственные ведомства, получившие представительство в парламенте**
1956 г.	28	8	8	2	0	Министерство финансов, министерство строительства, министерство транспорта
1959 г.	29	9	12	3	0	Министерство финансов, министерство транспорта
1962 г.	24	9	10	4	1	Министерство транспорта, министерство связи
1965 г.	27	9	12	5	1	Министерство строительства, министерство транспорта
1968 г.	23	7	7	6	3	Министерство связи
1971 г.	22	9	7	1	3	Министерство строительства, министерство сельского хозяйства
1974 г.	19	9	7	1	3	Министерство строительства, министерство сельского хозяйства, министерство связи
1977 г.	18	8	6	3	2	Министерство транспорта, министерство сельского хозяйства
1980 г.	21	10	5	2	3	Министерство строительства, министерство сельского хозяйства

* Гэкан родо кумнай. 1983, № 5, с. 88.

** Интересы каждого из этих ведомств представлены двумя депутатами.

буро Окабэ, занимавший в прошлом руководящий пост именно в том подразделении министерства, через которое проходит львиная доля дотаций частным предприятиям⁵⁸.

Политическая карьера является весьма привлекательной для верхушки бюрократии Японии. За годы службы в центральном административном аппарате высокопоставленные чиновники завязывают тесные контакты с правящей партией, получают богатый опыт участия в работе различных парламентских комиссий, составления законопроектов и т. д. ЛДП, со своей стороны, приветствует вступление в свои ряды бывших государственных чиновников, сохраняющих прочные связи с центральными звеньями административного аппарата и хорошо знакомых с его сложным механизмом. Характерно, что и финансово-монополистические круги одобряют переход высших чиновников к чисто политической деятельности, видя в них ревностных защитников своих интересов.

Выходцы из правительственной бюрократии составляют в настоящее время наиболее многочисленную, до 1/3, категорию пар-

ламентской фракции консервативной партии. Они также широко представлены в руководстве ЛДП, выдвигая из своих рядов кандидатов на ключевые посты в партийном аппарате, включая должности генерального секретаря и председателей важнейших подразделений штаба партии: Совета общих вопросов, Совета по изучению политических вопросов и Финансового комитета. По подсчетам японских исследователей, бывшие чиновники составляют в среднем 35% лиц, занимавших указанные выше посты⁵⁹.

Многим бывшим правительственным чиновникам удается добиться осуществления самой заветной мечты японского бюрократа — получить назначение на министерский пост. Бывшие государственные служащие неизменно составляют очень значительную долю в составе послевоенных кабинетов Японии — в среднем 43%⁶⁰.

Место в парламенте, министерское кресло и ответственные посты в аппарате ЛДП тем не менее не являются пределом в карьере бюрократов-политиков. Некоторым из них удается достичь высшего поста в ЛДП — поста председателя партии, который в условиях обладания консерваторами парламентского большинства открывает прямой путь к креслу премьер-министра. Так, 9 из 17 послевоенных премьеров страны являются выходцами из бюрократической «элиты»: К. Сидэхара (1945—1946 гг., министерство иностранных дел), Х. Асида (1948 г., министерство иностранных дел), С. Ёсида (1946—1947 гг., 1948—1954 гг., министерство иностранных дел), Н. Киси (1957—1960 гг., министерство внешней торговли и промышленности), Х. Икэда (1960—1964 гг., министерство финансов), Э. Сато (1964—1972 гг., министерство транспорта), Т. Фукуда (1976—1978 гг., министерство финансов), М. Охиро (1978—1980 гг., министерство финансов) и Я. Накасонэ (1982—1987 гг., до и после войны непродолжительный срок служил в министерстве внутренних дел).

Каналы и методы взаимодействия высшей бюрократии с финансово-монополистическими кругами

В условиях вступления Японии после окончания второй мировой войны в новый этап развития государственно-монополистического капитализма государство резко расширило свою деятельность, связанную с регулированием экономикой.

Проводником политики правительства в этом направлении и важным звеном в системе взаимодействия монополистической буржуазии и политических органов страны становится бюрократия. В первую очередь речь идет о так называемой «экономической» бюрократии, т. е. о высокопоставленных чиновниках таких министерств, как министерства финансов; внешней торговли и промышленности; сельского и лесного хозяйства и

рыболовства; транспорта; строительства; связи; труда; а также Управления экономического планирования при канцелярии премьер-министра.

Хотя prerogatives перечисленных ведомств, как и любого другого государственного ведомства Японии, формально строго регламентированы, наиболее характерным методом деятельности министерства фактически является специфическая система «административного руководства» («гёсэй сидо»).

«Административное руководство» является в значительной степени уникальной особенностью процесса государственного управления в современной Японии. Это выражение, постоянно встречающееся в лексиконе правительственного чиновничества, на страницах прессы и популярных изданий, не является, строго говоря, юридическим термином и его нельзя встретить в сборниках японских законов.

«Административное руководство» применяется в Японии в первую очередь в области управления экономикой со стороны государства⁶¹. Его отличительной особенностью является то, что подобного рода деятельность основывается не на принятых парламентом законах, а на различного рода актах государственных ведомств. Как подчеркивают японские юристы, «административное руководство» предполагает «добровольное», неформальное соглашение заинтересованных сторон, каковыми выступает, с одной стороны, какой-либо государственный орган или ответственное лицо, а с другой — корпорация или отдельный предприниматель или группа предпринимателей⁶².

Наиболее распространенными формами «административного руководства» являются «рекомендации» («канкоку»), «требования» («ёсэй»), «советы» («дзёгон») и «посредничество» («тюкай»)⁶³.

Американский специалист Чалмерс Джонсон отмечает следующие характерные особенности системы «административного руководства»:

1. Наиболее распространенной формой «административного руководства» в экономической области являются так называемые «рекомендации по сокращению производства» («сотан канкоку»), даваемые отдельным компаниям. Они являются одним из методов антидепрессивной политики японского государства.

2. Система «административного руководства» обладает теми преимуществами перед обычными юридическими процедурами, что дает более гибкие и эффективные методы регулирования экономикой.

3. Очень важной формой является «посредничество». Наиболее известным примером такого «посредничества» является активная роль министерства внешней торговли и промышленности Японии в слиянии в 1969 г. двух сталелитейных компаний — «Явата» и «Фудзи» в гигантское монополистическое объединение «Синнихон сэйтэцу»⁶⁴.

Вообще министерство внешней торговли и промышленности (МВТП) занимает важнейшее место в системе связей большого бизнеса с бюрократической элитой Японии.

Основной прерогативой министерства является так называемое «право выдачи лицензий и разрешений» («кёнинкэн»), которое зиждется на совокупности юридических актов, позволяющих МВТП осуществлять контроль над отдельными отраслями промышленности и торговли. По подсчетам автора, подобного рода актов к началу 80-х годов имелось не менее 130⁶⁵.

В форме рекомендаций МВТП оказывает также помощь отдельным компаниям. Так, в середине 70-х годов оно настоятельно «рекомендовало» Банку Сумитомо и «Сумитомо Траст Банку» оказать помощь автомобильной корпорации «Тоё когё», оказавшейся в крайне тяжелом положении после «нефтяного шока» конца 1973 г. Такая помощь была оказана, причем заместитель министра специально выезжал для переговоров в г. Хиросима, где находится штаб-квартира корпорации⁶⁶.

Весьма распространенной формой «административного руководства» является также устное соглашение между заинтересованными сторонами. Подобные соглашения в большинстве случаев заключаются в неформальной обстановке, как правило, в различного рода ресторанах и питейных заведениях. При прочих равных условиях это обстоятельство весьма затрудняет судебное разбирательство противозаконных административных действий или действий, выходящих за рамки существующего законодательства. В то же время в административной практике существует незафиксированное ни в каких документах положение о том, что «административное руководство не должно нарушать законы и постановления»⁶⁷.

Характеризуя процесс государственного управления в Японии, японские правоведы помимо вышеупомянутой системы «административного руководства» также неизменно отмечают такую его особенность, как широкое использование права на так называемое «административное усмотрение» («гёсэй сайрё»). Под последним подразумевается связанная с расширением хозяйственной функции государства в послевоенный период деятельность государственных органов в таких сферах, как дорожное, жилищное и промышленное строительство, тайный сбор информации полицией, учебные стрельбы вооруженных сил Японии и т. п.⁶⁸.

Практика «административного усмотрения» и его классовая направленность особенно отчетливо проявились в годы экономического бума конца 50-х — начала 70-х годов, когда правительственные ведомства и местные органы власти по льготной цене предоставляли частным предпринимателям земли и воды, уменьшали размеры взимаемых с них налогов и даже полностью освобождали от них. Применение права, таким образом, принесло огромные прибыли японскому бизнесу, в первую очередь монополистическому капиталу⁶⁹.

Другой специфической формой связи между предпринимательскими кругами и бюрократией, в первую очередь бюрократией МВТП, является система, при которой департаменты МВТП становятся «окнами» («мадогути») для осуществления контактов с отдельными предприятиями, промышленными и торговыми ассоциациями и «большой четверкой» ведущих предпринимательских организаций.

Так, Ассоциация металлургической промышленности и Ассоциация судостроительной промышленности «прикреплены» к департаменту тяжелой промышленности министерства, угольная Ассоциация — к департаменту горной промышленности, Японский совет по внешней торговле — к департаменту торговли и т. д. Кэйданрэн, Никкэйрэн, Кэйдзай доюкай и Торгово-промышленная палата Японии тесно связаны с департаментом предпринимательства МВТП⁷⁰.

Департамент торговли министерства, в ведении которого находится выдача всевозможных патентов и лицензий на торговлю с заграницей, называют «Гинзой» МВТП. Как писала газета «Асахи», департамент получил это название потому, что там постоянно толпятся представители ведущих фирм, старающиеся добиться для своих компаний льгот и субсидий⁷¹.

Недаром МВТП справедливо получило в Японии название «ведомства услуг» большого бизнеса страны. Промонополистическая позиция министерства особенно отчетливо проявилась в ходе всех трех послевоенных пересмотров «антимонаполистического закона» 1947 г., когда оно, защищая интересы крупного капитала, неоднократно вступало в конфликт с Комиссией по честным и справедливым сделкам при канцелярии премьер-министра, специально созданной для проведения этого закона в жизнь⁷².

Чрезвычайно важную роль в системе взаимодействия финансово-монополистического капитала и центрального административного аппарата страны играет также министерство финансов. В сферу деятельности этого государственного ведомства входят такие важнейшие функции, как составление проекта бюджета и налоговый контроль. Министр финансов обладает правом назначать президента Банка Японии — центрального органа государственного контроля в сфере кредита. Помимо того что обладание прерогативой составления национального бюджета дает в руки министерства финансов возможность в определенной степени контролировать деятельность других государственных ведомств, тесные контакты министерства с Банком Японии и другими государственными банками долгосрочного кредитования позволяют ему оказывать существенное воздействие на рынок ссудных капиталов в стране⁷³.

Министерство финансов сыграло существенную роль в осуществлении в годы форсированных темпов экономического роста (конец 50-х — начало 70-х годов) политики содействия развитию ссудного капитала, которому отводилось приоритетное

место в экономической структуре страны. Министерство и связанные с ним финансово-кредитные органы, в первую очередь Банк Японии, проводили в отношении частных банков особую политику, идя даже на предоставление им специальных льготных кредитов в случае угрозы банкротства⁷⁴.

Реальностью современной Японии является максимальное использование чиновниками министерства финансов, впрочем, так же как и других государственных ведомств страны, прерогатив своих учреждений в собственных интересах. В первую очередь речь идет об осуществлении налогового контроля, дающего бюрократам министерства возможность завязать тесные контакты с «деловым сообществом» страны.

В этом отношении весьма показательна судьба одного из виднейших деятелей консервативной партии Японии, Х. Икэда, который, начав свою деятельность как финансовый инспектор в министерстве финансов, окончил ее как премьер-министр Японии.

В 1940 г. умер финансовый магнат Нэдзу Коитиро, президент железнодорожной компании «Тобу». По завещанию Нэдзу, большая часть его огромного состояния отошла «Образовательной организации Нэдзу» и «Музею искусств Нэдзу», оставшаяся — его сыну. К удивлению членов семьи покойного и его душеприказчиков, Х. Икэда, который в это время исполнял обязанности директора Токийского районного налогового управления, первоначально обложил наследство огромным налогом в 36 млн. иен. Однако по просьбе семьи и душеприказчиков покойного, а также Ямамото Тэмэсабуро (президента «Дай Нихон Биа Кампани», близкого друга Х. Икэда) налог был снижен до 8,2 млн. иен, т. е. почти в 4 раза.

В благодарность за оказанную Х. Икэда «услугу» Миядзима, один из душеприказчиков Нэдзу и доверенное лицо премьер-министра Ёсида, стал оказывать внимание финансовому инспектору и через несколько лет Х. Икэда был назначен заместителем министра финансов. В январе 1949 г. Икэда прошел на выборах в палату представителей и не прошло и месяца, как по ходатайству Миядзима он был назначен министром финансов.

В 1960 г. Х. Икэда с помощью своих влиятельных покровителей был выбран председателем партии и наконец 19 июля 1960 г. стал премьер-министром⁷⁵.

Закулисные связи правительственной бюрократии с предпринимательскими кругами порождают коррупцию в государственном аппарате. Вся послевоенная история страны является непрерывной цепью скандальных разоблачений, связанных с высшими должностными лицами. К наиболее известным из них относятся скандал 1948 г., связанный с разоблачением фактов подкупа компанией «Сёва дэнко» высокопоставленных государственных деятелей, включая Такэо Курусу, министра финансов в кабинете Х. Асида, Т. Фукуда, в то время начальника бюд-

жетного департамента министерства финансов, и Бамбоку Оно, бывшего генерального секретаря ЛДП; «судостроительный скандал» 1954 г., в котором был замешан генеральный секретарь ЛДП и будущий премьер-министр Эйсаку Сато. Крупнейшим политическим скандалом послевоенного периода явилось, однако, известное «дело Локхид». Расследование «дела Локхид», в ходе которого в 1976 г. был подвергнут аресту и суду бывший премьер-министр страны К. Танака, продолжалось более семи лет. В 1979 г. стали достоянием гласности факты получения государственными деятелями Японии взяток и от двух других американских авиастроительных корпораций — «Грумман» и «Макдоннел-Дуглас».

Очередным скандальным разоблачением коррупции в государственном аппарате Японии явилось начавшееся в октябре 1979 г. расследование фактов подкупа должностных лиц и различных махинаций полуправительственной Международной компанией телеграфной и телефонной связи («Кокусай дэнсин кайва кося» — КДД). Руководство компании, являющейся так называемым «особым юридическим лицом» (предприятием косвенного государственного управления с участием государственного капитала), обвинялось в затратах около 2 млрд. иен ежегодно на оплату незаконных «услуг» правительственных чиновников и консервативных политиков⁷⁶.

Широкому распространению коррупции способствуют также наряду с длительным существованием в стране однопартийного режима, теснейшими связями между правящей партией, бюрократией и большим бизнесом некоторые специфические особенности деятельности государственного аппарата и его отдельных частей. Известный японский ученый Косиро Окакура, специально занимавшийся проблемой коррупции, перечисляет ряд факторов, благоприятствующих незаконной деятельности бюрократии.

Во-первых, это бытующая в государственных учреждениях страны практика «мэкура-бан» («слепое подписывание»), при которой высокопоставленные чиновники сплошь и рядом подписывают документы без предварительного ознакомления с их содержанием. Это позволяет нижестоящим чиновникам, не особенно опасаясь разоблачения, совершать незаконные действия.

Во-вторых, секционализм — традиционный порок японской бюрократии, затрудняющий взаимодействие между отдельными частями государственного аппарата и препятствующий осуществлению надлежащего контроля над их деятельностью.

В-третьих, значительные масштабы предпринимательской деятельности государства, огромные размеры правительственных субсидий, которые сами по себе затрудняют осуществление надлежащей финансовой инспекции⁷⁷. Так, в 60-е годы Комиссия по честным и справедливым сделкам смогла проконтролировать лишь примерно 10% проектов, в которых принимало участие государство⁷⁸.

Одним из важнейших звеньев в системе связей высшей бюрократии и финансово-монополистических кругов Японии становится явление, которое В. И. Ленин называл «личной унией» банков с промышленностью... с правительством»⁷⁹. Ее формирование начинается еще во время нахождения чиновников на государственной службе и завершается массовым переходом, или, как принято это называть в Японии, «спуском с небес» («амакудари») высокопоставленных правительственных бюрократов после отставки в предпринимательские круги.

Явление «амакудари», до сих пор в недостаточной степени нашедшее отражение в советской японоведческой литературе, заслуживает особого внимания как по своим масштабам, так и потому, что представляет собой весьма эффективную форму взаимодействия «делового сообщества» и правительства Японии. Обращает на себя внимание при этом отчетливая тенденция к неуклонному увеличению из года в год числа «спустившихся с небес» бывших высокопоставленных правительственных чиновников⁸⁰. Так, по данным «Белой книги», опубликованной в начале 1978 г. Советом по делам персонала при канцелярии премьер-министра, в 1977 г. имело место 197 подобных случаев против 158 в 1976 г.⁸¹

С начала 80-х годов число случаев «амакудари» значительно возросло. В 1981 г. «спустилось с небес» 249 правительственных бюрократов⁸², в 1982 г. — 266⁸³, в 1983 г. — 267⁸⁴, в 1984 г. — 295⁸⁵. По опубликованным весной 1986 г. данным, уже 320 экс-бюрократов перешло в предпринимательские круги⁸⁶.

Явление переплетения и циркуляции руководящего персонала между государственным аппаратом и частным сектором является повседневной реальностью развитых капиталистических стран. Оно вызывается к жизни усложнением функций буржуазного государства в условиях научно-технической революции, тенденцией к усилению его вмешательства (хотя в последний период в ведущих капиталистических странах раздаются голоса, призывающие к ослаблению системы правительственного регулирования, возвращению к «классической» рыночной модели) в весь процесс капиталистического воспроизводства. Во Франции, например, миграция персонала получила название «пантуфляж» (буквально, «надевание домашних туфель») и находит свое яркое проявление в установлении тесных персональных связей между национализированными банками и крупными промышленными группами⁸⁷. В США широкие масштабы, как известно, приняло массовое проникновение представителей «большого бизнеса» непосредственно в правительство страны, с одной стороны, и миграция высших государственных служащих в крупные корпорации, в частности внутри военно-промышленного комплекса, — с другой.

Однако процесс перемещения кадров между государственно-административным аппаратом и «деловым сообществом» в Японии имеет свои особенности⁸⁸. Главной из них является практи-

чески абсолютно односторонний характер миграции в направлении «правительственный аппарат — предпринимательские круги», хотя в послевоенной Японии существуют юридические нормы, формально ограничивающие возможности перехода государственных служащих после отставки на работу в частные предприятия. Так, ст. 103 Закона о государственных служащих 1947 г. запрещает правительственной бюрократии в течение двух лет после отставки поступать на работу в компании, с которыми они имели «тесные отношения» в течение последних пяти лет пребывания на государственной службе⁸⁹. Пристальный интерес японской общественности к столь «интимным» отношениям между частно-предпринимательскими кругами и государственно-административным аппаратом заставил Совет по делам персонала при канцелярии премьер-министра начиная с 1965 г. ежегодно публиковать отчет о «спуске с небес» в прошлом году (так называемая «Белая книга по „амакудари“») ⁹⁰. В то же время контроль Совета над этим явлением носит довольно формальный характер и сводится к запросам руководства соответствующих ведомств правительственного аппарата о характере отношений их бывших сотрудников с новым местом работы. В подавляющем большинстве случаев вообще отрицается наличие каких-либо связей⁹¹. В то же время не вызывает никаких сомнений, что существование теснейшего взаимодействия между служащими государственно-административного аппарата и частными фирмами является реальностью современной Японии. Американский специалист Т. Янага так определяет характер этих взаимоотношений: «Формулируя и оценивая интересы нации... она (бюрократия) работает в тесном контакте с организованными группами интересов, в особенности дзайкай (финансово-монополистические круги.— А. М.). Бюрократы смотрят на людей в высшем эшелоне дзайкай как на своих союзников и с готовностью угождают им. Отношения носят характер симбиоза»⁹².

Перед высокопоставленными экс-бюрократами, избирающими не политическую, а предпринимательскую деятельность, открываются следующие основные возможности: переход в «особые юридические лица», т. е. в предприятия прямого или косвенного государственного подчинения, связанные с определенными правительственными ведомствами, а также в упоминавшиеся выше промышленные и торговые ассоциации и отдельные капиталистические компании.

Характерно, что новый статус высших правительственных чиновников как в полуправительственных корпорациях, так и в частном секторе ставится в зависимость от занимаемых ими должностей на государственной службе. Так, бюрократы, уходящие в отставку с поста заместителя министра по административной части, обычно назначаются президентами компаний или вводятся в советы директоров; занимавшие посты начальников департаментов получают должности управляющих или вице-директоров.

Занятые предпринимательской деятельностью на базе государственных капиталов «особые юридические лица» становятся ареной тесного переплетения своекорыстных интересов чиновничьей верхушки и финансово-монополистической олигархии. Бывшие служащие центральных правительственных учреждений, совмещающие на руководящих постах в этих организациях административные и предпринимательские функции, превращаются в распоряжающихся крупными капиталами «чиновников-дельцов».

По состоянию на начало 80-х годов, 78,6% руководящих работников («якуин») предприятий прямого или косвенного государственного подчинения Японии составляли выходцы из рядов правительственной бюрократии⁹³.

Важным каналом «амакудари» в послевоенной Японии являются многочисленные торговые и промышленные ассоциации. Переход на руководящие должности в них в значительной степени облегчен для правительственного чиновничества, так как не ограничен законом в связи с тем, что юридический статус этих ассоциаций определяется как «некоммерческие организации». Очень часты случаи, когда экс-бюрократы сразу же после выхода в отставку поступают на работу в них, а по прошествии нескольких лет переходят в частные компании. Так, в частности, на заседании бюджетной комиссии палаты советников японского парламента от 15 марта 1974 г. стало достоянием гласности, что в 143 торговых и промышленных ассоциациях на ответственных постах тогда служило 214 бывших высокопоставленных государственных служащих, главным образом из МВТП⁹⁴.

Анализ статистики по «спуску с небес» в последнее десятилетие обнаруживает отчетливые закономерности в этом явлении, не исключающие, однако, определенных вариаций от года к году. Так, в основном лидируют чиновники МВТП, за ними следуют высокопоставленные сотрудники министерства финансов и министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства.

Данные по «амакудари» в 1984 г., например, показывают следующую картину. Ведущее место в этом году заняло министерство финансов (55 человек), за ним следовали: министерство сельского и лесного хозяйства и рыболовства (33 человека), Управление безопасности на морях (27 человек)⁹⁵, МВТП и министерство связи (по 26 человек из каждого), министерство строительства (23 человека)⁹⁶. Значительное увеличение «спуска с небес» высокопоставленных правительственных чиновников в середине 80-х годов (так, число случаев «амакудари» в 1984 г., составившее 295, превысило показатель предыдущего года на 20%)⁹⁷ связывается с активизацией курса правительства Японии на денационализацию ряда предприятий государственного подчинения в ходе осуществления административно-финансовой реформы.

Весьма характерно, что явление «амакудари» практически не наблюдается в таком государственном ведомстве Японии, как министерство иностранных дел. Это объясняется тем, что в силу специфики своей работы чиновники дипломатической службы обладают минимальными возможностями для установления необходимых контактов внутри страны, которые могли бы обеспечить им привлекательные «повторные карьеры». То же самое относится и к сотрудникам министерства образования, которые не имеют возможности установить выгодные связи с предпринимательскими кругами.

Анализ деловых карьер высокопоставленных государственных чиновников Японии показывает четкую специализацию, определяемую характером места их бывшей деятельности на правительственной службе. Так, работники министерства финансов в большинстве случаев переходят в различные кредитно-финансовые учреждения (как государственного подчинения, так и частные); министерства внешней торговли и промышленности — в металлургические, торговые, нефтеперерабатывающие и другие компании; министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства и министерства строительства — в строительные фирмы. Как показали результаты проведенного КПА обследования, опубликованные в начале 1977 г., с 1948 г. из 471 высокопоставленных служащих министерства финансов 69% перешло на работу в различные кредитно-финансовые организации (48% — в полугосударственные, 21% — в частные)⁹⁸.

Характерным явлением современной Японии становится упрочение контактов между Управлением национальной обороны (УНО) и частными фирмами, производящими вооружение. Параллельно с расширением военного производства в Японии растет поток вышедших в отставку сотрудников УНО, перешедших на работу в соответствующие предприятия. Так, по данным, представленным в свое время УНО парламенту, с 1967 по 1979 г. в связанные с УНО подрядными отношениями фирмы переместилось 866 бывших военнослужащих в чине не ниже майора⁹⁹. Наблюдается тенденция к усилению персональных связей внутри набирающего силу военно-промышленного комплекса Японии, хотя в отличие от США, где этот комплекс в настоящее время существует в своем «классическом» виде, в Японии кадровые перемещения по линии «военное ведомство — частный сектор» имеют одностороннюю направленность. При этом проникновения в государственно-административный аппарат (за исключением ряда консультативных комитетов при правительстве) представителей производителей оружия не наблюдается.

Предпринимательские круги Японии всячески приветствуют приток представителей правительственной бюрократии в «деловое сообщество». Последние лучше разбираются в сложном лабиринте правительственных ведомств, сохраняя и после ухода в отставку с государственной службы ценные контакты в мини-

стерствах и ведомствах. Важным обстоятельством является также то, что в подавляющем большинстве случаев экс-бюрократы в Японии выступают, как указывалось выше, в качестве «генералистов».

Деловые круги Японии привлекают также неизмеримо большая стабильность и преемственность бюрократического аппарата по сравнению со сменяемой частью госаппарата, представляемого министрами — профессиональными политиками.

Наглядное представление о месте, занимаемом «спустившимися с небес» правительственными чиновниками, в процессе формирования высшего эшелона предпринимательских кругов можно получить из данных, опубликованных МВТП Японии в 1981 г. Департамент промышленной политики министерства, исследовавший в 1973—1980 гг. руководящий состав значительного числа компаний, выявил четыре основные категории высших менеджеров, соотношение между которыми распределяется следующим образом: президенты — основатели компании — 34,9%; президенты, унаследовавшие этот пост, — 23,4%; президенты, «выросшие» из персонала компании, — 8,3%; президенты, «спустившиеся с небес», — 34,4%¹⁰⁰.

Таким образом, выходцы из рядов правительственной бюрократии занимают второе по численности место среди высших менеджеров.

Бытует мнение, что бывшие правительственные бюрократы Японии обычно предпочитают «парашютировать» после отставки преимущественно в крупные фирмы. Действительно, в списках руководящего персонала 500 крупнейших японских компаний можно найти немало лиц, в прошлом занимавших видные посты в государственно-административном аппарате. В то же время значительное число экс-бюрократов поступает на руководящие должности в мелкие и средние предприятия, составляющие, как известно, подавляющую долю частнопредпринимательского сектора в Японии. Американский исследователь К. Колдер связывает это явление с большей «желательностью» бывших государственных служащих именно для небольших и среднемасштабных фирм, обладающих несравненно меньшей экономической мощью, чем корпорации. Учитывая огромную зависимость капиталистических предприятий такого типа от заемного капитала, что является характернейшей особенностью японского предпринимательства, они стремятся иметь на руководящих постах лиц, которые могли бы придать им престижность и, таким образом, повысить кредитоспособность этих фирм. Именно такими качествами и обладают выходцы из рядов правительственной бюрократии. Последнее обстоятельство, помимо всех прочих факторов, связано с традиционной исключительной престижностью государственной службы в Японии¹⁰¹.

К. Колдер выдвигает концепцию «балансира» («икволайзера»), как он называет функцию, которую в значительной степе-

ни выполняют японские экс-бюрократы в частнопредпринимательском секторе, «уравновешивая», так сказать в какой-то мере и средние предприятия, с одной стороны, и крупные корпорации — с другой. При этом он указывает на такие малоизвестные факты, как весомое (более половины) представительство бывших правительственных чиновников в районах помимо столицы (в частности, в районе Кансай, на западе Японии) и относительно значительном числе экс-бюрократов в компаниях с присутствием иностранного капитала, таких, например, как «Мобил ойл», «Эксон», «Ай-Би-Эм». Их филиалы, указывает он, в большей степени, чем чисто японские фирмы, нуждаются в людях, досконально разбирающихся в государственно-административном аппарате страны их пребывания¹⁰².

Явление «амакудари» является объектом широкой критики в Японии. Левые силы разоблачают его сущность как реальное воплощение «спайки» большого бизнеса, правительства и бюрократического аппарата. Так, ряд профсоюзов включают борьбу со «спуском с небес» правительственного чиновничества в число своих лозунгов¹⁰³.

Массовый «спуск с небес» правительственных чиновников Японии, как бы завершающий систему взаимопереплетающихся связей между предпринимательскими кругами и государственно-административным аппаратом, представляют собой весьма серьезное явление. Оно персонифицирует эти связи, делает еще более элитарно-замкнутой правящую группировку, в руках которой сосредоточиваются основные рычаги капиталистического господства. Высокопоставленные бюрократы, выступавшие во время своего нахождения на государственной службе в качестве посредников между правящей партией и «деловым обществом», теперь непосредственно вливаются в высший эшелон власти. Сращивание бюрократической верхушки с аппаратом монополий ведет к созданию чрезвычайно влиятельного комплекса, который, помимо всего прочего, в конечном счете усиливает политическое влияние бюрократии, этой традиционно наиболее консервативной части правящей верхушки развитых капиталистических стран.

Таким образом, расширение регулирующей функции японского государства в условиях государственно-монополистического капитализма привело к значительному росту и усложнению аппарата исполнительной власти, который стал распространять свое влияние на все стороны процесса капиталистического воспроизводства.

Решающее воздействие на деятельность государственного административного аппарата Японии оказывает узкая элитарная группировка привилегированной бюрократии, контролирующая административную власть во всех министерствах и ведомствах страны. В современной Японии она становится тем социальным слоем, через который монополии осуществляют свое господство над аппаратом исполнительной власти и в определенном смысле

и над выборными политическими органами — парламентом и правительством.

Реальная роль и место высшей бюрократии в политическом механизме Японии значительно обширнее, чем это определено формальными юридическими постановлениями. Она является сплоченной социальной группой, имеющей специальные знания, которая в силу специфики деятельности государственно-административного аппарата обладает значительной самостоятельностью в социально-политической структуре страны.

Между финансово-монополистической верхушкой и правительственным чиновничеством, в первую очередь «экономической» бюрократией, разрабатывающей и осуществляющей конкретную политику в области развития национального хозяйства Японии, существует тесное взаимодействие. Большое значение при этом имеет массовый переход высокопоставленных чиновников в деловые круги. Это явление еще более усиливает процесс упрочения связей между монополистическим капиталом и бюрократической верхушкой, добавляя новые звенья к разветвленной системе воздействия большого бизнеса на политические органы страны.

Реальностью послевоенной Японии является активизация высшего чиновничества в политической жизни. Этот феномен не исчерпывается только значительной ролью бюрократии в законодательном процессе и увеличением числа депутатов парламента — бывших высокопоставленных государственных служащих. Бюрократическая верхушка, неотъемлемыми качествами которой являются консерватизм и косность, стала важнейшим источником формирования руководства Либерально-демократической партии, причем ее наиболее правого крыла.

Явление возрастания роли бюрократии в японской политике имеет далеко идущие последствия, так как в значительной степени компенсирует организационную слабость ЛДП, позволяя ей наряду с огромной финансовой поддержкой со стороны монополий удерживать в своих руках власть, несмотря на растущее в стране недовольство консервативным режимом. «Бюрократизация» политической жизни при этом затрудняет прогрессивным силам доступ к хранящимся в государственных ведомствах важным источникам информации, необходимым для осуществления эффективной политической деятельности, и, что особенно серьезно, в конечном счете уменьшает роль такой важной арены политической борьбы, как парламент. В определенном смысле это является реакцией монополистического капитала страны и защищающей его интересы правящей консервативной партии на деятельность демократических сил Японии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже 50—60-х годов в результате завершения послевоенной перестройки экономики и реорганизации в основном партийной системы и структуры финансово-монополистического капитала в Японии сформировался современный механизм политической власти, который с определенными модификациями функционирует вплоть до настоящего времени.

Перестройка политической системы Японии происходила параллельно с эволюцией государственно-монополистического капитализма. Вплоть до конца 70-х годов, когда в правительственном курсе начала отчетливо проявляться «неоконсервативная» тенденция к сворачиванию государственного вмешательства в систему национального хозяйства, японское государство осуществляло курс на активное воздействие на все стороны производственного процесса и экономических отношений, стремясь по возможности сгладить имманентно присущие капитализму противоречия.

На послевоенном этапе развития государственно-монополистического капитализма в Японии, как и в других империалистических странах, происходит существенная трансформация политической структуры буржуазного государства. Расширение сферы его вмешательства в жизнь общества приводит к значительному видоизменению буржуазного парламентаризма: резко ограничивается право законодательной инициативы рядовых парламентариев; в общей массе принятых законов значительно возрастает доля внесенных по инициативе правительства. При этом парламент в определенной мере утрачивает решающее значение в процессе принятия решений по важнейшим вопросам национальной политики, подчас превращаясь в машину для утверждения разработанных вне его стен законопроектов. Явственно прослеживается процесс ослабления законодательной власти за счет усиления исполнительной.

Характерной чертой политического механизма Японии становится повышение значения различных неформализованных институтов, часто строящихся по клубному принципу и действующих в обход традиционных представительных органов буржуазной демократии. Хотя их существование и не предусмотрено нормами государственного права, они играют все возрастающую роль в системе власти. Заметно расширяется полити-

ческая деятельность предпринимательских организаций, являющихся координирующими органами монополий. Последние начинают значительно активнее принимать участие в разработке важнейших правительственных программ, что особенно отчетливо видно на примере важнейшей административно-финансовой реформы, оказавшейся с конца 70-х годов в центре внимания правящих кругов Японии.

Структурные элементы политического механизма современной Японии прочно сцементированы общностью классовых интересов, функциональным взаимодействием, а также системой неформальных, личностных взаимоотношений.

Этот механизм отличает теснейшая взаимопривязанность и слаженность аппаратов правящей ЛДП, государственно-административной системы и «большой четверки» ведущих предпринимательских организаций, структура которых практически полностью дублирует друг друга. Именно в этой плоскости путем многочисленных согласований и корреляций как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях происходит принятие важнейших политических решений в современной Японии. Весьма характерно при этом, что высокая степень слаженности механизма принятия политических решений в Японии рассматривается в настоящее время во многих странах капиталистического мира как образец для подражания.

Отличительной чертой политического стиля финансово-монополистической верхушки современной Японии является ярко выраженное стремление избегать непосредственного участия в традиционных выборных органах и правительстве страны. В отличие от политической стратегии монополий стран Запада, в первую очередь США, в своем воздействии на государственную машину она предпочитает завуалированные методы: контакты с руководством ЛДП, воздействие на лидеров фракций, связи с высокопоставленными работниками центрального административного аппарата Японии. Доминирующее положение финансово-монополистической элиты в политическом механизме Японии при этом определяется полной зависимостью правящей партии от финансовых субсидий «большого бизнеса», проникновением его представителей в играющие ключевую роль в политическом процессе институты, как формальные, так и неформальные, образованием теснейшей «личной унии» с государственным аппаратом.

В то же время связи внутри системы политической власти Японии отнюдь не исчерпываются подчинением правящей партии и государственно-административного аппарата экономически господствующей социальной группе — финансово-монополистическому капиталу. Важнейшей особенностью функционирования политического механизма буржуазного государства является относительная самостоятельность надстроечных органов по отношению к базису, с одной стороны, и известная независимость структурных элементов системы власти по отношению

друг к другу — с другой. Не следует упускать из виду также то обстоятельство, что в силу существования внутри финансово-монополистического капитала целого ряда соперничающих группировок, связанных с отдельными фракциями в ЛДП и подразделениями правительственного бюрократического аппарата, разногласия между ними порой оказывают весьма существенное воздействие на функционирование политического механизма Японии в целом.

Важнейшую роль в системе власти играет привилегированная правительственная бюрократия, осуществляющая административную власть во всех государственных учреждениях и ведомствах современной Японии.

Действие таких объективных факторов, как расширение регулирующей функции буржуазного государства в течение длительного периода, традиционная слабость законодательной власти по сравнению с исполнительной, особенности организационной структуры правящей ЛДП, порождающей частые перемещения в правительстве, определяют значительно большее значение высокопоставленного чиновничества в реальном политическом механизме Японии, чем это предусмотрено формальными юридическими постановлениями.

Бюрократическая верхушка современной Японии осуществляет свою деятельность в тесном взаимодействии с правящей ЛДП и финансово-монополистическим капиталом. Она упрочивается и персонифицируется массовым, непрерывно возрастающим переходом высокопоставленных правительственных чиновников после отставки с государственной службы в высший эшелон правящей партии и руководство ведущих частных, правительственных и полуправительственных корпораций. В то же время, как сплоченная социальная группа с сильным, возвращенным многовековой традицией чувством исключительности своего места в японском обществе и характерным для чиновничества вообще «бюрократическим» типом мышления, она обладает четко выраженным групповым сознанием. Особенно яркое проявление это нашло в самое последнее время в том активном сопротивлении, которое японская бюрократия оказывает реализации тех частей проекта административно-финансовой реформы, которые расцениваются ею как ущемление своих прерогатив и привилегий, независимо от того, необходимы эти меры для совершенствования управления хозяйством или нет¹.

Характерные для современного этапа общего кризиса капитализма процессы протекают в Японии под сильным воздействием специфики исторического развития страны. Устойчивые традиции «этатизма», тесных связей частного предпринимательства с государством, имеют глубокие корни в ее социально-экономической структуре. Они, равно как и отсутствие до конца XIX в. системы выборных органов, сохранение вплоть до конца второй мировой войны многочисленных феодальных пережитков в системе государственной власти, в значительной степени

предопределили особенности послевоенной политической структуры и сложившегося в Японии типа политического сознания. Сильное влияние на функционирование современного политического механизма Японии оказало также широкое заимствование американских государственно-политических норм в период послевоенной американской оккупации.

Рубеж 70—80-х годов ознаменовал собой начало значительных перемен в политическом механизме Японии. В результате парламентских выборов конца 70-х — начала 80-х годов либерал-демократам удалось значительно укрепить свои позиции в высшем представительном органе страны и в местных органах самоуправления. Используя целый ряд тактических приемов и некоторые благоприятные факторы, ЛДП сумела приостановить тенденцию неуклонного снижения уровня поддержки партии избирателями, которая преследовала ее на протяжении практически всего предшествующего периода пребывания у власти.

Изменение соотношения сил в японском парламенте в пользу консерваторов сразу же ознаменовалось ужесточением их политики. ЛДП удалось законодательно оформить значительное увеличение военных расходов, в правящем лагере страны стали громче раздаваться голоса, призывающие к антидемократическому пересмотру действующей конституции.

Особого внимания заслуживает разработка правящими кругами Японии под лозунгом «консервативного возрождения» целой серии реформ (административно-финансовой, образования, избирательной системы, «законодательства о политических партиях»), затрагивающих практически все стороны жизни японского общества. В отличие от проектов, выдвигавшихся в предшествующие годы, эти планы преобразований носят комплексный, всеобъемлющий характер и в своей совокупности преследуют кардинальную цель — резко изменить внутривнутриполитическую ситуацию в стране в пользу правящего лагеря, расколоть оппозицию, добиться прочной стабилизации консервативного режима. Фактически речь идет о попытках радикально укрепить всю систему капиталистического господства в стране: экономического, политического и идеологического.

Развернутое правящим лагерем Японии активное наступление на права и завоевания японских трудящихся ставит перед демократической оппозицией особо серьезные задачи. Решающее значение в сложившихся условиях приобретает позитивная деятельность левых сил страны, которая противостоит линии господствующей верхушки на сворачивание демократических институтов, милитаризацию страны, сокращение социальных программ. Лишь их созидательные усилия, способность противопоставить реальную альтернативу политике правящих кругов и умелая парламентская тактика в сочетании с широким развертыванием внепарламентских форм борьбы могут сорвать антидемократические, а подчас и откровенно репрессивные планы консервативного лагеря Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ*

Введение

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, 14—15.

² Ленин В. И. Письмо Сильвии Панхерст. — Т. 39, с. 160.

³ В исследованиях советских авторов в состав политической системы обычно включают следующие подсистемы: организационно-институционную, регулятивную (или нормативную), функциональную и коммуникативную. В нее также нередко включают политическую идеологию и политическую структуру. См.: Ильинский И. П., Мишин А. А., Энтин Л. М. Политическая система современного капитализма. М., 1983.

⁴ Политические системы современности. М., 1978, с. 148.

⁵ Большинство исследователей политической системы современной Японии, как отечественных, так и зарубежных, разделяют эту точку зрения. Из последних см., например: Read S. R. Is Japanese Government Really Centralized? — The Japan Quarterly 1982, vol. 8, № 1 (Winter), с. 133—164. Однако в последние годы как в самой Японии, так и за ее пределами широко дискутируются теории «возрождения местной администрации», «наступления эпохи местного самоуправления» и т. п.

Глава первая

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21, с. 172.

² Известный японский исследователь Цунэо Ватанабэ насчитывает до 16 партий и политических организаций, вошедших в 1955 г. в ЛДП, в том числе Либеральная, Демократическая, Народно-кооперативная и др. См.: Ватанабэ Ц. Хабацу. Хосюто-но кайбо (Фракции. Анализ консервативной партии). Токио, 1958, с. 48—49.

³ Так как руководство ЛДП с самого начала стало именовать свое политическое мировоззрение консерватизмом, в Японии широкое распространение получило второе название ЛДП — Консервативная партия (Хосюто). При этом также имеется в виду противостояние ЛДП на политической арене страны целого ряда оппозиционных партий, которые в политическом лексиконе принято называть независимо от их идеологической направленности «прогрессистскими партиями» («какусин сэйто»).

⁴ История Японии (1945—1978). М., 1978, с. 174.

⁵ Комэйто и ПДС в Японии часто называют «партиями среднего пути» («тюдэ сэйто»).

⁶ См., например, книгу известного японского политолога Цунэо Ватанабэ «Хокаку рэнрику сэйкэн рон» (О коалиционном правительстве консерваторов и прогрессистов). Токио, 1976.

⁷ НЛК просуществовал ровно десятилетие, до августа 1986 г., когда его руководство приняло решение о самоликвидации Клуба, большая часть членов которого вошла в ЛДП. НЛК состоял в правительственной коалиции с либерал-демократами с декабря 1983 по июль 1986 г.

⁸ См.: Liberal Star. 1983, June—July, № 138.

⁹ Синдо Э., Ямагути Я., Мурамацу М., Миякэ И. Нихон сэйдзи-но дзакэ.

* Работы К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава первая. Основные особенности механизма политической власти послевоенной Японии	6
Эволюция политической системы после окончания второй миро- вой войны	6
Конституционно-правовая модель современной Японии	9
Структура правящих органов	17
Характер и формы функционирования реального политического механизма	23
Глава вторая. Система воздействия финансово-монополистического ка- питала на политические органы Японии	36
Формирование верхушки финансово-монополистического капитала	36
Структура и особенности деятельности ведущих предпринима- тельских организаций	39
Политический стиль финансово-монополистической олигархии	52
Основные каналы взаимодействия финансово-монополистического капитала с государственными и политическими органами	58
Глава третья. Роль и место правящей Либерально-демократической пар- тии в политическом механизме современной Японии	78
Социально-политическая роль ЛДП	78
Центральный аппарат партии и процесс принятия политических решений	87
Законодательная деятельность и парламентское маневрирование ЛДП	92
Внутрипартийные группировки	113
Система финансирования	127
Глава четвертая. Центральный бюрократический аппарат в системе вла- сти современной Японии	135
Особенности государственной службы в послевоенной Японии	135
Формирование бюрократической верхушки	140
Связи руководства государственного аппарата с Либерально-де- мократической партией	145
Каналы и методы взаимодействия высшей бюрократии с финан- сово-монополистическими кругами	152
Заключение	165
Примечания	169
Приложения	184
Библиография	192
Summary	197